

**ВЕНОК
СТАНИСЛАВУ
ЛЕСНЕВСКОМУ**

ВЕНОК
СТАНИСЛАВУ
ЛЕСНЕВСКОМУ

В м е с т о п р о щ а н и я

Москва
ПРОГРЕСС-ПЛЕЯДА
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В29

В книгу, издающуюся к сороковому дню
памяти Станислава Стефановича Лесневского
(4 октября 1930 – 18 января 2014),
вошли стихотворения, воспоминания,
очерки, эссе и другие материалы,
посвященные замечательному критику,
литературоведу, публицисту, издателю
и просветителю, оставившему яркий
и значительный след
в отечественной культуре.

ISBN 978-5-7396-0313-5

Александр ЛЕСНЕВСКИЙ

Отец рассказывает

Вот что отец рассказал мне за 6 дней до своей смерти. Ему было уже трудно говорить: голос почти пропал, мешала одышка...

– Мы поселились в Москве, в двухэтажном доме в Гусятниковом переулке, он тогда назывался Большевикским. А дом сохранился, он во дворах где-то...

Когда отца пришли забирать в 37-м году, он был студентом-дипломником Московского энергетического института, мама изучала немецкий в Институте иностранных языков. Она иногда брала меня на занятия, но потом ей запретили. И вот почему. Однажды на лекции лектор спросил: «Какую задачу ставил Ленин?..» Все молчали, и тут с последней парты раздался звонкий детский голос: «Покончить с периодом разброда и шатаний...»

...Был обыск, конечно... Больше всего меня поразило то, что книги, к которым мне строго-настрого запрещали прикасаться, безжалостно бросали на пол – Ленин, Сталин...

Его приговорили к ссылке, это был мягкий приговор. И мы поехали в Урлютюб, Прииртышский зерносовхоз. На мне было все хозяйство: я ходил на Иртыш за водой, поднимался с ведрами на высокий берег, со-

Гусятников переулок, д. 7

бирал кизяки, чтоб топить печку. Еще я варил суп: собирал все, что было в доме, ссыпал в кастрюлю... Почему-то этот суп все ели.

У нас было две комнаты: в одной была новорожденная Реночка, в другой – это была кухня – под столом жили куры, а в углу была свинья, которую пришлось рано прирезать, потому что кормить ее было нечем. Тогда я впервые попробовал вкус молодого свежего мяса... печеночки там всякой... а кишки промывали и делали колбасу.

Учительница математики была очень милая, но слабая, она приходила к отцу решать задачки по физике и математике, он потом преподавал физику и математику. Тетя Поля преподавала русский язык и литературу...

У отца был приятель, которого тоже сослали в Урлютюб, – Иосиф Ефимович Мандельсберг (? – А.Л.), помощник Кирова. Он узнал, что его хотят схватить, и три дня кружил по Питеру, надеясь скрыться. В конце концов его все-таки поймали.

Да, отцу ведь предлагали идти в польскую армию во время войны, и он согласился, но НКВД не разрешило...

Моя прабабушка, Ольга Онуфриевна (мать Стефана Лесневского. – *А.Л.*) дружила с женой Дзержинского, они вообще дружили семьями, Дзержинский и Ян Стефанович. Она похоронена на Введенском кладбище, это бывшее Немецкое, в Лефортове... А когда Дзержинский возглавил ЧК, он вызвал деда в Москву и предложил работать в ЧК, но дед ответил, что останется сапожником. Он тогда жил в Енисейске и был действительно высококлассным сапожником... По его заказу мне с Алтая прислали хорошенький полушубок...

Дед жил в Варшаве примерно до 1905 года, потом его сослали в Енисейск, а отец родился в 1903 году. Была, конечно, возможность у него переехать в Польшу, но они с Ольгой Онуфриевной не были патриотами новой Польши, они были патриотами Советской России...

В 1944 году мы с мамой и Реной уехали в Москву, отец настоял... Он говорил, что это нужно для нашего образования. В 1947 году он нелегально приезжал к нам в Москву и рассказывал, как много людей пострадали от Сталина. Он говорил: «Если б у меня был прожектор, я бы на небе писал, как много людей расстреляно и сидит в лагерях». Тогда он мне рассказал, что у него есть вторая семья... Жену его звали Фрида Ивановна, она была немка, у нее был сын от первого брака – Юра. Потом у меня появился сводный брат Владислав, он живет в Болгарии и возглавляет союз по изучению русского языка... Он приезжал тут недавно в Москву...

Сестра Зоя, двоюродная сестра Станислава (? – *А.Л.*), участница войны, занималась военной фотографией, – привезла с войны красавца мужа, который научил меня пить водку. Он привозил ее в больших канистрах из Германии....

22 июня 1941 года я был в гостях у тети Стаси с родственником Тадеком и услышал речь Молотова: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». А 2-го или 3 июля 1942 года я шел по улице Герцена и услышал речь Сталина, где он обратился к народу со словами «братья и сестры»... Меня поразил очень сильный акцент, надо было прилагать усилие, чтобы его понять...

После этих слов отец задремал, а я сидел рядом и вспоминал про самиздатовские книги, которые он мне тайком показывал, про беседы на кухне на темы, от которых мурашки по коже, про то, как он приходил ко мне в школу и с позволения учительницы литературы – Сусанны Романовны Кенджерской – вел замечательный факультатив, где можно было услышать о Библии. Или он мог его начать словами: «А сегодня мы поговорим о том, что ожидает каждую девушку в этом классе, – судьбе женщины и матери...». В памяти проносились образы заснеженной поляны в Шахматове, на которой еще нет знаменитого валуна, лишь разносится певучий голос отца: «Огромный тополь серебристый вздымал на домом свой шатер...»; тени китайской ширмы с драконами, из-за которой слышится бархатный женский голос: «Анна Андреевна не любила эту квартиру...»; раздается мощный баритон Вадима Кожинова: «..первая встреча, последняя встреча...». Все это – огромный мир, который подарил мне отец и который я храню в своем сердце.

Я вошел в его комнату спустя несколько минут после того, как он скончался, и припал к нему на грудь, которая была еще горяча... «Или, может быть, это я обнимаю его трепетную и страстную душу, которая вот-вот покинет тело», – подумалось мне...

Разыскивая в Интернете сведения о дедах и прадедах, натыкаюсь на «не стало». «Почему не стало?!» – все вопиет во мне! Он со мной, он часть меня! Отец подарил мне опыт смерти, которая есть реально ощущаемое воскресение, опыт парадоксальности чувства невосполнимой утраты дорогого и любимого человека и ощущения жизненной полноты и важности того, что он для меня сделал.

Как много я не успел сказать тебе, папа...

Люблю тебя, помню и молюсь...

*Яко Ты еси воскресение, живот и покой усопшаго
раба твоего Святослава*

Таким я его и запомнила

Стихи Волошина, его профиль, вырисовывающийся в разломах горы Кара-Даг, и акварели Айвазовского, — все это благодаря папе навсегда слилось в моем сознании в единый образ Коктебеля. Именно в Крыму, в Коктебеле, папа предпочитал отдыхать и остался верным себе до конца: с морем Айвазовского и с домом-музеем Максимилиана Волошина он простился за несколько месяцев до своего ухода. С этими поэтическими, а тогда для меня, ребенка 4–5 лет, почти что мифологическими местами и связано мое первое отчетливое воспоминание о папе. Помню, как он будит меня еще до рассвета, и мы идем на каменистый коктебельский пляж, чтобы «окупнуться». Я упираюсь, мне — ребенку — не понятен этот суровый обычай.

Однако чаще всего я оставалась спать в эти самые прекрасные для купания, пустынные и свежие часы, а папа неизменно шел на пляж, чтобы совершить свой утренний заплыв. Папа не был кабинетным ученым, каким, наверно, не может быть любой, кто действительно любит и понимает русскую литературу. В Крыму он много и неутомимо ходил по горам. Литературоведение не заканчивалось для него на критических изданиях и научных конференциях, оно было для

папы еще и вечным странствованием по поэтическим далям.

В этих паломничествах, куда я, ребенок, а потом подросток, часто его сопровождала, встречались замечательные люди: Анатолий Приставкин, Наум Коржавин, Евгений Евтушенко. Каждую зиму мы ездили с папой в Переделкино. Там мы ходили на могилу к Пастернаку, на похоронах которого папа присутствовал, а также заглядывали в дом-музей Чуковского, чтобы полюбоваться на Чудо-дерево с разноцветными башмачками. Все это было настолько естественно, что мне казалось, будто у всех детей должно быть так. Многие стихи я знала не из школьной программы, а на слух, от папы, который обладал феноменальной памятью и беспрестанно декламировал наизусть. Когда же нам в школе преподавали Блока, мне казалось, что это говорят о каком-то члене моей семьи.

Все это сделало неизбежным и естественным мое поступление на филологический факультет МГУ, туда же, где учился и папа. Он был счастлив, когда узнал, что я буду заниматься Италией, поскольку всегда питал к этой стране особую любовь. Св. Франциск Ассизский и итальянская живопись эпохи Возрождения удивительным образом соседствовали в его мире с православными иконами и портретами русских императоров. Славянофильство и западничество в папином мировоззрении были двумя составляющими одного гармоничного целого. И в этом, в том числе, проявлялась папина уникальная способность к культурному синтезу поистине возрожденческого толка.

Когда я пошла в Университет, папа привез две большие спортивные сумки книг. Это были книги, которые сейчас можно найти только в букинистическом отделе «Дома Книги» на Арбате: издательство «Советский писатель», «Наука», вся античная литература. К каждому экзамену папа привозил мне еще и еще сумки книг: таким образом, вся программа филфака перекочевала с его книжных полок на мои.

Я не помню папу без книг. Каждый раз, когда мы ехали на какую-нибудь конференцию, он всегда, надрываясь, вез огромные сумки, набитые только что изданными книгами. Папе доставляло огромную радость дарить их людям, особенно своим студентам. Прочитав уже после папиного ухода, запись в Живом Журнале одной из его студенток, я поняла, что для них это многое значило, и что папина щедрость, пророй вызывавшая удивление, находила живой отклик и не прошла незамеченной.

Последний раз мы увиделись с папой в рождественскую ночь. Он не мог заснуть, и я сидела рядом. В какой-то момент мы заговорили о Набокове, и он сказал: «Хочешь, я прочитаю тебе стихотворение, только оно неприличное?» Обычно, когда папа предлагал мне раньше читать неприличные стихотворения, я всегда отказывалась, но на это раз согласилась. И папа прочитал целиком, с невероятным выражением «Лилит» Набокова. Для меня это стало откровением. Таким я его и запомнила, читающим «Лилит» Набокова без запинки, непонятно откуда прорвавшимся, прежним молодым и мощным голосом.

Дмитрий ЛЕСНЕВСКИЙ

Два воспоминания

Невозможно говорить о Стасике в прошедшем времени. Очень много всего, все очень близко. Ну, например, из последних дней... Я успел приехать в прошлый понедельник. Стасик еще хорошо говорил, и мы два дня с ним могли общаться. Он попросил патефон. Говорил: «Привези мне патефон». Я не стал спрашивать, зачем. «А пластинки какие? Те, что бабушка пела?» «Да. Вертинского, – говорит, – Утесова, Шаляпина, Дину Дурбин, если найдешь». Я два дня искал этот патефон. Нашел. Все пластинки нашел, привез. Я проверял, как он работает. Но в маленькой квартире это было не очень здорово. Скрежетала пластинка, слабый звук. И я тихонько включил айпед, интернет. И ставил ему все. И он пальцем так: «это». Окуджаву. Потом говорит: «Бродский». Он слушал стихи, и я пододвигал айфон к его уху. Он лежал, пальцем только показывал. Когда что-то заканчивалось, он кивал головой. Я говорил: «Тебе понравилось? Что ты еще хочешь?» И это был последний такой литературный вечер.

* * *

Вот воспоминание не совсем даже про Стасика: про одну собаку, которую он очень любил. Собака эта

жила в его доме. Эта была самая красивая собака, которую я когда-либо видел в своей жизни. Ее звали Лис. Так случилось, что Стасик уже достаточно старого Лиса отдал нам в дом. Куда-то уехал, а Лису было 12 лет. Это был безумно красивый пес, огненно-рыжий с красным носом, канадская лайка, Ирена работала. Мне было лет 10. Мне сказали, ты должен с ним гулять. Мне он очень нравился. Не знаю, кто кого выгуливал, потому что по-человечески Лису было лет 75. И вдруг он заболел. Мы увидели, что Лис заболел, и ему было все хуже. Уже не мог сам идти. И я с одноклассниками с ним гулял, потому что нужно было уже ему помогать. В общем, это была старая собака, которая потихоньку уходила...

И вот, маленький дворик, во дворе собака, очень красивая, старая. Которая уже тяжело ходит. И вдруг видит стаю собак и бежит за ней. А Лис ходить уже не мог. Но побежал очень быстро. Это какая-то была мистическая вещь. Это большой отпечаток оставило во мне. Мы не смогли его догнать. Он просто ринулся в эту стаю, и он убежал. Я поднял всех своих одноклассников, друзей, мальчишек, и мы стали искать. Искали 2 дня. Нам говорили: «Да, мы видели красивую собаку. Такая огромная, рыжая», – то тут, то там по всему району». Мы не смогли его найти. Через 2 дня Лис пришел домой сам. Как он дошел?.. Ведь он жил у нас очень недолго, это была собака Стасика. Он был весь в крови. Он был абсолютно невозможен. У него только очень горели глаза. И он лег с этими светящимися глазами и умер. А через несколько месяцев по всему району мы обнаружили маленьких, очень красивых рыжих щенков. Эта порода – ее ни с чем нельзя было спутать. Их было очень много. Ему было 75 лет, и он был очень счастлив. Вот такое воспоминание детства. О собаке моего дяди.

Начало пути

Со Стасиком мы учились в одной группе на отделении русского языка и литературы филологического факультета МГУ. Я всегда выделяла его среди «мальчиков» третьей немецкой. От него можно было ожидать чего угодно. Так, например, прежде чем попасть в нашу квартиру, расположенную на втором этаже в доме на углу Козицкого переулка и Пушкинской улицы, он, пренебрегая входными дверьми, забирался по водосточной трубе, безжалостно обдиравшей его единственные брюки, и стучал в оконное стекло. Таким образом он предупреждал о своем приходе. «Разве нельзя войти по-людски?» – притворно сердилась я. «К Люде по-людски? – удивлялся он. – Это было бы скучно».

Наша студенческая дружба неустанно сопровождалась подобными фокусами. Как-то он затащил меня на крышу Петровского монастыря, в то время представлявшего собой груды развалин. Крыша, конечно, была ржавой и то и дело с грохотом проваливалась под ногами. Мы шли, держась за руки, пока не оказались на краю пропасти, преградившей нам путь. Башня на углу была довольно высокой. Стасик спрыгнул, а я буквально рухнула на него с высоты. Жаль, сказал он, что не удалось дойти до конца стены. Это досадное препятствие не по-

мешало ему продолжать ночные путешествия по крышам уже без меня.

На третьем курсе, наверное, мы поехали в Одессу встречать весну. Он любил тогда повторять знаменитую строчку: «Сарынь на кичку, ядреный лапоть пошел бродить по берегам». Какие билеты? Это пошло. Прятались на верхних полках, в тамбурах, скрывались от контролеров, предъявляли студенческий билет, но нас все равно высаживали на первой же остановке. Ночевали буквально на земле, подстелив под себя газетный лист. Кое-как добрались. Вот и море! На берегу перевернутые лодки. Это будет нашей гостиницей. Как бы не так! Среди ночи нас подняли пограничники с фонарями и приказали покинуть Одессу в течение суток. Что ж, мы перебрались на теплоход, направлявшийся в Херсон. Обратный путь нам облегчил родственник мамы Стасика, оказавшийся в Киеве вместе с коллективом московского театра.

Домой мы вернулись, преисполненные гордостью за это путешествие – бесшабашное и странное, на какое может отважиться только сумасшедшая юность.

Забегая вперед, скажу, что склонность Стасика к неординарным поступкам впоследствии проявилась в том, что при решении любой творческой или организационной задачи он не ломился через «входную дверь», а искал неожиданные пути, которые, на удивление всем, оказывались самыми удачными и даже легендарными.

Осенью 1953 года, после окончания МГУ, мы уехали из Москвы покорять Сибирь. Стасик работал учителем в селе Озерки Новосибирской области. Я – корреспондентом красноярского краевого радио. Наша переписка увенчалась свадьбой, устроенной нам замечательными учителями железнодорожной школы. После регистрации в сельском ЗАГСе я вернулась в Красноярск. Спустя некоторое время туда же приехал и мой молодой муж. Устроились мы в частном доме, стоявшем на берегу Енисея. А рядом поселился наш общий друг и однокурсник Андрей Никольский с женой Галиной.

В 1955 году родился наш сын. О трудностях того времени я написала вот такое стихотворение.

СИБИРСКИЕ СЦЕНЫ МОРОЗНОГО БЫТА

Память бывает разная:
Чудесная и безобразная.
А моя – ледяная,
Как круг молока,
Что держит вся в искрах мороза рука.

Такое житье не забыть ну никак!
Мороз рисовал африканские пальмы,
А в доме слезливый огонь камелька
Совсем не похож на гудящее пламя.
Но надо ребенка в корыте купать.
Оно в ожиданье стоит на циновке.
Уж няня устала поленья таскать.
Корыто потеет своей оцинковкой.
Родители, хватит дрожать!
И что ж не жилось вам в тепле бумазейном,
Где кот, как яишня на сковороде,
Привычно урчал на ребре батареи
И газ синеглазо сиял на плите.
Зачем увлекло вас в крошечную даль,
Где жизнь так пронзительно веяла стужей
И цветом такой же казалась, как сталь
В зубах у людей с их ухмылкой натужной.
О чем вы? К чему? Удивляться не нужно.
На этой земле ожидался подъем.
И это не видеть, накрывшись верблюжьим
Родительским пледом? О чем вы? О чем?
Такое – для тех, кто не верит в призванье
И ставит удобства превыше всего.
Пора искупать в этой цинковой ванне
Младенца. Покрепче держите его!
Родители, может быть, глупы, но сердцем
Из рода романтиков, вот в чем секрет.
Для них этот дом – не фигура с коленцем,
А то, в чем сокрыт поэтический свет.
А вечером снег заметает оконце
И с улицы в раму вставляется прут,
И видно в стекле, как романтик смеется,
Пока изнутри этот ставень запрут.

Что было, то было... Морозы под сорок,
Подшитые валенки, бочка с водой.

И вместо еды поцелуи спросонок
И ветер весны над великой рекой.
Там плыл, устремляясь к морскому простору,
Противник застойных болот – ледоход.
И с берега мы наблюдали с восторгом,
Как рушился мраморный лед.

Здесь все попеременно:
Корыто и лед,
Поэзия чувства и проза.
И память, которая в сердце живет
И не боится мороза.

А вот что о том времени вспомнил Андрей Никольский:

ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ

Счастливый Стасик ворвался в дом и выложил на стол три апельсина. Мы открыли рты: откуда такая экзотика? А Стасик сказал, обратившись к моей жене: «Ты – кормящая мама, они тебе необходимы. А моей – ни дольки. Когда потребуется, достану».

Слово свое он сдержал. Когда вскорости и у них появился ребенок, те же три апельсина принес. В ту пору апельсины достать даже в Москве было почти невозможно. Где Стасик их раздобыл, осталось загадкой.

**Шестьдесят лет в полете.
Рядом, крылом к крылу**

Кто помнит Лесневского
без Балашова?
Кто знает друга
такого большого?

Кто видел Виктора
без Станислава?
Друзьям – виктория!
Дружбе – слава!

Куплеты, придуманные Женей Гольдиным, родились на филфаке. Но у этой «былинной» дружбы до тесных коридоров на Моховой была своя история. Познакомились они вихрастыми смешливыми мальчишками – одному четырнадцать исполнилось, другому будет через месяц. Сентябрь, шестой класс 135-й мужской школы «в районе Гнездниковских переулков и улицы Станиславского, неподалеку от Никитских ворот и Консерватории. И он сразу стал моим другом, уже на всю жизнь, как будто так и было задумано свыше», – вспоминал летом 2013 года Станислав. А Виктор рассказывал, что выбор пути – куда после школы? почему филфак? – был совместным: «Вместе с моим школьным другом Станиславом Лесневским мы вслушивались в пленительное и ошеломляющее многоголосье

Ахматовой, Пастернака, Хлебникова, Асеева. Мы читали исповедь открытого сердца, чувство и правду пережитого поэтом, музыку времени великих перемен в стихах Маяковского, Блока, Есенина, Твардовского... Позднее пришло открытие лирики Баратынского, Тютчева».

Как будто совсем не похожи – ни внешне, ни по ритму жизненных реакций. Горячий, импульсивный, постоянно что-то меняющий Станислав; медлительный, любящий застыть и раствориться в миге бытия Виктор. Но общими были... крылья. Оба парили в заоблачных сферах – вдали от быта, от забот о комфорте или собственном движении по «служебной лестнице». Всегда в полете. Вверх – по лесам реставрируемых московских храмов; вдаль – на велосипедах – к Загорску, Калязину, к Оке... Но главное – еще выше и еще дальше – туда, где слышно, как «приближается звук»...

Преданность литературе, влюбленность в Книгу, желание участвовать в процессе ее появления – тут Станислав и Виктор оба были азартны, неутомимы. Книгу они любили во всех ее ипостасях. И ту, что создавали лично («Завещанное, заветное» или «Путь, открытый взорам» – Станислава; пять хронологически последовательных изданий «Антологии французской новеллы» – Виктора). И ту, что в рукописи приносили им другие филологи. Над ней можно было размышлять вместе с автором, предлагать новое заглавие, придумывать разделы, подбирать иллюстрации – одним словом, любовно вести Книгу от ее предначального (рукописного) возраста к окончательной форме и, наконец, получать в типографии тираж, празднуя в редакции День Ее Рождения. Любили Станислав с Виктором и те книги, которые можно было «переселить» из «Москвы» или «Библио-Глобуса» в собственную квартиру. В один ряд книги на стеллажах, полностью скрывающих стены; в два-три ряда в глубоких шкафах и на шкафах до потолка, уже горизонтально; по центру отнюдь не просторной комнаты стол и столики с высокими стопками книг, а у изголовья – книги самые «срочные», на тумбочке или просто на стуле. Легко сказать: «Хаос!» Но это было их царство, в котором им УЮТНО и в ко-

Празднование выхода первого тома
Собрания сочинений Александра Блока

тором они отлично ориентировались. Как-то Станислав позвонил: «Мне надо зайти, попросить у Виктора одну книгу». Я отвечаю: «Приходи, но Виктор сейчас не встает, не сможет тебе помочь». Пришел, пообедали, поговорили, что-то обсудили, пора искать... Виктор – Станиславу: «Иди вдоль дивана, подойди к секретеру и смотри вверх. Да увидишь, сейчас увидишь! Приблизительно десятая сверху в среднем ряду...». Станислав сияет, все радостно смеются и шутят. Станислав столько раз потом пересказывал этот визит знакомым, что ко мне история возвращалась уже преображенной, с красочными дополнениями. Но всегда с завершающей фразой Станислава: «Представляете себе? Я бы так не сумел!». Не только сумел бы, но много раз именно так – чутьем, прапамятью – тоже находил в своей библиотеке то, что пряталось... А завершающая фраза была необходима ему, чтобы похвалить, восславить друга... Наверное, самым убедительным свидетельством родства душ стали бы положенные рядом фото их комнат последнего времени. «Le chaos intellectuel!» – как определил однажды, ничуть не удивившись, гость

из Парижа... Скажете, фанатики? Конечно. Но ведь это fanatisme intellectuel!!!

Оба они очень ценили такое родство душ, готовность ринуться в полет.

Виктор – Станиславу:

Мы все учились... Но чему –
Известно Богу одному.
А Станислав всегда СТРЕМИЛСЯ
И своего не вдруг добился.
Ведет уверенно ПЛЕЯДУ
Между Чистилищем и Адом.
Увлекай же и впредь этот славный приход:
Здесь молитвы – поют,
Пиво светлое пьют,
А поэтам желанный дают приют...

Станислав – Виктору:

Дорогой Виктор, ты принадлежишь
К редким в наше время людям,
Которые ставят ценности выше целей.
Поэтому тебя можно представить в
Дружеском окружении Блока, если бы ты
Не был верным... Учеником
Основоположника со всеми вытекающими
Отсюда последствиями. Велосипедного тебе и
Лыжного ветра, исполнения задуманного
В согласии с НЕЧАЯННОЙ РАДОСТЬЮ...

Все, что обсуждалось в редакционных комнатах «Советского писателя», «Прогресс-Плеяды», отзывалось шутками, розыгрышами, поэтическими шарадами в дружеской компании. Сначала, сразу после университета, на Большой Садовой, позднее и до последних дней – на улице Дмитрия Ульянова. Здесь праздновали не только всевозможные даты, но ДНИ РОЖДЕНИЯ КНИГ. А по будням проекты, варианты планов, сомнения, издательские трудности и надежды продолжали бурлить часами в телефонных беседах. Такой труд был для них радостью, естественной и желанной формой существования.

Призывный свист

Не припомню точно, когда это было... Кажется, осенью 1951 года: поступив в Московский университет на вождеденный филфак, я осваивался в его стенах, прогуливаясь (иногда прогуливая лекции) и озираясь в таинственных коридорах, увешанных стенгазетами и объявлениями. Вдруг один листок в этом царстве стеной гласности меня остановил. Чем? Не припомню... Но словно что-то острое, яркое... точнее, ярко-красное сверкнуло в тихом хоре... «Молния» из серых облаков. «Молния» извещала, что студент комсомолец Лесневский пытался сорвать важное факультетское мероприятие, на которое были приглашены уважаемые гости. Как он мог сорвать? Освистал знаменитого поэта Алексея Суркова. Имя знаменитого поэта было мне знакомо. Имя отчаянного студента незнакомо. Я всматривался в имя: Станислав Лесневский, чувствуя, как меня обжигает непредсказуемая энергия студенчества! Потом я отвлекся на свои курсовые заботы. С героем того дела познакомился лишь через два года – он был, кажется, уже дипломником. На каком-то общефакультетском мероприятии мы оказались за одним столиком – по обе его стороны. Конечно, я не удержался:

– Правда ли, что передо мной человек, оставивший знаменитого поэта Суркова?

– И это все, что ты про меня знаешь? – улыбнулся мой собеседник и вдруг скомандовал: – Руку на стол! Пробуем силы в армреслинге!

Мы схватились ладонями и, побряхтев, поочередно одолели друг друга. Объясняя этот перекрестный успех, Лесневский заметил, что сила мышц зависит от состояния духа в момент схватки.

«Ну да, – подумал я, – как присвистнешь, так и поедешь...»

Знакомство наше состоялось. Шестьдесят последующих лет мы встречались и сотрудничали регулярно. На научно-студенческой почве, потом на семинарах Союза писателей, в среде сугубо профессиональной и во время встреч и дискуссий с читателями. Лесневский был находчивый спорщик и великодушный собеседник – редкостное психологическое сочетание.

Последние годы он приглашал меня на ежегодный устраиваемый им блоковский праздник в Шахматове, и я увидел в нем замечательного организатора. Он был изумительно верен себе, этот знаменитый на весь свет знаток Блока и ценитель всего, что Блока породило...

Мне же из этого почтительного облака все посверкивала молния и слышался лихой призывный свист, пробудивший когда-то во мне вольного студента.

Поступок

Помню, как в Шахматово на одно из блоковских мероприятий приехал Павел Григорьевич Антокольский. Это был, кажется, 1975 год, праздник поэзии. Я тогда работал в издательстве «Советский писатель», и поэты, которые сейчас стали известными, тогда только начинали, выпускали первые книжки. Следующий приезд в Шахматово был еще веселее. Расул Гамзатов прибыл с тремя ящиками шампанского. Ведь далеко не каждый способен на такое. Все это происходило вокруг камня, леса и звучали стихи Блока и, конечно, всегда был Лесневский. Это естественно, помню я – не помню, он всегда был.

Но самым знаковым для меня было – одновременно смешным и горьким – это когда я пришел в «Огонек» в 1985 году. Я работал там какое-то время, потом началась перестройка. Прежний заведующий ушел со всей командой. Я остался один в отделе литературы, и у меня стал начальником – Лесневский. Это была радость для меня и для всех. Он вел себя абсолютно естественно, никаких «звездочек» на погонах, как у других. Мы с ним общались, перезванивались. Три месяца проработал Лесневский моим начальником, заведующим отделом литературы и поэзии «Огонька». У меня оста-

лась тысяча бумажек, автографов, всяких документов, я все сохранял. Подпишет что-нибудь Лесневский, я это сохранял. Время было переломное, надо было решать: что делать дальше? С Коротичем у них зашел какой-то разговор. Станислав Стефанович не просто ушел, не по натуре его, доброй, открытой – он просто хлопнул дверью и ушел из «Огонька». Все бумаги остались на столе.

Вот поступок какой, почти на моих глазах.

Из очерка «Большое Шахматово»

<...> Заметочка в «Правде» от 2 марта 1977 года, на последней странице. Рубрика «Проекты». Название заметочки «Поднимется дом с мезонином». Текст за подписью Н. Дорофеева таков:

«Во Всесоюзном производственном научно-реставрационном комбинате при Министерстве культуры СССР разработан проект восстановления усадьбы Шахматово, где прошли детские и юношеские годы поэта Александра Блока.

В одном из живописных уголков Подмосковья, близ Солнечногорска, располагалась некогда усадьба Шахматово. Сейчас на том месте, где 60 лет назад стоял дом с мезонином, разрослась роща с деревьями в обхват.

В. Якубеня и А. Чеховской – авторы проекта реконструкции – изучали ранние стихотворения поэта, стараясь найти какие-нибудь описания усадьбы. Сначала работа не ладилась. Не хватало фотографий. Правда, были рисунки, сделанные детской рукой Блока, но они, как правило, изображали лишь часть какого-либо строения: дома, флигеля или бани. Помогла находка...

В Ленинграде, в архивах Пушкинского Дома, была обнаружена семейная хроника, составленная родной сестрой матери Блока – Марией Бекетовой. Среди

воспоминаний о семье Блоков – Бекетовых обнаружено детальное описание Шахматова, причем не только главного дома, но и различных служб, рассказана история их постройки. Сохранился даже план внутреннего расположения комнат, обстановки. Упомянуто все, вплоть до рисунка и цвета обоев...

Летом прошлого года рабочая группа проводила в Шахматове раскопки на месте главного дома. Обнаружены остатки изразцов, полусгнившие куски дерева, которые на первый взгляд не представляют ничего интересного. Но реконструкторы уже настолько прониклись духом Шахматова, «дома с мезонином», что распознали в этих деревянных предметах части подлинных наличников и рам.

Развернуть работы по реконструкции предполагается летом».

По времени почти совпало с заметкой личное письмо ко мне о том же самом.

«Дорогой Владимир Алексеевич! Посылаю Вам впервые обнаруженную фотографию (1920-е годы) церкви Михаила Архангела (XVIII в.) в с. Тараканове, где венчались Ал. Блок и Люб. Дм. Менделеева и где отпевали А.Н. Бекетова. Сейчас архитекторы Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината Министерства культуры СССР разрабатывают проекты восстановления церкви в Тараканове и дома в Шахматове. Однако это еще не предreshает воплощения проектов, тем более – к 100-летию Ал. Блока – к 1980 году. Желательно добиться включения блоковских мест, удачно расположенных на трассе между двух столиц, в ряд так называемых объектов олимпийского показа. В церкви был бы хоть концертный зал, а в доме – музей. Так или иначе, полюбуйтесь, до чего хороша была Таракановская церковь, усадебная, по замыслу. Всего Вам доброго.

Искренне уважающий Вас

Ст. Лесневский».

И хотя в письме проскальзывают скептические нотки («это еще не предreshает воплощения проек-

тов»), и хотя непонятно, почему дом великого русского поэта Блока надо включать, для того чтобы восстановить, в ряд так называемых объектов олимпийского показа, все же какое-то движение, надежды. <...>

Идет, идет движение вокруг Шахматова, возбужден интерес и привлечено внимание. С 1970 года в Шахматове в начале августа проходят ежегодные праздники поэзии. Если верить одной официальной справке, среди принявших участие в празднике поэты и писатели: Павел Антокольский, Алексей Сурков, Константин Симонов, Ираклий Андроников, Лев Ошанин, Евгений Долматовский, Маргарита Алигер, Сергей Васильев, Владимир Солоухин, Людмила Татьяничева, Александр Михайлов, Виктор Боков, Михаил Львов, Екатерина Шевелева, Римма Казакова, Лариса Васильева, Владимир Соколов, Евгений Евтушенко... На праздник приезжали: Сергей Коненков, Мариэтта Шагинян, Расул Гамзатов, Сергей Орлов, Борис Слуцкий, Давид Самойлов... Праздник получил оценку со стороны местного населения, общественности, прессы, в том числе газет «Правда», «Известия», «Советская культура», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Ленинское знамя» и других.

<...>

Лесневский <...> тоже пробрался в Шахматово, в Тараканово, в Боблово, в Солнечногорск (бывшее село Солнечная Гора), но в отличие от предыдущих посетителей начал активно действовать. С конца 1968 года он собирает подписи под письмом и 23 июля 1969 года это письмо публикует в «Литературной газете». Вот это письмо вместе с подписями под ним. Называется оно почти так же, как и статья Глазунова: «Здесь жил Александр Блок».

«Есть заповедные края, которые в памяти народной слились с именами, составляющими гордость отечественной литературы. Михайловское, Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново, Карабиха, Мелихово, Мураново, Константиново... Эти и другие памятные уголки Родины вызывают в воображении дорогие каждому из нас

картины, не померкшие от времени. Литературно-мемориальные дома-музеи, усадьбы-музеи – это ведь не только памятники прошлого, но и живые очаги сегодняшней культуры. Достаточно известно, как много делается у нас для их сбережения.

Тем очевиднее, в каком большом долгу оказались все мы перед славными местами, неотделимыми от имени великого русского поэта, одного из выдающихся зачинателей советской литературы Александра Александровича Блока. Мы полагаем, что следует продумать вопрос о возможности создания музеев Блока в Ленинграде и Подмосковье – в местах, связанных с жизнью и творчеством поэта... В поэтическое сознание Блока вошли впечатления, навеянные подмосковной усадьбой Шахматово, близлежащими селами Гудино, Тараканово, Боблово с их чудесными окрестностями. Именно здесь, в Шахматове, на месте бывшей усадьбы или близ нее, мог бы возникнуть подмосковный музей Блока. Блоковские места желательно было бы объявить заповедными, охраняемыми, мемориальными...

Увековечение памяти великого поэта – патриотический долг».

Письмо подписали М. Аникушин, Р. Гамзатов, С. Коненков, А. Прокофьев, С. Рихтер, Г. Свиридов, А. Твардовский, Г. Товстоногов, Г. Уланова, К. Чуковский, Д. Шостакович.

Какое созвездие имен! Все до одного лауреаты Ленинской премии. Так что же, они сами, живущие к тому же в разных городах, собрались все вместе – и давай сочинять письмо? Ну, нет. Делается это так: инициатор сочиняет письмо и собирает подписи, дозваниваясь до желаемых деятелей культуры, ездит к ним на квартиры, на дачи. Они письмо читают и, если согласны с текстом, подписывают.

После публикации коллективного письма Станислав Лесневский выдал быструю, похожую на беглый огонь, серию статей в разных газетах.

«Чтоб были памятью хранимы» – «Московский комсомолец», 11 октября 1969 года.

«Память требует» – «Советская культура», 30 октября 1969 года.

«Веет строкой Блока» – «Литературная газета», 14 января 1970 года.

«Здесь должен быть заповедник» – «Литературная Россия», 6 марта 1970 года. Статья эта подписана П. Антокольским и Вл. Орловым, но организовал ее и прокомментировал Ст. Лесневский.

После этого возникла цепная реакция.

А. Левина. «Здравствуйте, Александр Блок!» (экскурсия по будущему заповеднику) – «Комсомольская правда», 19 июля 1970 года.

Г. Борина. «И вечный бой...» (заметки с выставки, посвященной 90-летию со дня рождения А. А. Блока) – «Знамя Октября». Солнечногорск. 29 августа 1970 года.

Ю. Дорохов. «День поэзии в Шахматове» – «Ленинское знамя», 11 августа 1970 года.

Названия дальнейших статей разных авторов: «В Шахматове», «Приглашаем в Шахматово», «Его Россия – наша Россия», «Голос шахматовских чтений», «В путь, открытый взорам», «Красотою сияет русская земля», «Я лучшей доли не искал», «Соловьиному саду – цвести», «Блоковские дали», «В семнадцати верстах от станции», «И вижу голубую даль», «И утвердилась с миром связь», «Поэзии немеркнувшее пламя», «Беречь неповторимое», «Памяти нужно пристанище», «Они жили в Шахматове», «Звонкое слово поэта», «Сад Блока», «Встреча с Шахматовом», «Александр Блок. Звенья памяти»...

Одним словом – лавина статей, заметок, раздумий, призывов, взываний к лучшим чувствам, репортажей с места событий.

Но одними статьями ничего с места не сдвинешь. Надо ходить, убеждать, писать бумаги, требовать, действовать.

Станислав Лесневский вошел в юбилейную Блоковскую комиссию (он же был инициатором ее создания) Московской писательской организации и теперь в горком, в райком, в роно, в облоно, в Министерство

культуры – куда бы то ни было – приходил уже не как частное лицо, а как представитель юбилейной комиссии: приближалось тогда девяностолетие со дня рождения поэта. В 1971 году перед школой № 1 в Солнечногорске был установлен и торжественно открыт бюст Александра Блока. В этой школе, которая уже до этого носила имя Александра Блока, был и Блоковский уголок. Ну, там несколько фотографий, несколько книг. Лесневскому пришла мысль развернуть большую фотовыставку о Блоке, и не в Солнечногорске, а ближе к Шахматову. В лесу, конечно, не развернешь. В ближайших деревеньках, в Осинках, например, тоже – негде. Нельзя же – в деревенской обитаемой избе. Лучше всего подходило Тараканово. Как раз освобождалось там здание сельской начальной школы. Школа была поставлена еще земством около 1900 года и выучила грамоте не одно поколение ребятишек. Эту школу знал и Александр Блок. К 1970 году обстановка с деревенскими детьми сложилась такая, что учить в школе стало некого. Картина общая для среднерусских областей: Тульской, Владимирской, Рязанской, Смоленской, Ярославской, Ивановской и других, и других. В каждой области закрывалось по несколько десятков школ в год.

Закрылась школа и в Тараканове. Событие, вовсе не отрадное само по себе, оказалось как нельзя кстати для идеи развернуть фотовыставку. Выставку развернули. В солнечногорской газете появилась о ней статья.

«Каждый, кто недавно посетил ставшее знаменитым Шахматово, не мог не побывать на фотовыставке, посвященной А. Блоку... Выставка расположена в удивительно удачном месте, в скромном здании, на окраине деревни Тараканово, где раньше размещалась сельская школа. Александр Блок бывал здесь. И стало быть, выставка органично связана с именем великого поэта, с его жизнью и творчеством... В фотовыставку входит около 300 документов, копии сняты с оригиналов Пушкинского дома и музея Д.И. Менделеева в Ленинграде, Литературного музея... Выставка, которую подготовила юбилейная Блоковская комиссия Московской писа-

тельской организации, помогает по-настоящему понять и оценить творчество А.А. Блока. “Соприкосновение с прекрасным очищает душу, а эти удивительные просторы вокруг заставляют подняться из самых глубин затаенному чувству любви к родине. Спасибо организаторам этой выставки”. Это одна из многочисленных записей в журнале отзывов... Выставка очень интересна, но очень жалко, что работает она последние дни. Писатель Лесневский уезжает в Москву, а замены ему пока не нашлось. И что будет с выставкой, неясно. Районный отдел культуры еще не решил ее судьбу. А ведь можно было бы сделать выставку постоянно действующей, разместив в помещении сельскую библиотеку и подготовив общественных экскурсоводов из числа работников культуры. Нельзя лишать родину Блока этой великолепной выставки».

Вышло все как по писаному. В бывшей школе разместили сельскую библиотеку, и выставка сделалась постоянной. Действует она и по сей день.

Но отдаленные рубежи вроде Солнечногорска и Тараканова, на которых удалось закрепиться, не могли удовлетворить фанатическое рвение патриота. Тараканово – это еще не Шахматово, а только подступы к нему. В самом же Шахматове только лес да поляна, нет там ни бюста около школы, как в Солнечногорске, ни фотовыставки, как в Тараканове. От дома не осталось и фундамента, даже признаков фундамента. Как же быть?

Они ходили по шахматовской поляне вдвоем – Станислав Лесневский и художник Юрий Васильев. Что делать? Что делать? Не за что зацепиться глазу. А ведь предполагается в августе (1970 г.), в первое воскресенье августа, провести здесь большой литературный праздник. Объявлено, приглашены люди из Москвы, из Солнечногорска, из сел и деревень. Пусть соберутся люди, пусть приедут писатели и поэты, пусть зазвучат слова о Блоке и стихи Блока, прекрасно. Но где, как? С какого места читать? Где разместиться публике? На месте бывшего дома – непроходимые зарос-

ли: деревья, кусты, крапива. Поляна поодаль, но она безлика, неорганизована. Представьте себе – соберутся люди, они будут искать хоть какую-нибудь зацепку для глаза, для сознания, для сердца. Не пень же гнилой среди крапивы, не плакатик же на черенке: «Здесь рос тополь, который осенял блоковский дом»?

Юрий Васильев ходил-ходил в задумчивости и вдруг просветлел лицом:

– Я нашел. Нужен камень.

– Какой камень? – не понял сперва Станислав художника.

– Большой, хороший. Точка опоры. Привезти откуда-нибудь и положить на поляне. Камень – это нечто прочное, внушительное, незыблемое. Надо искать.

Первой мыслью было найти тот камень около Рунова, на котором Блок начал свою поэму «Возмездие». Это было бы просто великолепно. Стали расспрашивать местных жителей.

– Под Руновом? – размышлял спрошенный осинковский житель. – Под Руновом не знаю, а вот «Святой камень» есть. Но только не под Руновом, а около Праслова леса в овраге.

– Почему святой, что значит святой?

– Может, с неба упал. Или молились около него в старину, еще до церквей. Говорят, что растет...

– Кто растет?

– Камень. Век от веку больше делается. Проверить, конечно, нельзя, потому как один век живем... Но камень большой, огромный.

– Как нам его найти?

– Перейдете, значит, овсяное поле и держитесь края леса, потом будет овраг... Да нет, вам не найти. Пойдемте уж, покажу...

Камень оказался – всем камням камень. Он лежал на склоне оврага, заросшего лесом. Такие лесные овраги называются еще буераками, по крайней мере у нас, во Владимирской области. Трудно вообразить, чтобы в столь густом лесу с кустарником собирались вокруг камня люди в языческие времена, как о том догадывал-

ся осинковский мужик. Но и то верно, что в далекие времена здесь мог быть чистый склон, ровный, зеленый, обращенный к солнцу. Ландшафт меняется очень быстро. Вот Льва Толстого хоронили на чистом высоком месте с прекрасным видом во все стороны, а теперь могила его – в лесу. А и века-то не прошло.

Обошли камень вокруг, оглядели, увидели, что боковая поверхность его изборождена глубокими складками, которые при известной доле воображения складывались в черты человеческого лица, словно камень лежал здесь на склоне оврага и век за веком о чем-то мучительно думал.

– Десять–двенадцать тонн, – прикинул своим точным художническим глазом Юрий Васильев.

У Станислава мысль работала в практическом направлении.

– Не представляю, в какую организацию надо обращаться, чтобы перевезти этот камень в Шахматово. И сколько это будет стоить? И сколько времени они прокопаются? И кто нам даст деньги?

– Полная безнадега. Ни одна из организаций, которые я сейчас про себя вспоминаю, за такую работу не возьмется. Деньги – по безналичному расчету. Значит, нужны две организации. Одна – работать, другая – платить. Поиск таких организаций, переписка между ними, всяческие согласования и оформления, составление сметы, само производство работ будут тянуться неделями, если не месяцами. Ну в самом деле, кто, не Союз же писателей возьмет на себя перевозку этого камня? Надо еще доказать целесообразность его перевозки. Практический смысл. Ведь то, что мы надумали, – чистая лирика. Восстановление шахматовского дома пробить легче, чем этот камень. Нет, полная безнадега.

– Подожди. Помнишь, мы видели на Таракановском шоссе автокран? Они там производят какие-то работы.

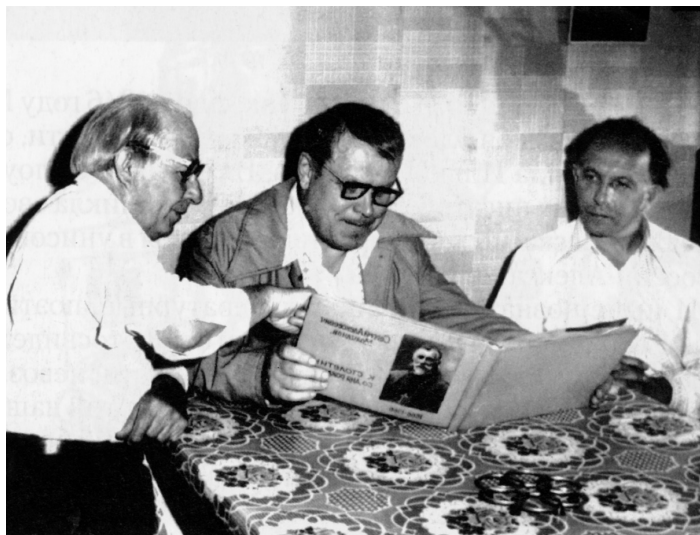
– Ну и что? Сейчас они бросят свою работу и поедут за десять километров тащить этот камень...

– Может, и поедут. Живые же люди. Если их там трое – десятку... Не обеднеем.

К вечеру того же дня камень (в нем оказалось действительно двенадцать тонн), покачиваясь на перенапряженной стреле автокрана, стронулся со своего многовекового места и поплыл вверх. Потом он совершил небольшое путешествие по полевой дороге и был бережно опущен на траву, на мелкие летние цветочки, на склоне покатой, похожей на амфитеатр поляны. Молились около него язычники или нет, предназначалось ему с этого дня служить подножием для поэтов и для всех, кто захотел бы сказать о Блоке, прочитать стихи о Блоке или прочитать самого Блока. Святой камень становился блоковским, шахматовским камнем, камнем памяти и поэзии.

Неизвестно, сколько веков (тысячелетий?) пролежал он на склоне лесного оврага, на своем изначальном месте, неизвестно, сколько времени предстоит лежать ему здесь и не случится ли на каком-нибудь новом, отдаленнейшем витке истории, что вместо языческого капища, вместо блоковской памяти, он будет обозначать что-нибудь новое, третье, что мы пока не можем вообразить, как наивные язычники не могли вообразить сегодняшнего его предназначения.

Стихию удалось раскатать. 9 августа 1970 года автобусы и автомашины потянулись по Таракановскому шоссе. От села Тараканова по тропинкам и лесным дорогам (около трех километров) потянулись уж не машины, оставшиеся в Тараканове, но вереницы ярко, празднично одетых людей. Жители Солнечногорска, Клина, Зеленограда, окрестных деревень, москвичи – наконец несколько тысяч человек впервые собрались на том месте, где стоял дом Александра Блока. Из местных жителей было много ребятишек, детей разного возраста, что же касается горожан, то преобладали женщины, как и на поэтических вечерах, в театрах (как и в церквях, между прочим), в концертных залах, в консерватории. Почему-то женщины во всех подобных случаях оказываются активнее (духовнее?) мужчин.

Станислав Лесневский, Владимир Солоухин, Виктор Молчанов. *Фото В. Молчанова. 1977*

Итак, собрались тысячи людей. Вокруг чего же было бы им там завихряться, рассаживаться, если бы не лежало на поляне большого, видом своим уж похожего на монумент или во всяком случае на заложенный монумент, камня?

Пройдя через деревню Осинки, пройдя через широкое, отлого поднимающееся поле овса, пройдя по темному лесу, люди оказывались в лесу же, с плохо обозначенными прогалинами. Конечно, присутствие сирени и шиповника в лесу само по себе говорило о том, что здесь что-то когда-то было, однако, побродив среди зарослей, люди проходили дальше, как бы ища чего-то более основательного, нежели куст сирени или крапива, и в конце концов выходили на более обширную и чистую поляну и видели на ней камень – зацепку для глаза – и начинали клубиться, группироваться вокруг него, как однородный многочисленный пчелиный рой клубится и группируется вокруг матки.

Если память не изменяет, во время первого праздника поэты и писатели выступали прямо с этого камня,

но потом стали устраивать около него временный дощатый помост, нечто вроде трибуны.

Так вот каждый год приезжают на эту поляну люди, и звучат стихи Блока, и все это действительно есть праздник поэзии.

Станиславу удалось «пробить» и еще одно дело. Он распропагандировал Московское экскурсионное бюро (молодые экскурсоводы, энтузиасты), и вскоре стали возить в Шахматово «По блоковским местам» туристов.

«Но там же ничего нет, – говорили скептики, – что же там показывать? Один лес, да вот еще камень...»

<...>

В самом деле, показывать вроде бы нечего. Таракановская церковь – фактически груда кирпичей. Фото-выставка... Фотографии Блока, его матери, отца, жены, теток, автографы – все это в копиях можно увидеть в изданиях Блока в библиотеке или даже дома. В Шахматове – ни жилья, ни быльи.

Однако ландшафт, тропинки, пока по ним идут экскурсанты, само очарование местности, которая на протяжении всей экскурсии как бы освещена поэзией Блока, квалифицированный и заинтересованный рассказ о Блоке, чтение экскурсоводами его стихов, которые не все туристы, прямо скажем, знают наизусть, то есть пребывание, короче говоря, в течение нескольких часов в атмосфере Блока, в соприкосновении с ним, удивительным образом удовлетворяют приехавших, и они уезжают обогащенные, одухотворенные, словно пригубили светлого источника. А если разобраться снова потом: что же видели такого, музейного, конкретного, вещественного? Да по сути дела – ничего!

А если бы они посещали восстановленное Шахматово, с его домом, с его живописным садом, прудом, флигелем, амбаром, жасмином, шиповником, разметенными дорожками и цветущими цветниками?

А если бы нетронутыми оставались окрестные холмы, деревни, Лутосня? А если бы ко всему этому еще и Боблово (восстановленное Боблово), без которо-

го нельзя представить себе Большого Шахматова, как мы условились называть в начале очерка все эти в полном объеме блоковские места?

Что касается моего личного знакомства с Шахматовом, то оно состоялось в первый Блоковский праздник, то есть 9 августа 1970 года.

Писать о Шахматове я тогда не собирался и смотрел на все вот именно с праздным любопытством. Да и некогда. Пока прошли от Тараканова, надо уже выступить в числе других. Множество съехавшихся людей, их расхаживание, рассиживание на поляне (а в стороне от поляны группками вокруг расстеленной газеты с нехитрой снедью) развеивали ту атмосферу, в которой, возможно, оказался бы, если бы пришел сюда в одиночестве, да лучше бы в лирический серенький денек, а не при ослепительном сиянии небес.

Но кое-что помнится. В руинах Таракановской церкви, в то время когда мы подошли к ней, шел, к нашему изумлению, дневной киносеанс. Каким-то образом в этих руинах был устроен небольшой дощатый кинозал для колхозников. При нас же зрители и высыпали по окончании сеанса на зеленую прицерковную луговину.

<...>

...Я попросил Станислава Лесневского, чтобы он составил мне компанию, съездил вместе со мной в Шахматово и Боблово бросить на все там еще один взгляд, прежде чем сесть за писание очерка.

Первым делом мы заехали в Солнечногорск, где неподалеку от станции в деревянном, но многоквартирном доме, в небольшой отдельной комнате отыскивали сухонькую, живую старушку. То есть не в том смысле живую, что старушка оказалась жива, но в том, что живость сквозила и в ее движениях, и в речи, и в глазах, и во всем облике.

В этот раз Екатерина Евстигнеевна Можаяева по слабости здоровья не могла поехать с нами в Шахматово и поводить нас, показать, где что было. Но, оказывается, Станислав ее туда уже возил, более того, телеви-

зионщики снимали старушку на фоне тамошних кустов и деревьев. Их всех очень заинтересовал рассказанный ею эпизод с посадкой розы. В преломлении моего восприятия дело происходило так. Блок сажал розы. Катя, которая была тогда молодой девушкой, если не подростком, и была, должно быть, удивительной красоты и свежести, проходила поблизости. Управляющий Николай нарочно, чтобы дать возможность поэту полюбоваться этим живым цветком, в порядке шутки, должно быть, позвал Катю помочь барину посадить розу. Подержать ее, пока корни присыпают землей. Катя исполнила просьбу, но, когда они оказались рядом, вдвоем около сажаемого черенка (а Блок ведь и сам был редкий красавец), поняла, что над ней подшутили, что ее помощь вовсе здесь не нужна, что двое взрослых людей могли бы посадить розу и без нее. Тогда она зарделась и что-то им, по ее теперешним словам, «сморозила», «отмочила». Блок будто бы весело хохотал.

Что конкретно «отмочила и сморозила», Екатерина Евстигнеевна теперь никак не могла вспомнить. Но именно рассказ о посадке розы снимали в Шахматове работники телевидения. Стали просить Екатерину Евстигнеевну поточнее воспроизвести обстановку. Дело в том, что роза, посаженная в тот раз, цела, растет в Шахматове и до сих пор. Ну, или на ее месте растет потомственная ветвь, пошедшая от корней. Она растет теперь среди бурьяна, крапивы, но Екатерина Евстигнеевна все же ее нашла.

– Ну хорошо, Екатерина Евстигнеевна, значит, вы стояли вот здесь, лицом сюда, – допытывались съемщички, – а где стоял Блок?

– Блок? Да вон где это деревце, – показала старушка на молодой древесный побег в рост человека. – Господи! Да не он ли стоит? Да ведь это он и стоит!

Тут на съемщичков и на Станислава будто бы напал мистический трепет и, как говорится, мороз побежал по жилам, но, разумеется, там, где Екатерине Евстигнеевне привиделся образ Блока, ничего, кроме деревца, они не увидели.

Уже опрошенная в последние годы разными людьми много раз, Екатерина Евстигнеевна не могла рассказать ничего нового. Да, почту возила в Шахматово, стирала, мыла посуду, нанималась поденщицей на разные работы. Жили они тогда – семья Можяевых – в Осинках.

– Там и сейчас, – сказала Екатерина Евстигнеевна, – у одного мужика в избе половицы от шахматовского пола. Несколько штук. Я зашла в избу и вижу: половицы-то шахматовские.

– Может быть, вы ошиблись. Доски, они доски и есть. Почему вы уверены, что половицы те самые?

– Я же мыла их сколько раз, мне ли не узнать!

Как иногда старые люди повторяют, причитают про себя, допустим: «Господи, Господи, помилуй мя, Господи», так и Екатерина Евстигнеевна шептала время от времени, глубоко вздыхая, шевеля губами и безотносительно к сиюминутным словам нашего разговора: «Шахматово, мое Шахматово, бедное мое Шахматово!»

Таракановское шоссе повело нас от плоскости, на которой стоит Солнечногорск (а рядом совсем уж плоское озеро Сенеж), в холмы, в холмы с обеих сторон, в замкнутый, ограниченный этими холмами, но ими же и образуемый ландшафт. «Стены блоковского кабинета», – повторим вслед за другими это удачное определение шахматовских окрестностей, оброненное Андреем Белым.

По холмам – деревеньки, села. Раньше они были явственно обозначены беленькими церковками (вспомним, что с какого-то удачного места можно было видеть двадцать церковок), теперь же не столь различимы, сливаются на расстоянии с перелесками, с кустарником, с зеленой землей.

– Надо добиться, чтобы окрестности Шахматова были объявлены заповедником, заказником, – говорит Станислав, – что плохого, если небольшой кусок Подмосковья сохранит свою первозданную красоту.

– Что это значит? Церквей ведь не наставишь опять.

– Хотя бы не строить по этим холмам высоких бетонных зданий. А то вон в селе Новом санаторий в бывшем именье, и собираются поднять там несколько многоэтажных корпусов. Все очарование этих мест будет разрушено.

<...>

Станислав знал тут все «точки обзора». Иногда мы сворачивали с Таракановского шоссе, уезжали в сторону на километр-другой, поднимались на холм, выходили из машины и с высокого места обзоредали холмы на противоположной стороне долины.

Стоя на высоком холме около деревни Сергеево и глядя на противоположный высокий холм, где расположено село Новое, мы, во-первых, сожалели, само собой разумеется, что не украшает теперь этот холм старинная церковка (хорошо видна была нам площадка на склоне холма, где раньше стояла церковь), а во-вторых, явственно представляли себе, как будет выглядеть пейзаж, если поднимутся там из-за деревьев четыре девятиэтажных серобетонных корпуса санатория – есть проект. Будто нельзя построить несколько двухэтажных, трехэтажных зданий, в которых жить, кстати сказать, удобнее, чем в высотных башнях.

В самом Шахматове мы не увидели ничего нового, да и не рассчитывали увидеть. Мы пришли туда просто так, бросить еще один взгляд на остатки этой сирени, на остатки этого шиповника, пройти по тропе. По очереди поднялись на камень и продекламировали пустой широкой поляне: Станислав «Осеннюю любовь» («Когда в листве, сырой и ржавой...»), а я вступление к поэме «Возмездие». Постояли на месте бывшего дома.

Между прочим, место высокое, а таволга, как известно, растет по низинам, по оврагам, по берегам речек, где посуше. Значит, таволга, которая встречается в Шахматове, среди крапивы, бурьяна, кустов, – это таволга, разводимая некогда Блоком и даже упоминавшаяся в его записной книжке. Таволга и сахалинская гречка уцелели, выжили, прозябают среди теперешней крапивы, мальв же я не видел там ни одной, а тем более филадельфусов.

Вечер, посвященный «Дому Поэтов»

ЦДЛ. Декабрь 1986

*Слева направо: В.П. Енишерлов, С.С. Лесневский,
Л.Н. Гумилев, В.А. Солоухин*

Поехали в Боблово. Но в Боблове, если брать не деревню, а менделеевскую усадьбу, тоже ничего нет. Деревня-то существует пока, но перемены коснулись и деревни. Часть людей разъехалась в города, дома поределели, уцелевшие дома изменились кое в чем: терраски по моде времени, шифер на крышах, телевизионные антенны...

Повезло же, однако, в свое время бобловским мужикам – такое место досталось для жительства! Не напрасно Дмитрий Иванович Менделеев как встал на этом холме, так и не захотел больше с него уходить. Высота, широта, даль, дымка лесов, синева небес, белизна облаков, вокруг цветущие травы по брюхо лошади, тишина, душистая тишина – царское место.

Менделеевский дом стоял на отшибе от деревни, и никто не мог нам точно показать, где он стоял. Мы нашли на открытом взлобье, на самой что ни на есть видовой точке, крапиву и ямы от каких-то прежних строений, и можно было предположить, что тут и был

дом, однако местные жители почему-то отсылали нас в глубину парка, одичавшего теперь. Но ведь известно, что из окон дома открывались обширные виды, не загораживаемые деревьями. В этом-то и состояла главная прелесть усадьбы.

Как ни странно, сохранился знаменитый сарай, в котором устраивались домашние менделеево-бекетово-блоковские спектакли, в котором Офелия блистала в плаще распущенных волос и с охапкой цветов в руках, а Гамлет декламировал свой трагический монолог.

Сарай очень длинный, приземистый, прогнувшийся в хребте, покрытый осиновой дранкой, почерневший от дождей и ветров той же самой, казалось, чернотой, какой покрывается со временем старинное серебро. Совхоз никак не использует теперь этот сарай, но не было в нем и чисто, разметено. Невысокими кучами бугрилось на земляном полу оставленное здесь много лет назад, сначала сопревшее, проросшее, а потом слежавшееся до каменной твердости зерно. Гниль. Мрак. Пустота. Запустение. Большая птица бесшумно скользнула над нами и вылетела в проем, где раньше были ворота. Только секундой позже я сообразил, что это вылетела из сарая сова, которая пряталась здесь от дневного света и которая никак не могла ожидать, что в этих стенах опять появятся люди... [Как недавно мы узнали, теперь и этот сарай снесен]

– Итак, Станислав, давай по пунктам: что со всем этим надо было бы сделать, если бы мы с тобой были боги? Сформулируем.

– Первое. Создать историко-культурный ландшафтный заповедник (заказник), имеющий целью бережение пейзажей, которые Александр Блок воспел в своих стихах о Родине: от деревни Вертлинское по обе стороны Таракановского шоссе, в окрестностях Шахматова, Тараканова, Боблова по обе стороны реки Лутосни вплоть до Рогачевского шоссе. Предусмотреть в пределах заповедника (заказника) запрещение вырубki лесов и такого строительства, которое мог-

ло бы исказить ландшафт. Восстановить плотины на реках Сестре и Лутосне. Сохранить как необходимую часть исторической памяти и ландшафта в окрестностях Шахматова деревни: Гудино, Осинки, Лукьяново, Аладьино, Демьяново, Тараканово, Бедово, Дубровки, Боблово, Сергеево, Фоминское, Бородино, Заовражье, Новое, Мерзлово, Костюнино.

Второе. Восстановить дом Бекетовых – Блока в Шахматове. Создать музей-усадьбу Александра Блока в Шахматове как филиал Государственного Литературного музея. Предусмотреть восстановление в Шахматове сада, подсобных строений (флигель, изба, амбар) и пруда. Создать охранную зону в пределах двух-трех километров вокруг музея-усадьбы с запрещением подъезда автомобилей к музею.

Третье. Восстановить ценный памятник архитектуры восемнадцатого века – бывшую церковь Михаила Архангела в Тараканове, где венчались А.А. Блок и Л.Д. Менделеева.

Четвертое. Восстановить усадьбу и парк в Боблово как мемориальное место великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева.

Пятое. Город Рогачев определить как центр и базу туристического комплекса Шахматова – Боблово, привести в порядок разрушающийся собор в центре города и построить гостиницу для туристов.

Вот, пожалуй, и все.

Я подивился четкости, с которой Станислав сформулировал все эти пункты.

– Еще бы! Я ведь почти дословно, – усмехнулся Станислав, – пересказал письмо от Союза писателей СССР в исполком Московского областного Совета. Письмо отправлено в 1975 году.

– И что же, принято, произошло что-нибудь?

– У меня целая папка переписки с разными учреждениями. В большинстве случаев это просто отписки.

Так как Станислав всегда вооружен до зубов, он открыл свой портфель и зашелестел там бумагами.

– Слушайте – от курьезного до серьезного.

«Пребывание А.А. Блока в Шахматове отмечено в настоящее время памятным знаком (доской); дирекция совхоза (!) завезла в Шахматово большой блок естественного камня, из которого будет сооружен монумент (!!!)».

Оба мы посмеялись. Станислав продолжал шелестеть бумагами.

– «Решение исполкома Мособлсовета от 31.05.77 года. Территория усадьбы им. А. Блока “Шахматово”, бывшая церковь и здание бывшей сельской школы с. Тараканово поставлены под государственную охрану как памятник истории местного значения».

«Управление культурно-просветительных учреждений сообщает вам, что вопрос о восстановлении памятных мест, связанных с жизнью и деятельностью А.А. Блока в селе Тараканове и Шахматове Московской области, неоднократно рассматривался в Министерстве культуры РСФСР, в связи с чем была создана специальная комиссия, изучавшая комплекс вопросов увековечения памяти поэта.

Решение комиссии предусматривает: установление охранной зоны в Шахматове, ремонт и реставрацию церкви, строительство музейной экспозиции, посвященной творчеству поэта, мемориализацию зеленых насаждений близ усадьбы Блока.

Осуществление этих работ потребует 1,5–2 миллиона рублей и четырехлетний срок их воплощения с завершением к 1980 году».

– Подожди-подожди... Но ведь два года уже прошло.

– В том-то и дело. Два года прошло. Восемидесятый год на носу, а ничего еще и не начато, ждет, как его... воплощения.

– Может быть, денег жалко?

– Какие же это деньги? Кроме того, затраты быстро бы окупились. Объекты, связанные с туризмом, окупаются очень быстро.

– Все равно вся эта переписка ваша ничего не даст, накопись ее хоть десять портфелей.

– Что же даст?

– А вот как заходишь в Карабихе в главное здание музея, сразу читаешь начертанное на стене крупными буквами: «Из постановления Совета Министров СССР. В целях увековечения памяти великого русского поэта Н.А. Некрасова Совет Министров постановляет: создать в Карабихе музей-усадьбу Н.А. Некрасова. Поручить Ярославскому облисполкому...» Ну и так далее. А культурно-просветительные учреждения районного или областного масштаба... Разве им под силу принять такое решение? Нет, только Совет Министров, тогда все сразу завертится...

Некоторое время мы ехали молча.

– Что-то вы загрустили, – заметил наконец Станислав мое настроение. – Или не верите, что это возможно?

– Что именно?

– Чтобы вышло постановление, и объявили бы Шахматово с окрестностями государственным заповедником, и отреставрировали бы церковь в Тараканове, и восстановили бы дома в Шахматове и Боблове... Неужели невозможно?

– Это как раз возможно. И рано или поздно осуществится.

– Что же невозможно, по-вашему?

– Как сказать... Ну... Невозможно, чтобы со стороны станции Подсолнечная подкатила бричка с гостями, и чтобы встретили гостей Александра Андреевна и Марья Андреевна и провели в гостиную, и чтобы от комнат было (по словам гостя Андрея Белого) уютное и светлое впечатление...

И чтобы, выйдя на террасу, они увидели возвращающихся с прогулки Александра Александровича и Любовь Дмитриевну...

И чтобы образ их «рельефно запечатлелся: в солнечном дне, среди цветов».

И чтобы: «Я смотрел за окно над деревьями скалывающегося вниз под угол сада, на горизонт уже нежно-голубого неба с чуть золотистыми пепельными облаками...»

И чтобы: «...помнится, в этот вечер пошли по дороге от дома, пересекавшей поляну, через рощу, откуда открывалась равнина, за нею возвышенность и над нею розовый, нежно-розовый закат... А. А. сказал мне, протягивая руку: «А вон там Боблово». «Я жила там», – сказала Л. Д., указывая на небо...»

А земные звуки затихали, наверно, в этот предвечерний час, и уже начинала холодеть и влажнеть трава под ногами, и, освещенная закатным небом, вокруг этих молодых, красивых, гордых, исполненных чувства собственного достоинства, тонких и умных людей «такую нежной красотой сияла русская земля».

1979

И мальчик, и муж

Памяти друга

Поздравляя Стасика теперь уж почти четыре года назад с юбилеем, я написал, что 80 ему, в общем-то, совсем не идет. И что я никак не могу цифру 80 сопрычь с тем юношей веселым, который в далеких то ли сорок восьмом уже (год нашего поступления на филфак МГУ), то ли в сорок девятом возник вдохновенно, с сияющими и слегка удивленно смотрящими на аудиторию глазами, со звонким голосом и пышной шевелюрой, над ораторской трибуной в Коммунистической аудитории «нового» здания на Моховой, и призвал своих сокурсников объединиться вокруг служения народу и литературе.

Тем более не вяжется этот стоящий у меня перед глазами образ с жестокой явью ухода.

Кстати, почему Стасик? Конечно, для большинства из тех, кого жизнь, наука, творчество свели с ним, он давно уже стал Станиславом Стефановичем Лесневским, со всеми приставками к имени из сферы званий, должностей, премий, но для меня он был и останется тем Стасиком, каким я его впервые увидел на трибуне.

Говорят, мужчина до тех пор молод, пока в нем сидит мальчишка. Уверен, что Стасик не расстался с сорванцом в себе до последних своих дней.

Обращусь ли к студенческим, нашим общим годам – вспоминаю его призывы, срывающимся от волнения голосом, всем дружно отправиться на уборку картошки в подшефном факультету совхозе. Или взять шефство (очень модное в те наши молодые годы слово) над общежитием строителей нового здания МГУ на Ленинских горах...

Или его страстные эскапады в защиту несправедливо обиженных курсовой или факультетской газетой сокурсников («Комсомолия») в ходе очередной проработочной кампании, которым было несть числа...

Но более всего, конечно, памятны его выступления на тоже бесчисленных литературных диспутах, курсовых и факультетских, где постепенно вырисовывалась и вставала в полный рост главная страсть его души и деятельности – Блок.

Александр Блок, которого он вывел из искусственно организованной тени забвения и подарил безгранично широкой читательской – от док и педантов-профессоров до юных влюбленных – аудитории.

Да, это было и оставалось душою и содержанием его жизни. И если сложить вместе все содеянное им под этим знаком, то подумаешь, что любому другому и ста лет не хватило бы даже на четверть того, что совершил Лесневский.

Но это отнюдь не означало, что хоть что-нибудь из иного на этом свете было ему чуждо а priori. Не вызывало бы деятельного интереса, дружеского, доброжелательного или, наоборот, критического, укоризненного.

И конечно, сюда относилось творчество его друзей, коллег и собратьев по филфаку. Помню, каким роскошным сюрпризом явилась для меня его рецензия на мою книгу «Строгая литература», выдвинутую на Госпремию в самом начале 80-х. Говорю, сюрпризом, потому что до этого как-то не заходило у нас разговоров на эту тему. А ведь тогда водилось такое, что кто-то писал о чем-то и о ком-то лишь по настоянию или просьбе этого кого-то... А то и вообще по принципу баш на баш.

Таким же – еще более трогательным подарком – явилось его письмо, от руки, по случаю моей первой серьезной круглой даты – 50-летия, которое больше тридцати лет уже храню как дорогую реликвию времени.

А основанное с помощью любимой сестры Стасика издательство «Прогресс-Плеяда» было на склоне его лет тем любимым детищем, которое утоляло его страсть поддерживать в искусстве и истории словом и делом то разумное, доброе, вечное, что без его поддержки не могло бы родиться на свет или расцвести.

Словом, он как мало кто другой имел право сказать о себе уходя: *feci quod potui...*

Характер критика

Умер Станислав Лесневский.

Неожиданная кончина моего младшего коллеги, талантливого критика, больно отозвалась в моей памяти. Последний разговор наш состоялся незадолго до его смерти – он писал в Комитет по печати письмо поддержки своего девяностолетнего коллеги. Речь шла об издании собрания сочинений о поэзии XX века. Речь шла обо мне...

* * *

Вероятно, читатель задумался над одним небезынтересным явлением в литературной жизни, выражаемым в прессе. Мы очень щедры к раздаче характеристик индивидуальности поэта, прозаика, публициста – всех, кроме критиков... Критика у нас – на одно лицо, она «критика», и все. И грустно бывает, читая в работе своего же собрата по перу: «критика обошла вниманием», «критика не заметила», «критика недооценила» имярек. Так ли уж вся критика? Ты-то вот, «оценивший» и «заметивший», – тоже критика, не так ли?

Вот о характере, своеобразии критика говорим мы мало, почти не касаемся специально этого вопроса. А напрасно. Дело-то, конечно, это трудное. В крити-

ческой работе, где царит в идеале объективное начало, непросто обнаружить индивидуальность, если она не лежит на поверхности. И среди критиков, любящих и умеющих писать о стихах, есть свои не только родовые, но и видовые особенности. Это все разные характеры. Был такой характер и у Ст. Лесневского. И опирался он прежде всего на идею памяти.

Первое в этой идее памяти – сохранение ценностей отечественной поэзии. Забота об истинности таланта, перерастающая в хлопоты по сохранению памяти о нем. Читатель может и не знать, что Ст. Лесневский – неутомимый воитель за сохранение и окружение почетом ряда святых культуры, таких, например, как блоковское Шахматово, что сохранение памятников старины связано у него с сыновней почтительностью к отечественной «географии», литературной топонимике. Он и заканчивает и начинает статью об Асееве с реального портрета человека и места, где он жил. Разговор о печальной судьбе Надсона и его собратьев по краткости исторического призвания – со знаменитых Литераторских мостков Волкова кладбища, а эссе об А. Твардовском целиком строит на образе-символе «географии и истории», пути и памяти, реализованных в путешествии поэта на восток страны, через всю многострадальную, угрюмую Сибирь. Сохранение в памяти народного места поэта для Ст. Лесневского равносильно осуществлению преимущества во времени самой духовной жизни. А такая позиция по самой логике приводит к широте. В том, что он любит Блока, Маяковского и Есенина, Твардовского и Асеева, Хлебникова и Антокольского, Ахматову и Вознесенского, Евтушенко и Ахмадулину, в общем-то, ничего исключительного нет – это просто выдающиеся художники, и время соединяет их и через головы «временных правительств» дурного вкуса, и само по себе. Но умение связать разные направления и потоки поэзии в общем отечественном ряду – уже признак таланта критика. Ни в чем так не проявляется растерянность перед широтой вкуса, как в избирательности его. Я думаю, что критик находится

тут в особенно щекотливом положении. Есть известная психологическая загадка: критик – личность и, как таковая, не может не иметь предпочтительности интереса и любви к предметам своего профессионального внимания. Но в то время как художник имеет право не любить Шекспира или Маяковского, хотя все понимают, что это – явления мирового масштаба, критик по долгу призвания обязан и «нелюбимого» поэта имярек трактовать серьезно, как он того заслуживает объективно, своим дарованием. Если Толстому можно просто отмахнуться от гения Шекспира, Белинский обязан даже в Бенедиктове найти сильные и слабые стороны. Правда, от этого Бенедиктов все равно не станет Шекспиром, как это нередко, увы, выглядит сегодня под пером многих и многих воспевателей. Но мы говорим о критиках, строго придерживаясь уважительного отношения к этой профессии. Речь идет не о точности оценок, а о предварительном условии: готовности «наступить на горло собственной песне», если этого требует Аполлон, а не конъюнктура. Да-да, и у критика есть своя песня, и он верен ей в главном, другом: позиции. Это уже не оценка эстетического вклада или масштаба дарования. Это – святая святых. А так как история литературы есть живой процесс и, прав Ст. Лесневский, «есть смысл» и в «несовпадении живого чувства поэзии с иерархией имен» (я бы только добавил: если эта «иерархия» произвольна, но это уже грехи не времени, а самой что ни на есть реальной критики!), – то призвание и долг, если хотите, да, долг, критика – всякий раз класть на весы достоинства и недостатки труда художника перед лицом если не вечности, то большой истории! Только так проверяется истинность и твоей позиции, верность твоего курса, объективность твоей любви или нелюбви к поэту имярек.

Ст. Лесневский – человек добрый. Широта вкуса, понимание богатства спектра русской поэзии помогает его щедрости, радости, если хотите, которую он испытывает, говоря добрые слова о поэтах, разделяя восторг читателя. Он чувствует, я бы сказал, а не только умом

понимает, что такое проекция времени. И Фет для него стоит рядом с Некрасовым не потому, что так стало модно ныне свидетельствовать свою всеядность под видом «широты», а потому, что он и впрямь видит объем культуры.

Вот на какой здоровой основе приемлет он слова Н. Асеева о Твардовском: «...вкусы и взгляды могут быть различны, а ощущение ценности работы соседа по профессии неизменно». Широта не может не поддерживаться дальноркостью, историзмом мышления.

Ст. Лесневский – хороший критик и потому, что он исходит из материала искусства, а не схемы, догмы, готового до него клише. Черновики, автографы, заверстаные в тексты книг Ст. Лесневского, – не просто элемент оформления. Это душа книги. Он строит свои эссе на конкретном прочтении текста Некрасова Блоком («В сознании долга»), анализе старой подшивки «Искры» («Газетная муза»), постановке «Пугачева» в Театре на Таганке («Я хочу видеть этого человека!»). И это не эффектные зачины, а смысл подхода к произведению, явлению искусства. Он любит документ, подлинник. А такой подход всегда перспективнее в критике. Чреват творчеством, а не рассуждательством по поводу. Я заметил, что сам по себе текст, структура, слово как таковое для индивидуальности Ст. Лесневского имеет вторичное значение. Вернее, занимает второстепенное место в его эссе. Слово интересует его как отзвук нравственной коллизии, которая сразу же, порой внезапно, перерастает в социально-общественный контекст времени и обстоятельств. Жизнь, отклик никогда не упустят своего властного вмешательства в сферу поэзии. Может быть, самое лучшее (на мой взгляд) эссе написано им о блоковском понимании места поэзии в жизни. «Приближается звук...» – так называется оно. Ст. Лесневскому удалось очень тонко, лаконично по средствам пояснить центральную идею Блока: поэт слышит звук, облакаемый в слово, находит с ним гармонию, слово находит отклик вовне. Так весьма пунктирно обозначил бы я мысль Блока, триаду, в которой акт творчества и

акт духовной деятельности художника сливаются в идеальном исском понятии – «музыка»... Ст. Лесневский мастерски развивает тезу: Блок «услышал» музыку Некрасова, которого эстеты во все времена считают поэтом «немузыкальным», но «Блок не представлял музыки вне истории, вне жизни народа». Звук пришел к Фету отъединившимся от «наружного шума» – и это, как считал Ст. Лесневский, конфликт «социальности», снимаемый гармонией с мирозданием и природой. Для Тютчева «звук» мог означать молчание («молчи, скрывайся и тай...»). Есть и такие эпохи.

Главное все же – талант, и Ст. Лесневский прав, когда временами без сожаления опускал руки перед непонятым явлением высокого чуда: «Не пересказать ни стихи, ни музыку. Поэзия протягивает нам руки и ускользает от критического ока, прячась и живя в оттенках, созвучиях, переходах от слова к слову, от строфы к строфе».

Ст. Лесневский талантлив в письме. На уровне хорошей прозы написаны многие куски текста. И не мешают они анализу, не противостоят ему, а помогают вникнуть в суть анализируемого «предмета» исследования, дать ему краткое «имя» на новом языке: ведь настоящая критика – это известно еще со времен Еврипида и Плавта – тоже искусство слова, родственное, может быть, в известной мере искусству художественного перевода или перевоплощения актера на сцене.

Лесневский заявил о себе в 60-х годах. Читатели «Юности» помнят его горячую статью «О гражданственности поэзии» («Юность». 1968. № 4), к сожалению, остается в силе и адресат полемической работы Лесневского «Поэтические ценности и критические предписания» («Вопросы литературы», 1975. № 2), направленной против предвзятости и узости кругозора, попросту говоря – догматизма в критике. Чрезвычайно показательной была работа «Энергия памяти» («Литературное обозрение». 1976. № 7). От нее пролегает прямой путь к серьезной и волнующей книге «Завещанное, заветное» – о памятных литературных местах, книге

патриотической, которую обязательно надо прочитать, и прежде всего молодому человеку.

Конечно, характер критика проявляется через индивидуальность, но в понятие индивидуальности мы вкладываем смысл более широкий, включающий человеческий характер как одно из слагаемых. В этой статье я стараюсь связать одно с другим – основу личности с манерой высказывания, внутренней задачей критика. Разумеется, можно было бы и упростить задачу, сказав про талант, который всегда означает и особость. Но тут приходит на ум фраза Гейне: «Талант мы угадываем по одному-единственному проявлению, но, чтобы угадать характер, требуется продолжительное время и постоянное ощущение».

Стасику вдогонку

Стасик обнаружил в Шахматове никому неинтересный и потому грустный валун и назвал его «блоковским». «Поэт любил этот камень», – утверждал Лесневский, и возражать ему никто не смел.

Эта маленькая скала воспряла духом. Она была удобна для всходящих на нее поэтов, которые читали стихи Блока и свои.

Вообще-то, никакого музея в разрушенной блоковкой усадьбе тогда не было. Но начались ежегодные летние чтения на поляне, и все это организовал Станислав Стефанович Лесневский.

Люди приезжали (как в пушкинское Михайловское) из Москвы и соседних мест. Павел Григорьевич Антокольский взбегал на блоковский камень стремительней юных стихотворцев. Однажды прибыл и Евтушенко, заявив в рифму: «Взойдите все, кто юн, на блоковский валун!» Теперь уж точно к валуну начинало подступать бессмертие.

Лесневский умел превращать легенду в литературный факт. Он был человеком мечты и полета. Он плевать хотел на административные преграды, и постепенно они отступали, а то и падали к его ногам. Шахматово обрело музейную и живую жизнь. На большой поляне можно было не только приобщиться к высокому, но и выпить,

закусить, как на пикнике. Любители поэзии приносили с собой провизию. Можно было также искупаться в зверски холодной мелкой речке поблизости, что мы однажды и проделали со Стасиком и Женей Евтушенко.

Своей литературной карьерой (если можно так выразиться) я тоже обязан Лесневскому. Это он выдернул меня в 1967 году из «Литературной газеты» и отрекомендовал на свое место в журнал «Юность». Стасик терпеть не мог подолгу «служить», ходить на работу, он в душе был вольной птицей и дорожил тем, что считал свободой.

На исходе шестидесятых на вечеринках в «Юности» Лесневский, сын политссыльного, всегда громко и стоя провозглашал тост за Николая Ивановича. До реабилитации Бухарина было еще далеко, но все присутствующие знали, кто такой Николай Иванович. Б.Н. Полевой морщился, мы весело приветствовали инакомыслие, водка скрепляла мгновенное братство безобидных фрондеров.

Помимо обожаемого Блока у нас с Лесневским многое светлось. Одно время мы были бессемейны, не формально, а по существу, и это тоже нас сближало. Несколько лет мы разговаривали, спорили, читали друг друга. Он был старшим, к его голосу прислушивались поэты нашего поколения. Ангелом он не был, бывал упрям, несправедлив, не в меру восторжен. Но все это такая мелочь по сравнению со стержнем его человеческой личности! Много ли среди советских литераторов людей (да еще с партийным билетом), способных нести в себе недремлющее чувство совести и покаяния? Почти нет таких, а Стасик таким был.

Он хорошо писал о поэзии. В Серебряном веке Лесневский чувствовал себя как дома. Он сам был не чужд талантливой версификации, и я на всю жизнь запомнил некоторые его строчки. Его любили студенты Литинститута и слушатели Высших литературных курсов. В сущности, он был бродягой, странствующим рыцарем литпросвещения, таскавшим на себе по стране тяжелые сумки, набитые для подарков чудными книгами семейного издательства Лесневских «Прогресс-Плеяда». Все это забыто не будет.

Памяти Станислава Лесневского

Когда-то у России была, говорят, слава литературоцентричной страны. Страны не просто читающей, но в самом бытии своем и развитии неразрывно связанной с существованием великой русской литературы, которая задавала стране алгоритмы ее духовного становления.

Сейчас, говорят, все это давно уже ушедшая в небытие, давно замшелая архаика.

Не знаю, может, и так. Современная Россия и в самом деле очень далеко оторвалась от себя прежней и сегодня производит впечатление страны скорее попсо-, но никак уж не литературоцентричной. И тем поразительнее, что на фоне и в тотальной атмосфере этой все-российской нашей густопопсовости предъявляют нам время от времени свое несомненное присутствие люди такой яркой и упрямой своей литературоцентричности, что кажутся поистине пришельцами из какого-то иного мира.

Именно такой яркой и неожиданной в наше время, упрямо литературоцентричной личностью и был ушедший от нас Стасик Лесневский. Называю так почтенного главного редактора издательства «Прогресс-Плеяда» Станислава Стефановича Лесневского по праву однокашника, помнящего его еще с тех неза-

памятных времен, когда молоденьким озаренным первокурсником тот бегал по коридорам старого филфака на Моховой и всюду, где можно, с глазами, горящими неподдельным комсомольским энтузиазмом, декламировал своего любимого Маяковского. Это действительно была любовь – такая же неподдельная, как и тогдашняя его вера, – в отличие от иных его сокурсников, которые уже и тогда умели верить только в то, во что полагалось. В Стасике никогда не было никакой расчетливости – он и Маяковского любил вовсе не потому, что тот был привечен советской властью, а потому, что Маяковский действительно был поэт, через которого, похоже, впервые по-настоящему и открылось перед Станиславом Лесневским то, что стало его любовью и его жизнью отныне и навсегда, – сама поэзия, сама ее душа, независимо от того, какой политической окраски она оказывалась в том или ином конкретном личностном воплощении. Личностные привязанности Станислава Лесневского в мире поэзии и вообще могли сильно меняться и действительно менялись, так что, хотя и Маяковский – как первая любовь – никогда не был забыт и предан, в святцы Лесневского вошли потом и Ахматова, и Мандельштам, и Андрей Белый, и Заболоцкий, и Твардовский, и Рубцов, и прежде всего Александр Блок. Их творчество, равно как и творчество многих других выдающихся русских поэтов и писателей Золотого и Серебряного века нашей литературы, – и составило тот главный, если и вообще не единственный, мир высших образов, молитв и упований, которым Станислав Лесневский по-настоящему жил, которым дышал, в который со всей страстью вкладывал почти без остатка свою душу и который был, в сущности, неотделим для него от религии и сам стал своего рода религией, определившей все содержание его жизни. Говоря более приземленным современным языком, он был поистине фанатом своей влюбленности в поэзию и – шире – в литературу, как раз и являя собою в этой неистощимой любовной своей одержимости живое воплощение истинно литературоцентричной души.

Людям такого склада, как Станислав Лесневский, самозабвенно погруженным в чистый мир художественных вымыслов, образов и откровений, обычно очень трудно бывает сколько-нибудь адекватно осуществиться в практической жизни. Природным романтикам, идеалистам и бессребреникам, им, как правило, не хватает для этого ни природной хватки, ни умения, ни желания. Это не их стихия.

Не берусь судить, до какой степени был или не был исключением из этого «как правило» страстный литературофил Станислав Лесневский, но в любом случае ему невероятно повезло – судьба одарила его сестрой, которая не только сумела понять, какого рода деятельность могла бы соответствовать человеческой природе ее брата, но взяла на себя и нелегкий труд создать для этого все необходимое. Ирена Стефановна Лесневская – и это зачтется ей навсегда – подарила ему издательство, избавив брата, в сущности, от всех производственно-финансовых забот и предоставив ему заниматься там исключительно тем, к чему лежала его душа – самими книгами, их выбором, заказом, составлением, подготовкой к изданию. Она открыла ему возможность почувствовать себя там поистине в своей собственной стихии и тем подарила нам того Станислава Лесневского, каким мы и узнали его за годы его работы в издательстве «Прогресс-Плеяда», где так ярко и щедро раскрылся весь богатейший потенциал его страстной влюбленности в поэзию, в литературу, в искусство. Здесь его не преследовали никакие коммерческие обязательства, здесь никто не диктовал ему, какие книги и когда печатать, здесь он вместе со своим другом и ближайшим сотрудником Виктором Балашовым, тоже недавно нас покинувшим, таким же, как и он, не от мира сего очарованным подвижником чистой любви к литературе, мог дать себе полную волю издавать только то, к чему лежала их душа, что принадлежало миру их вкуса и их любви.

И вот поразительнейший результат – как верно заметил недавно Евгений Евтушенко, «Прогресс-Пле-

яда» – едва ли не единственное у нас издательство, не выпустившее ни одной плохой книги. Напротив, какую книгу из каталога изданных ни возьми, она непременно окажется в чем-то своего рода эксклюзивом и безусловной культурной ценностью – будь это собрания сочинений Блока или Андрея Белого, томики стихов Заболоцкого или Рубцова, Тютчева или Ф. Сологуба, дневники Игоря Дедкова или сборник статей Марка Щеглова, «Легенда о Великом инквизиторе» В. Розанова или книга самого Лесневского о блоковском Шахматове, возрождению которого он отдал столько сил... Поистине это целая коллекция книжных драгоценностей, ни одна из которых не затеряется и не пропадет втуне в потоке того полиграфического изобилия, которое захлестывает нас с каждым годом все беспощадней. Потому что на каждой книге, выпущенной «Плеядой», лежит печать той любви, которую она к себе притягивала и с которой она делалась.

И вот за все это можно только преклонить колени перед памятью о человеке, который при всей своей блаженной отданности совершенно чистой от всякого практического интереса и вполне в этом самодостаточной для него любви к литературе явил собою редкостный пример и поразительно яркого жизненно-практического самоосуществления, сумев претворить эту бескорыстную любовь в такую же бескорыстную самоотверженную книгоиздательскую деятельность и в такое же бескорыстное подвижническое просветительство.

Прощай, дорогой Стасик. В том мире, куда ты ушел, добрых тебе встреч с теми, кого ты любил, о ком писал, кого издавал...

Идеалист-созидатель*

Памяти Станислава Лесневского

Когда-то он мне подарил необычную гобеленовую икону с Христом, сделанную учениками художественной школы. Я ее повесил в своей переделкинской спальне. Иногда мне чудится, что у этой иконы его глаза. Он, кажется, не был ритуальным верующим, но кто знает, что знал только он. Во всяком случае, он был прежде всего человечен, и, хотя он был иногда ребячливо вспылчив, в нем не было никакого зла. Для этого у него не было лишнего места в сердце.

Он был влюбчив, но не только в женщин, а просто в людей, в их талант и доброту, и особенно в стихи. Он был убежден, что стихи способны любить все, только не все об этом сами догадываются, и им надо помогать. Я тоже так думаю, и это нас по-братски сближало.

Поэтическая плеяда шестидесятников сделала большое дело – она невероятно расширила читательскую аудиторию поэзии. Мы со Стасиком часто выступали вместе, и особенно нас потрясли своим вниманием слушатели в родной деревне Александра Яшина, где была и его мать.

Смерть безжалостно выкорчевывает поколение шестидесятников. Их присутствие в жизни России

* Опубликовано: Новые известия. 20 января 2014.

было подобно роли деревьев, выдыхающих воздух надежд, наполнявший наши легкие. Дыхание Станислава Лесневского, всегда прерывисто-взволнованное, о чем бы он ни говорил, было неотъемлемой частью этого воздуха надежд. Он никогда не был служкой официальной идеологии, а был проповедником самих вечных, не стареющих идеалов и делал все, чтобы и в литературе «люди теплые, живые», о которых пронзительно писал Александр Твардовский, не шли на дно. Так, Станислав Лесневский оказался единственным издателем, успешным при жизни самородного поэта Михаила Анищенко выпустить его талантливейшую книжку. Он не препарировал поэтов, как лягушек, бесстрастным скальпелем – он жил стихами.

Он первый обратил мое внимание на Илью Фаликова как на одного из лучших эссеистов о поэзии. Он издал драгоценную для нашей национальной истории серию реквиемно-исследовательских книг Виталия Шенталинского о талантах, погубленных в годы сталинского террора, которые сейчас некоторые опасные для истории историки считают чуть ли не годами ренессанса нашей страны, и по-новому помог нам увидеть Александра Блока, Георгия Иванова, Осипа Мандельштама. Если говорить по совести, то «Прогресс-Плеяда» Станислава Лесневского, может быть, единственное наше издательство, которое не выпустило ни одной плохой книги.

Я с глубочайшей благодарностью отношусь к его сестре Ирине Лесневской, которая тоже любит и понимает поэзию. Именно она дала мне возможность выпустить на канале РЕН ТВ поэтическую телеантологию из ста восьми передач, и она же всячески помогала издательству брата. Она бы сделала большое для нашей литературы дело, если бы сохранила это издательство, дав ему имя Станислава Лесневского. Это был бы ему самый лучший памятник. Я убежден, что Борис Романов и Илья Фаликов могли бы достойно продолжить дело их друга и соратника, а мы, писатели, с радостью отдавали бы в это издательство свои книги.

Станислав Лесневский был идеалистом совсем не обломовского типа, он был креативным идеалистом. Его созидательному упрямству мы обязаны воскрешением блоковского дома-музея в Шахматове и ежегодным Блоковским праздникам. Как было бы прекрасно, если бы дело его жизни продолжалось и любовь в России к поэзии не прекращалась никогда. Может быть, тогда и места в сердце для зависти и злобы не осталось бы.

Декабрьское маленькое стихотворение, которое я прилагаю, он успел прочесть и ответил мне.

Блоковский валун

С. Лесневскому

Взойдите те, кто юн,
на блоковский валун
и каждым вдохом кожи
почувствуйте, как дрожь
охватывает рожь,
и станьте частью дрожи.

Вся, выгорев, мертва
без трепета трава
и жалко векуует,
и, как ни мельтеши,
без трепета души
души не существует.

В стране такой большой
жить с крошечной душой
несоразмерно слишком.
Быть русским – не медаль,
а внутренняя даль,
где голос предков слышен.

Кто предал связь времен,
пусть будет заклеямен
на блоковском граните,
и если прервалась
хоть в чем-то эта связь,
мы – узелок из нити.

Есть завтра во вчера, –
и эти клевера,
и поле бранной сечи,
и древние холмы –
все это тоже – мы,
но лишь без дара речи.

И надо нашу речь,
как дух страны, беречь,
как эту землю, воду.
Нельзя поганить слог,
которым Пушкин, Блок
восславили свободу.

И если всходит лгун
на блоковский валун,
пусть устыдится, что ли,
разлитой в небесах,
в оврагах и лесах
просящей слова боли.

Есть лживенькая мысль:
нет дали – только близь,
но если мы страдали,
в самом страданье есть
несдавшаяся честь
и ощущение дали.

Взойдите все, кто юн,
на блоковский валун,
но там не балаганье.
Отдав предтечам дань,
в себя вдохните даль
и частью дали станьте.

В ком есть под кожей даль,
в том вправду божий дар.
Духовно крепостные –
недальние умы.
Россия – это мы,
когда мы даль России.

Шахматово, август 1972

Святой камень, или Блоковский валун,
в Шахматове. Установлен осенью 1969

Станиславу Лесневскому

1

Я люблю тебя за тебя самого,
уникальный мой Стасик Лесневский.
Как от Блока в тебе слиться все так смогло —
воздух шахматовский и невский.

Пусть до классиков наших мы не доросли,
мы, как в церкви одной, с ними вместе,
став молитвой живой о спасеньи Руси,
ее Совести, Слова и Чести.

30 декабря 2013

2

Нет Запада, Востока.
Есть птица Гамаюн.
Есть Шахматово Блока,
а посреди валун.

Кровь крови не отмыла,
и жив золотой кумир.
Но середина мира –
где мысль объемлет мир.

Не правят ныне троны –
айфоны, интернет.
Не вздрагивают дроны –
ведь в них пилотов нет.

Есть на убийства скидка.
Не стрелы, не ножи –
сегодняшнее скифство,
лишь кнопку нажми.

Заблудшие двенадцать
на скользких мостовых
еще не раз приснятся,
с Тем, Кто не бросил их.

Иконой стать, быть в бронзе, –
не в этом с Ним родство,
а главное – не бросить,
не бросить никого.

Нельзя позволить, чтобы
в борьбе добра и зла
отзывчивость от злобы
не спасена была.

Как юноша лысевший,
но сделав тонкий ход,
спас тот валун Лесневский,
последний Дон-Кихот.

А может, как наследность,
своим примером спас
еще и предпоследность,
да и бессмертье нас?

Важней землепроходства
смысл жизни на земле.

Венок Станиславу ЛЕСНЕВСКОМУ

Спасает благородство
все буквочки в золе.

3

Все страшное то, что в нас кроется,
тая неудачников месть,
все может в потомках утроится,
в грядущее боком пролезть.

Но если родятся прекрасные
всех лжей супротив бунтари,
пусть в души удастся прокрасться, и
всех сразу открыть изнутри...

И только глазами ты ввысь поведи,
глаза будут в небе нежны,
а жизни – взаимоисповеди,
и даже среди тишины.

13 февраля 2014

Рыцарь нашего дела

Со Станиславом Лесневским я познакомился в начале 60-х годов. Он тогда работал заведующим отделом критики в журнале «Юность». Не успели мы разговариваться, как он тут же заказал мне статью о «молодой прозе» тех лет. Тогда блистали имена Аксенова, Конечного, Гладилина и других. Над этой статьей я потел целую зиму, я назвал ее «Подводя итоги». Там было много нелестных слов о начинающих входить в моду будущих мэтрах. Статья Лесневскому понравилась, и он понес ее на прочтение начальству. Вернулся он расстроенный и сказал мне: «Игорь, я эту статью напечатал бы сейчас же, но начальство против».

Дело в том, что я не просто нелицеприятно отозвался о некоторых авторах молодой прозы, но позволил себе сравнить их незрелые творения с прозой Солженицына. Имя Солженицына было под запретом, и реакция верхов журнала «Юность» была понятна.

Стасик проводил меня с надеждой, что он еще что-то опубликует в «Юности». Кажется, мне удалось напечатать небольшую заметку о спектакле Ивановского театра, поставленном по стихам Вознесенского. С тех пор мы виделись только мельком. Но когда Лесневский задумал восстанавливать блоковское Шахматово, я

от всего сердца благодарил его. Тем более, что в то же самое время мне пришлось создавать музей Гоголя на Полтавщине. Наши пути шли параллельно. А однажды я прочитал в «Литературной газете» статью Лесневского о моей книге «Час выбора». Это была первая и единственная публикация о моих работах в «Литературной газете». Ни до этого, ни после газета ни разу не откликнулась ни на одну из моих книг. Стасик постоянно хотел мне в чем-то помочь. И помогал. Он свел меня с Православным университетом, где я по его рекомендации прочитал лекцию о Гоголе. Он, находясь в близких отношениях с издательством «Прогресс», заказал мне вступительную статью к прозе Распутина. Он звал меня в Шахматово, дарил свои книги о Блоке. А позже, когда я стал работать в «Литературной газете», он принес мне статью, в которой объявил о своей вине перед писателями, которых стала преследовать власть. Как член партии, он должен был публично выступить против них. Он это сделал. Но этот поступок сам себе не простил. Кстати сказать, никто из тех, кто совершил то же самое, не покаялся ни приватно, ни публично. Но Лесневский был благородным человеком. Я бы даже сказал, рыцарем не только нашего дела, но и в жизни вообще. Этот рыцарский облик он сохранил до конца своих дней.

Я думаю, история русской литературы не забудет его.

31 января 2014

Памяти Станислава Лесневского

Не припомню, когда с ним познакомился. По-моему сначала услышал как еще об одном страстно увлеченном Маяковским, который тогда – в конце сороковых – начале пятидесятых на фоне серости и казенщины был «светом в окошке» для многих молодых, думавших «делать жизнь с кого».

Потом настала куда более продолжительная, да, в сущности, так и не прервавшаяся пора, когда он просто влюбился в Александра Блока. Мало того, что результатом стали книги и статьи! С не остывающим энтузиазмом Стасик исходил блоковские места, организовал и годами поддерживал августовские, в день памяти поэта, празднества в Шахматове. Помню, Маргарита Алигер поражалась, как ему удалось осуществить возведение памятного камня на месте, где была усадьба Бекетовых и, где теперь – опять-таки во многом благодаря энергии и усилиям Лесневского! – существует музей поэта.

Эта любовь, привязанность, верность определили и характер деятельности возглавляемого им издательства. Не перечислить, сколько там вышло книг самого Блока и посвященных его жизни и творчеству, да и всему Серебряному веку!

А кроме того, были и другие, например, серия «Сто стихотворений» самых разных авторов, которая совсем недавно – увы, в те самые дни, когда не стало ее вдохновителя! – горячо и благодарно обсуждалась на очередном заседании нашего Клуба книголюбов при ЦДЛ.

Издательство «Прогресс-Плеяда» стало заметным культурным явлением и, конечно, займет законное место в истории книгопечатания.

Книги, написанные самим Лесневским или им любовно изданные, можно взять в руки, поставить на полку, хранить и перечитывать...

Но как донести до новых поколений память о других его поступках, будь то его преданность друзьям или (совсем другая грань характера!) пылкое стремление воздать «по заслугам» тем, на чьей совести беды, аресты и гибель прекрасных писателей в годы страшного террора?

А как хотелось бы, чтобы дорисовать портрет человека, с которым случалось и спорить, и не соглашаться, но кого теперь будет явно недоставать в нашей литературной жизни!

Земля ему пухом...

Владимир ЛЕОНОВИЧ

Станислав Лесневский

Главный редактор издательства «Прогресс-Плеяда» издать себя не успел. Но один из томов могла бы составить различная «нелитература», находившая приют в толстых томах Литнаследства.

Помню окошечко в глубине центральных кварталов, куда надо было просунуть письмо в ЦК, Совмин или лично «глубокоуважаемому товарищу Леониду Ильичу Брежневу», а потом и другим товарищам. Составитель такого тома, думаю, будет поражен количеством писем Лесневского наверх, конечно, если они уцелели. *Свободы черная работа* – предлагаю свою строчку редактору «Прогресс-Плеяды» Борису Романову для этого корпуса.

Я завидовал неутомимости Лесневского обстреливать этой дробью бюрократические твердыни. Но если уцелели дома Чуковского и Пастернака в Переделкине, дом Цветаевой в Москве, если возродилось к новой жизни Шахматово, то иронии в отношении к этой дроби поубавится.

Прощаясь с Лесневским, назову имя его покойного друга Владимира Барласа – знатока новейшей поэзии, защитника и хранителя всего подлинного, что с ней связано.

Открытие библиотеки им. В.В. Розанова
Слева С. Лесневский, рядом Л. Таганов
Кострома. 13 апреля 1999. Фото Г. Белякова

Имя Игоря Дедкова впервые я услышал от Лесневского, много писавшего о Костроме, о костромичах – своих ровесниках, величавших слово Провинция большой буквой. Это была стойкая, трогательная и давняя любовь Стасика к моему родному городу. И опять-таки меня поражала неутомимость, отсутствие рефлекса отторжения от чиновной мертвечины, с которой приходилось ему иметь дело. Как автомат, он обходил высокие кабинеты, оставлял там замечательные книги по истории Костромы, не устаиваясь порою даже слова в ответ. Меня бы на это не хватило. Можно сказать, что Лесневский был работником Костромского фонда культуры, с его постоянными тружениками – Антониной Соловьевой и Николаем Зонтиковым.

В 1996 году Лесневский вместе с Евгением Сидоровым, тогдашним министром культуры, открывали Литературный музей Костромы. Музей был уничтожен в раннем отрочестве – на 11-м году жизни. Не помогли ни письма Лесневского, ни книги Солженицына в дар

музею, ни просьба Евгения Евтушенко сохранить для людей искусства этот дом о шести колоннах в центре города. Такие хлопоты отнимают много здоровья и сил.

Дедков 30 лет проработал в Костроме. Издание его дневника (1953–1994 гг.) в жанре «более чем» обессмертило имя «Прогресс-Плеяды». Не будет слишком дерзким сопоставить эту книгу с «Былым и думами» Герцена. Живые лица, житейские положения, интонации, умолчания, внезапные памфлеты, отдельные новеллы, сам образ автора, из всего этого выступающий, до сих пор остаются вне критики. Слишком крепок орешек.

Моя особая благодарность Лесневскому, его вкусу и направлению работы, а также умным деньгам его сестры, редактуре Бориса Романова – за трилогию Виталия Шенталинского («Преступление без наказания» – первоиздание, «Рабы свободы» и «Донос на Сократа» – переиздание, но значительно обновленное, расширенное и уточненное), – книг, подпитанных работой нашего «Репкома» (Комиссии по творческому наследию репрессированных писателей).

Каждый апрель, приезжая в Кострому на чтения, посвященные Дедкову, Лесневский повторял монотонно и неутомимо: «Библиотека, где работал Дедков, должна носить его имя». Нам удалось сделать полдела: в четыре руки с Верой Арямновой, написавшей, кстати, книгу о костромских шестидесятниках, сдернуть имя Надежды Крупской с фасада библиотеки. Нынче в апреле Игорю 80 лет. Авось вспомнят и труженики библиотеки, и культурное начальство города слова Лесневского, оказавшиеся как бы строчкой его завещания.

Богом его был Блок с его любимым образом – пахаря, налегающего на плуг, вздирающий целину для нового посева.

Путепроходец

1

Бывают люди, которым размеренно и упорядоченно жить, как это за благо для себя считают многие, скучно. Им непременно подай напряги, загадки, откровения, борьбу и открытия. Иначе они тускнеют и не находят себе места. Таким врагом ординарностей и банальностей был Станислав Лесневский. Иногда мне казалось, что он специально выдумывает для себя препятствия, чтобы разогнаться, прыгнуть и взять неведомую и даже невидимую для других высоту.

Пристрастием его жизни была поэзия, а сферой особых интересов – Серебряный век нашей словесности и национальные мотивы в русской литературе советского периода. С особой страстью и охотой он писал о Маяковском, Блоке, Ахматовой, о Твардовском... Причем к поэтическим своим кумирам пробирался и шел иногда самобытными и только им изобретенными путями... Он был основателем музея Блока в Шахматове и организатором ежегодных поэтических празднеств в этой его усадьбе. Но иногда дело доходило и до курьезов.

Однажды в конце 50-х мы шли со Станиславом в Москве по Мясницкой улице. И он вдруг сказал: «Хочешь познакомлю тебя с поэтом, который написал самую короткую и знаменитую в мире стихотворную строку?»

- Какую там еще?
- «Дыр, бул, щыл», – помнишь?
- Полно тебе, Стасик!
- Нет, пойдём... Сейчас увидишь!

Он наметанно провел меня по правой стороне улицы, спускавшейся к центру, через дворовый колодец серого многоэтажного дома старой постройки. Лестничные марши были высокие, крутые, с почти винтовыми закруглениями. На дедовской конструкции лифте проскользили на пятый этаж. У высоких, обитых черным пыльным дерматином дверей, как указывала табличка с фамилиями жильцов, видно, огромной коммунальной квартиры, позвонили пять раз, пять звонков. Как они там – сидят, что ли, слушают и считают, кому сколько звонков?

Тем не менее выстрел оказался точным. Нам открыл худощавый подвижный человек лет семидесяти, в темном комбинезоне, но при галстуке. Это был известный поэт-кубофутурист, близкий спутник, а иногда и соратник Д. Бурлюка, В. Хлебникова и В. Маяковского А. Крученых. Автор почти ста книг-брошюр, изобретатель нового поэтического языка – зауми.

– Здравсте, Алексей Елисеевич, – сказал Стасик, – я привел вам еще одного поклонника вашего творчества!

В этой встрече было проявлено вначале немало юмора и даже молодого хулиганства. Выяснилось, что родоначальник литературной школы «заумников» с рубежа 30-х годов сам уже почти ничего не писал, а занимался в основном литературно-музейной работой.

– Все, что напишу, – не без гордости объяснил Крученых, – становится фактом истории, и это сразу приходят и платят особо... А так мое дело – комментари, музейные каталоги и тому подобная дребедень...

– А не могли бы вы, – с деланой наивностью поинтересовался Стасик, – прочитать нам что-нибудь из своих стихов?

Крученых хитро сощурился:

– До революции мне за такие выступления платили золотом... Если заплатите золотом, прочту...

Золота у нас не было, и чтение не состоялось.

Обширный подоконник огромного высокого окна весь был заставлен маленькими бутылочками и светлого стекла пузырьками, что тебе витрина стекольного завода для аптек или алхимиков.

– А это для чего? – спросил Стасик.

– Коллекционирую, – был ответ. – Маленькие бутылочки лучше всего хранят в себе звукообразы... – И дальше Крученых начал подробно рассказывать, что заумный язык связан с таинствами, восходит к народным заговорам, заклинаниям, молитвам сектантов и т. п. Перед нами был уже не жилец большой коммунальной квартиры, не музейный служащий и даже не артист, а колдун. Становилось жутковато.

Вот когда я впервые оценил умение Станислава как бы шутя и играя раскапывать и делать серьезные дела. На обратном пути он объяснил, что познакомился с Крученых через Николая Асеева, с которым не раз встречался и, насколько я понял, о ком даже собирался писать диссертацию. Асеев и Крученых, конечно, интересны. Но важны ему для главной и большой темы, которая его занимает и волнует прежде всего, – для Маяковского. Вот кто его персонаж и судьба жизни. Во всяком случае, так было на тот момент.

Однако еще одной особенностью Стасика было умение нередко попадать со своими затеями и любимыми героями в гибельные обстоятельства. Так однажды случилось и с Маяковским. Впрочем, об этом чуть ниже...

2

Мы знали друг друга не один десяток лет. Чуть ли не с того самого дня, когда в сентябре 1948 года нас приняли на русское отделение филологического факультета МГУ. Было нам тогда по 18–19.

Стасик проживал с матерью, Александрой Яковлевной, черноволосой, статной, красивой женщиной, если не ошибусь, школьной учительницей литературы, и младшей сестрой Реной, тогда еще девочкой, но

позже внешним видом пошедшей в красавицу мать. Занимали они темноватую полуподвальную комнатку по улице Огарева, чуть ли не в двух шагах от старого здания университета. Забегать к нему было удобно. Отец был репрессированный, «враг народа». Отбывал сроки в ссылке где-то в Казахстане. Мой отец находился в том же качестве. И эта без слов, нутром ощутимая похожесть судьбы дополнительно нас сближала.

Была еще общая дружеская привязанность – Виктор Балашов, из французской группы западного отделения, импониравший своим жизнелюбием и философской расположенностью к людям. С Виктором Стасик учился в школе. А мы сдружились уже в университете. Между прочим, Балашов – это пример дружбы на всю жизнь. Стасик на такое был способен. И среди его долголетних друзей, как в колоде карт, были люди самых разных мастей и величин, которых рядом иногда даже трудно представить. Например, вольнодумный бунтарь поэт Евгений Евтушенко и тоже сокурсник наш, впоследствии один из верховодов-державников, обаятельный эрудит и застольный певец под гитару Вадим Кожин, яростный обличитель Юрия Трифонова и того же Евгения Евтушенко...

Помню нашу студенческую троицу, еще первых лет учебы, в величественном, с лепниной на высоких стенах зале Московской филармонии, в антракте симфонического концерта. Витька обладал музыкальной образованностью и, может быть, даже абсолютным музыкальным слухом. Про меня это никак нельзя было сказать. Стасик представлял собой, насколько понимаю, серединку на половинку. В антракте Виктор, который нас со Стасиком туда затащил, еще весь был захвачен музыкальными переживаниями. А для нас антракт был желанной фазой расслабления, возможностью вернуться к реальности, пойти в буфет, выпить лимонаду, пообщаться и поговорить. Хотелось, чтобы он длился дольше. Но нет, меркнул свет, и снова звучала музыка...

Из литературных событий вокруг университетских лет назову пару значительных.

Помню, например, первое упоминание о будущем почти гениальном критике Марке Щеглове. Фамилия впервые попала мне на глаза в нашей составленной из кусков ватмана долгой, во весь простенок, курсовой стенгазете – младшей сестре факультетской «Комсомолии». Это была напечатанная на машинке призывная статья. Дескать, в клинике с диагнозом «туберкулез позвоночника» вот уже не первый год лежит нынешний студент-заочник Марк Щеглов. Он прикован к постели, не может посещать лекции, нуждается в конспектах, учебниках и дружеском внимании. А человек, мол, яркий, интересный. Так что кто желает помочь и пообщаться – приезжайте, приходите по адресу... Дружно поможем Марку Щеглову!

В числе подписавших статью был Лесневский. Будущий новомировский соратник Твардовского Володя Лакшин, наш однокашник двумя курсами младше, лежавший с Марком в одной палате костных туберкулезников, позже даже написал повесть «Закон палаты». В мемуарах он почтительно числил себя в критике учеником Щеглова. Самого Марка из-за повторного ареста отца я увидел в университетской аудитории лишь года через полтора. Наши университетские энтузиасты, среди которых не последнюю роль играл Стасик, выходили-таки парня. Он сидел на скамье, отложив в сторону свои костыли, полный, грузный, в коричневом пиджаке, над которым вздымалась большая светловолосая голова без шеи. Он казался горбуном, настолько сильно болезнь изломала его.

Но человек это был яркий, обаятельный, веселый, искрящийся юмором и вообще во всех отношениях притягательный и чудесный. Свободный и вольный его талант широко излился на журнально-газетные площади и страницы, как только слегка ослабли печатные препоны. В критике Щеглов стал образцом утраченных за годы сталинизма высоких и смелых полетов мысли. Печатался он недолго, всего три года, умер в возрасте 30 лет. Но оставил после себя не только восхищенную читательскую аудиторию, но и врагов и хулителей.

Два недруга были особенно крупных и влиятельных. Леонид Леонов не мог простить критику в целом положительную, однако же далекую от восторгов, убийственную по точности характеристик и тонкому яду иных оценок статью о романе «Русский лес», вскоре отмеченном тем не менее Ленинской премией. А украинский классик Александр Корнейчук, главный герой другой статьи Щеглова, также многократный лауреат, казалось, просто-таки внутренне корчился от вывернутой критиком наизнанку надутой ходюльности собственных поздних пьес. Обоих именитых авторов поддерживали партаппаратчики из отдела культуры ЦК КПСС, тем более что фамилия Щеглова успела попасть в одно из осуждающих высших партийных постановлений.

Председателем комиссии по литературному наследию покойного критика был А.Т. Твардовский. Но, несмотря на весь напор выдающегося поэта и общественного тяжеловеса, первое издание сборника М. Щеглова вышло в 1958 году в издательстве «Советский писатель» в обкорнанном, сильно выхолощенном и урезанном виде. Не только без двух названных крамольных статей, но и без многих других смелых и блистательных его публикаций. За бортом сборника вовсе остались богатейшие дневники Марка, его письма, многие из которых сами по себе являются замечательными созданиями свободы духа и художественного слова. Соответствующий манускрипт затем на долгие годы безнадежно застрял в недрах издательства «Советский писатель».

Станислав в начале 60-х годов состоял штатным редактором в отделе критики этого издательства и, может быть, даже сидел рядом со стенным шкафом, где отлеживалась полная рукопись посмертного однотомника Марка. Это, как я знал, его мучило. Об этом он говорил. Я работал сначала в отделе литературы и искусства правительственной газеты «Известия», а затем консультантом по критике правления Союза писателей СССР. Как уж мы там размышляли, не помню, но в

меру сил присоединились к дружной компании по спасению сборника Марка Щеглова, которую возглавлял В. Лакшин.

Возможно, наши потуги закончились бы мизерным результатом. И сборник, отлежав свое, в конце концов вновь вышел бы в кастрированном виде. Но в голову пришла счастливая мысль – вовлечь в бой тяжелую артиллерию.

Сборник своей обстоятельной внутренней рецензией вывел из тупика тогдашний глава Союза писателей СССР К.А. Федин, выступив в поддержку суждений критика. Свой отзыв он оформил в виде письма в секретариат СП СССР (от 16 февраля 1965). Отстаивал он прежде всего две важнейшие статьи – о Л. Леонове и А. Корнейчуке.

«Очень важны для литературной жизни, – писал Федин, – критические работы о произведениях зрелых художников слова. Не в том дело, чтобы опытный мастер “осознал” допущенные ошибки (иной мастер знает свои недостатки, слабости едва ли не глубже даровитого критика), но в том, чтобы вся литература могла учиться на убедительном разборе трудов мастера. Критика произведений, взятых из повседневного потока книг, пьес, фильмов, никогда не сравнится своей ценностью для литературы с серьезным рассмотрением незаурядных, известных явлений прозы и драматургии».

Полный текст отзыва Федина на рукопись сборника М. Щеглова у меня был. Я его показал Стасику. Он был растроган. Сказал, что это смелый шаг и безоглядный поступок не только мастера, но патриота нашей культуры. Такое не забывают. Сам он откликнулся на выход второго издания сборника газетной статьей под названием «Неистовые искания». «Быть может, начало этой книги в конце, – писал он там, – в дневниках, стихах, письмах, в том, с чего начинается Марк Щеглов... Духовный писательский рост Щеглова происходил на наших глазах» («Московский комсомолец», 1966, 13 июля). Талантливые статьи и очерки о Марке Щеглове, представляющие его не только как литератур-

ного критика, но и как крупную, яркую и разностороннюю личность, напечатали в газетах, журналах и книгах Игорь Золотусский, Юрий Буртин, Игорь Виноградов, Борис Панкин, Владимир Лакшин ...

Плотина была пробита, лед сломан.

Что же касается Маяковского и некоторых оценок на этот счет, то, между прочим, за них Станислава еще при Сталине чуть не выгнали из университета. Маяковский, по определению вождя, был «лучший, талантливейший поэт советской эпохи». Казалось бы, лучше не придумаешь. Любить одно и то же вместе с вождем. Ан нет! Стасик был до наивности правдолюбив. Всякая литературная ложь его оскорбляла так, будто бы пустили грязную сплетню за спиной про него самого. И он был готов возмущаться и голосить, невзирая на ситуацию и обстановку. Так было в данном случае и с легендами о личной жизни Маяковского, о роли в ней Лили и четы Бриков, о зарубежных любовных похождениях поэта и тому подобных его обычаях и деяниях, от которых трещал канонический мундир создателя «ста томов партийных книжек».

Времена на исходе сталинского правления были погромные. А Стасик однажды самостийно вторгся в публичную устную дискуссию с литературными ортодоксами. Смело и голосисто, по своему обыкновению, старался побороть казенную ложь, показывая свое свободолюбие.

В университет поступил «сигнал», привязали «идеологию». Поведение Лесневского было сочтено антиобщественным, достойным порицания, наказания и недостойным «пребывания»... Грозили не допустить до защиты диплома, настаивали на исключении. Так бы оно, может, и вышло. Но тут переломилась эпоха...

3

Позже, не одно десятилетие спустя, когда каждый из нас давным-давно уже погрузился в вязкий ил собственной налаженной жизни, Стасик не умерил юношеского пыла. Вот я тоже заговорил почти в рифму «ил –

пыл». Мы по-прежнему встречались, что-то затевали, делали вместе. Но он мог, например, ни с того ни с сего на пару дней сигануть куда-нибудь в Хвалынский Саратовской области, чтобы заниматься тамошним музеем Петрова-Водкина, или умчаться в Вологду, чтобы побывать на редком творческом вечере бродячего поэта Николая Рубцова (кстати, общего их кумира с Вадимом Кожинным), или улетучиться в Кострому, чтобы поддержать «штрафного» критика-вольнодумца Игоря Дедкова, отбывавшего там своего рода творческую ссылку. Не говорю уж о Ленинграде (С.-Петербурге), куда мог сорваться на одну только ночь, чтобы побродить вдоль Невы и по блоковским местам. Любимым его поэтом наряду с Маяковским оставался Блок. Вообще поэтическая струна постоянно звучала в нем. Он жил поэзией.

И еще один дар – талант летописца литературно-художественных мест. «Хочешь, поедем с тобой в Хвалынский? Прямо завтра, а?» – говорил он мне. Я отлынивал, о чем теперь бесконечно жалею.

Последняя его книга снова была о Шахматове, о Блоке... Весной 2013 года он позвонил мне в Германию, в город неподалеку от Бремена, где я находился, и попросил навести справку в мекленбургском архиве о предках Блока. Его интересовало, когда именно крестился прадед поэта по немецкой линии Людвиг Блок, женатый на дочери булочника Сусанне Катерине Зиль. Достопочтенный фельдшер герр Людвиг долгие годы мирно практиковал обывателей в маленьком городке Демице на Эльбе, где каждая собака знает всех жителей, и вот почему-то внезапно решил креститься. Зачем, спрашивается, почему? Зато сын его Иоганн Фридрих под новым ласковым именем – Иван Леонтьевич через какое-то время вознесся до звания лейб-хирурга при будущем императоре Павле I. От этого-то Иоганна-Ивана и повела счет русская дворянская фамилия Блоков...

Смысл запроса состоял в том, не был ли далекий предок Людвиг Блок евреем, принявшим христианство. Как сообщил Станислав, о наличии еврейской крови в роду Блоков упоминает Солженицын в книге

«Двести лет вместе». О том же свидетельствуют, как рассказывал Стасик, собранные им самим некоторые биографические факты и бытовые подробности из жизни великого поэта, за что даже некоторые считали его антисемитом. Да и вообще Блок – довольно распространенная еврейская фамилия. Не удастся ли докопаться до истины по церковным записям?

Поддавшись азарту открытия на грани литературной сенсации, я призвал на помощь своего знакомого Габриэля Гавриловича Суперфина из Бременского университета. Габриэль Гаврилович – замечательный архивист, бывший диссидент, чью деятельность высоко оценивал А. Солженицын. Через некоторое время Суперфин передал мне почти исчерпывающие сведения, накопанные по печатным изданиям и архивам, включая ссылки на церковные книги того самого городка Демице. Кое-что я довершил сам. К сожалению, прямых указаний на причины позднего обращения заштатного фельдшера в христианство обнаружить не удалось... Неопределенность мотивов может порождать разногласия толкований. Но во всех случаях факт сам по себе тянет на сюжет для ненаписанной литературоведческой новеллы, которую Стасик, судя по собранным им фактам, наверняка бы написал.

В общем, скажу так. То, что у Станислава казалось некогда постороннему глазу серией чисто импульсивных поступков, интересов и походов, а возможно, даже бессмыслицей рассеянной, чуть не богемной жизни, часто было таковым лишь на первый отчужденный и поверхностный взгляд. В итоге же нередко оборачивалось творческим свойством пчелы – незряшным порханием с цветка на цветок.

Бродячие впечатления откладывались и кристаллизывались и во многих собственных статьях и книгах Станислава, и в его издательской деятельности, когда он в течение почти 15 лет был директором и главным редактором, определяя продукцию «Прогресс-Плеяды». Издательство, небольшое, но оригинальное, обрело собственное лицо и высокую репутацию. Кстати,

Станислав не преминул там выпустить в собственной версии сборник статей Марка Щеглова... Были и долговременные фундаментальные проекты. «Прогресс-Плеяда» издавала собрание сочинений Александра Блока и многие оригинальные по составу книги поэтов Серебряного века от Андрея Белого до Кузмина... А кроме того, замечательный сборник стихов и поэм Николая Заболоцкого, и мемуарную книгу о нашем опальном университетском преподавателе – честнейшем маяковсковеде Викторе Дувакине (опять-таки дань памяти!), и кропотливые разыскания Владимира Радзишевского о последних днях жизни Маяковского, и книги Бориса Романова о философе-духовидце Данииле Андрееве, и тома документальных повестей Виталия Шенталинского, где впервые столь полно и широко использованы уникальные архивы Лубянки о репрессированных писателях...

В издательских гонках то, что иногда со стороны представлялось чуть ли не тщетой, оказывалось впоследствии семенами, брошенными в благодатную почву. Станислав был фигурой романтической. Он верил взлетам и озарениям юности, ее бегу и непредсказуемым открытиям. Красочна в этом смысле история его отношений с Игорем Дедковым.

Игорь, человек обстоятельный и серьезный, принадлежал к числу студенческих бунтарей. Учился он позже нас, но многие его хорошо знали по общей университетской среде.

<...> И как возникают новые книги? Не прошли бесследно для издательства также бывшие неоднократные визиты Станислава в Кострому, к «штрафному» Игорю Дедкову. После безвременной его кончины в издательстве «Прогресс-Плеяда» вышел интереснейший, небывалый по откровенности, увесистый том «Дневников» этого талантливой критика и мыслителя. А Лесневский был удостоен премии в сфере литературоведения и публицистики имени Дедкова за 2012 год.

Приносить больших доходов иные из таких публикаций, самоценных для отечественной культуры,

заведомо не могли. И Стасик этого не только не таил, но и печатно заявлял: «Конечно, мы и одного дня не прожили бы без моральной и материальной поддержки Ирены и Дмитрия Лесневских». И в другой раз: «Издательство было основано моей сестрой Иреной Лесневской и ее сыном Дмитрием Лесневским».

Так вот устроена жизнь, и такие в ней происходят метаморфозы. Младшая сестра, шестилетняя девочка, когда Станислав размашисто шагал уже по лестницам университета, на вершине его творческого пути превратилась для него в надежного опекуна и советчика, в сестру старшую.

К фундаментальным идеям главного редактора относилось, как уже сказано, и утверждение и продвижение того значительного и живого, что оставила после себя советская литература. Многие будущие издательские идеи у Лесневского возникали исподволь и вызревали медленно.

4

В феврале 1992 года отмечалось 100-летие со дня рождения К.А. Федина. Никто его, конечно, туда не гнал, но Станислав во главе группы литературоведов и критиков из Москвы и С.-Петербурга поехал отмечать эту дату на родину писателя, в Саратов. Мне думается, он ехал туда, как ехали некогда бродячие рыцари на боевое ристалище.

Федин в течение многих лет был руководителем Союза писателей СССР. Одним из любимых его прозаиков с молодых лет был норвежский классик Кнут Гамсун, уже стариком в годы немецкой оккупации, запутавшийся в паутине коллаборационизма. И Федин, конечно, не в прямом смысле, а в какой-то отдаленной степени, призрачными намеками, в старости повторил его судьбу.

Выдающемуся художнику принадлежат такие произведения, как романы «Города и годы», «Братья», «Санаторий Арктур», антиколхозная повесть «Трансвааль», предвосхитившая по времени создания известный рассказ А. Платонова «Усомнившийся Макар»,

или мемуарное полотно «Горький среди нас»... Эти и другие явления прозы вызывали восторженные отклики у столь разных людей, как Борис Пастернак, Стефан Цвейг или академик Владимир Вернадский. Творчество Федина высоко оценивали Иван Бунин, Анна Ахматова, Ромен Роллан...

Вместе с тем в последние десятилетия жизни Федин запятнал себя немалым числом приспособленческих поступков и моральных компромиссов в услужении дряхлевшему коммунистическому режиму. В литературной среде поздней хрущевской и брежневской поры за ним неспроста ходили прозвища «чучело орла» и «министр собственной безопасности». Некоторыми из тогдашних деяний он это заслужил. Но дальше, как водится, начало брать верх могучее поветрие моды. Объявились авторы, охочие сбрасывать выдающегося художника, как Разин персиянку, с корабля истории в набежавшую волну. В разгульном поветрии «поминок по советской литературе» тиражировались поверхностные и бездоказательные наскоки и ложные выдумки.

Вязанку хвороста в огонь подбросило чистое совпадение. В декабре 1991 года распался Советский Союз, а через два месяца, в феврале 1992 года, отмечалось 100-летие со дня рождения Федина. Сама жизнь указывала площадку для очередного турнира.

Именно с таким протестным зарядом Станислав отправился на научную конференцию, которую совместно устроили Саратовский университет, пединститут и Музей К.А. Федина. В газетной статье, лирической по тону, однако же с полемическим запалом, он же подвел итоги. «Саратов очень много дает для понимания Константина Федина – писателя и человека, – отмечал С. Лесневский. – От Саратова, от русской провинции – душевная теплота фединской прозы, ее достоверность, убедительность, приверженность традиционным ценностям русской культуры, вся атмосфера этого русского мира, со всеми милыми подробностями. С вечными исканиями, со всеми простыми и высокими человече-

скими драмами, отсюда фединские героини, такие, как Анечка Парабукина, Лиза, сохраняющие трогательное родство с тургеневскими женщинами...»

Лесневский против попыток в угоду политической конъюнктуре принизить значение художника. «Гуманистический, объединяющий пафос вообще был характерен для Федина – продолжает он, – и этот пафос – в современном преломлении – стал ведущим на саратовской конференции. Но тут не было ни “хрестоматийного глянца”, ни торжествующей банальности, ни гримировки под благополучного, утвержденного “классика”. Впрочем, сегодняшние статьи о Константине Федине далеки от благостности. “Писатель советского прошлого” – уже в заголовке приговаривает М. Чудакова, жестко выстраивая всю свою статью в “Литературной газете” под это определение, не подлежащее обжалованию, иногда вскользь отмечая, что Федин все-таки умел писать» (Лесневский С. «Найти свой лад...». К 100-летию со дня рождения К.А. Федина // Книжное обозрение, 1992, 17 апреля).

Много лет спустя Станислав первым заговорил со мной о необходимости написать правдивую, уже в свете нового исторического опыта и отшумевших литературных боев, биографическую книгу о Федине. Дабы без прикрас представить его достоинства, беды и злоключения. Это, по его словам, мог бы сделать я. Он читал некоторые из писем Федина ко мне и его отзывы о моих книгах (часть представлена в томе писем 12-томного Собрания сочинений Конст. Федина. М., 1982–1986). Знал историю долгодетних наших отношений, мое глубоко благодарное и нараставшее с годами критическое отношение к своему литературному наставнику.

В этом отношении я разделял позицию Юрия Трифонова, самого жизненно зоркого, пожалуй, из учеников Федина. Кабинетный человек, рожденный для письменного стола, увлеченный ценностями культуры, а вынужденный заниматься политикой и администрированием, – таким под фамилией профессора Киянова он вывел его в романе «Время и место» (1981). Отсюда

у персонажа проистекают страх перед жизнью, мало-душие и компромиссы ради личного покоя и самоспасения.

Мысль Стасика отвечала тому, чего я хотел сам. Тем более что в серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия» в 1986 году у меня выходила биографическая книга «Федин». Но с ней я пережил пятилетние мытарства, в течение которых в духе махровых советских времен из рукописи изымалось и вырезалось все, что могло бросить тень на советского классика и безотказного помощника партии. Пять лет я сопротивлялся как мог. Но даже и в изуродованном виде книга вышла только потому, что началась «перестройка». Печальную эту предысторию Стасик наблюдал собственными глазами.

«Уроки с репетитором, или Министр собственной безопасности» – такое название получила задуманная книга. Станислав по собственной инициативе читал все варианты рукописи. Было много увлеченных и интересных разговоров, таких, что понадобилось заново окунуться в документальные источники. Захотелось дособрать материалы о любви всей жизни Федина к немке Ханни Мрва, о его личных отношениях с Бунинным, Твардовским или Соколовым-Микитовым, о готовившемся Берией и Сталиным показательном суде над писателями конца 1944 года, где одним из «преступной» четверки предстояло сесть на скамью подсудимых Федину, о его печальной роли в истории с присуждением Пастернаку Нобелевской премии и т. д.

Станислав при встречах протягивал мне то одну книгу, то другую. Даже присылал по электронной почте сообщения о выходе новых изданий Федина, которого стали редко печатать, прислал и эти свои статьи, которые я выше цитировал. Свой окончательный текст я отправил в начале ноября 2013 года. Стасик намечал выпустить книгу на следующий год и поэтому торопил. Вскоре он прочитал рукопись и высказал некоторые дополнительные замечания и пожелания. Все это он делал, будучи уже больным. Но, находясь в Германии, о серьезности положения я не имел понятия.

Я быстро сделал исправления и, разогнавшись, помимо сокращений и вставок, написал даже три новые главы. Отправил в издательство раздел «Библиография». 12 января, в воскресенье, я позвонил ему домой. На этот раз Стасик говорил со мной каким-то необычным, слабым, не своим голосом, что впервые болезненно меня резануло. Однако речь оставалась четкой и логичной во всем, что касалось деловой стороны. Жаловался только, как тяжело для него проходят процедуры откачивания жидкости из легких. Я несколько раз порывался закончить разговор, но Стасик не отпускал. Он слушал и как бы издали отзывался, давал советы. Так мы проговорили минут сорок пять.

А позже я узнал, что в следующие дни он уже не мог говорить. Вернее, думал, что произносит слова, а из горла вырывались лишь хрипы.

Через шесть дней он умер. Таким трудягой и энтузиастом был этот, казалось, порхающий и беспечный человек.

Его издательство называлось «Прогресс-Плеяда». Прогресс всегда подразумевает поиск новых путей. Чтобы голова мыслила, ноги должны много ходить. Лесневский был путепроходцем. Движение было девизом и заводной пружиной этого деятельного человека. Спасибо, Стасик, что ты был таким!

И еще одно предложение напоследок. Кто-то в эти траурные дни, когда его не стало, хорошо и верно сказал, что издатель за эти 15 лет по-настоящему не успел издать самого себя. Эту оплошность хорошо бы исправить. Отобрать лучшее из напечатанного и из личного архива Станислава Лесневского и выпустить хотя бы небольшое собрание сочинений, в двух-трех томах, этого неумолимого путепроходца, крупного литературоведа и критика.

В старой «Юности» ...

Станислав Лесневский всегда был серьезным литературным критиком. Уже давным-давно, в прошлом веке, когда он заведовал отделом критики в журнале «Юность», он удивлял широтой своих интересов и очень часто необычной точкой зрения на то или иное литературное явление.

Он, между прочим, писал стихи и не скрывал этого, что было уже большой редкостью для человека, занимающегося критическим трудом.

Но по свойству моей памяти мне запомнилась непосредственность Стасика, как все мы называли его, возможно, сказавшаяся и на его литературной работе.

В той, старой «Юности» была традиция: мы постоянно устраивали какие-то не совсем обычные встречи и вечеринки. Помню, одна из этих вечеринок должна была называться «Бал голодранцев». Предполагалось, что присутствующие на ней будут соответственно одеты и общаться друг с другом будут на языке, присущем этой категории граждан. Как часто бывает, никто всерьез к этим требованиям не отнесся. Все были одеты как обычно и разговаривали, используя принятую в тогдашних интеллигентных кругах лексику. Кроме Стасика. Он с энтузиазмом воспринял идею вечеринки.

На нем был черный ватник с драными локтями, и если был среди участников встречи настоящий по виду голодранец, то это, несомненно, был заведующий одним из важнейших отделов самого популярного журнала страны. Но внешне соответствовать событию – этого было мало для Стасика. Он знал, как примерно должны разговаривать предполагаемые персонажи. Но об этом совершенно забыли руководители журнала, занятые в уютном уголке нашего конференц-зала обсуждением очередного редакционного хулиганства. Видели бы вы изумление, которое было написано на лицах наших вождей, когда Стасик, только что не приобняв замасленным рукавом главного редактора, пристал к нему с каким-то советом, начинающимся со слов: «Слышь, ты, Полевой, ты бы...»

Непосредственность Стасика не всегда была такой безобидной. Во время травли Солженицына, чуть ли не после его высылки, случилась совсем уж неожиданная история. На каком-то очередном редакционном торжестве, где все говорили о журнальной борьбе и о планах «Юности» в связи с этой борьбой, где произносились совершенно искренние и благородные тосты во славу родной словесности, Лесневский взял слово и произнес короткую и совершенно в тех обстоятельствах невысказанную фразу:

– Давайте выпьем за великого писателя земли русской Александра Солженицына!

Все обомлели. Нынешнему читателю трудно представить себе, что в тех условиях означало это предложение. Пресса страны единодушно осуждала «изменника и предателя», официальные борзописцы соревновались в том, кто ловчее образует какую-нибудь позорную кличку, пародирующую настоящую фамилию писателя, «левые» (а тогда левыми считались именно оппозиционные газеты и журналы) угрюмо молчали, и тут вдруг такое! Старики растерянно молчали. Молодые с энтузиазмом подхватили тост...

Конечно, история эта не могла не иметь последствий. Однако надо отдать справедливость нашему на-

чальству. Это были добрые и честные люди. Все ограничилось партийным взысканием.

У Станислава Лесневского всегда было множество планов. То, что возглавляемое им издательство решило выпускать стихи поэтов, отобранные самими авторами, — очень типичный для этого критика случай. Сто лучших стихотворений поэта, лучших по его собственному мнению, а не по мнению критики. Уж кто-кто, а Лесневский понимал, как важно, чтобы никто не мешал автору сказать все, что он хочет.

Вспоминая Стасика

Память не удержала дня, когда мы с ним познакомились. Как будто были знакомы всегда, и всегда ощущали себя близкими, хотя и величали друг друга на «вы» (но я его Стасиком). Возможно, что я его заметил впервые на одном из необычных столкновений мнений в тогдашнем Доме литераторов еще в совсем бессобытийное время. Друг за другом выступали тогда еще молодые исследователи из ИМЛИ, спорили о Маяковском и обо всей истории нашей поэзии 20-х годов. Стасик был полон подкупающей любви к поэзии. Этим он отличался от литературоведов. Они литературой ведали. Он к ней был равнодушен. Он создал издательство, посвященное любимой им поэзии и поэтам. Сделанное и написанное им о Блоке останется и как память о нем и его преданности поэту и Шахматову как месту, навсегда с поэтом связавшемуся. Стасик понимал, как много значил Блок для всей той последующей поэзии, которая всех нас возвращала в мир сохраняющихся непреходящих символов.

Теперь предлагают не печалиться и вспомнить смешное. Я припоминаю, что меня тогда позабавило. От веры в мои способности он их сильно преувеличивал. Это касалось не только моих сочинений о поэзии, к которым (особенно к тому, что я писал о Мандельштаме)

он относился с бóльшим вниманием, чем я сам. В разгар волнений в пору горбачевских перемен, после какого-то из горячих обсуждений на съезде, куда меня (вместе с Аверинцевым и Сахаровым) выбрали от миллиона сотрудников институтов Российской академии наук «народным депутатом» по оппозиционному списку, я приехал на один из всех волновавших вечеров памяти погибших писателей в Дом литераторов. Там, не уходя во время перерыва со сцены, продолжали говорить со Стасиком о происходящем. Нас обоих, да и всех кругом, беспокоил застопорившийся ход реформ. Отчетливо помню, как Стасик обращается ко мне: «Вам пора выводить народ на улицы». Он имел в виду, конечно, не меня одного. Забавно было не намерение снова организовать митинг. Мне показалась смешной уверенность Стасика в том, что мне удастся это сделать. В его воображении я был народным трибуном. А я и в те годы оставался обычным кабинетным ученым. Его вера в идеальное преображала и мир вокруг и делала каждого из нас куда значительнее того, что происходило на самом деле.

Кроме случайной болтовни при встречах нас связывали заказы, которые Стасик мне иногда делал от имени издательства. Как издатель он парадоксальным образом был на стороне автора и скорее защищал его от иногда на него заседавших других редакторов издания. Сам Стасик был удивительно неназойливый редактор. Не помню ни одного случая, чтобы мне не пришлось с ним согласиться. Мы говорили о моей статье к собранию Мандельштама, о моем участии со статьей о Гейне в России в книге Копелева. К сожалению, некоторые из его замыслов так и не успели воплотиться. Он подумывал о моей книге, где хотел бы собрать все написанное мной о поэтах Серебряного века и того времени, которое следовало за этим. Мы торопились. Успевали кое-что сделать вместе, но на все не хватало времени. Об этом стоит огорчиться. И снова запоздало поблагодарить Стасика за все то, что – часто вопреки окружавшему нас – он все-таки сумел и успел сделать.

Возвышенный корабль

В семинар по Маяковскому к Виктору Дмитриевичу Дувакину на филфаке МГУ я попал через десять лет после Стасика. Сам он в это время уже готовил в «Советском писателе» сборник работ нашего общего учителя, озаглавленный строчкой Маяковского: «Радость, мастером кованная». Ни Стасика, ни Виктора Дмитриевича я не спрашивал, кто был инициатором этого издания, в чем заключалась редаKTура. Но, зная Стасика, догадывался, что именно ему пришло в голову собрать статьи Дувакина, что именно он, Стасик, уговорил Виктора Дмитриевича, что книга получится, не уставал тормозить его, наседаЛ, торопил, помогал. А может, и заголовок выбрал.

У Виктора Дмитриевича в Тружениковом переулке Стасик был своим человеком. И однажды, когда не смог прийти на день рождения хозяина, прислал поздравительную открытку с перечнем юбилейных предложений. И первым пунктом стояло: «Не переименовывать Тружеников переулок в переулок Дувакина, потому что мы и так: говорим – Дувакин, а подразумеваем – труженик из тружеников».

Всякий раз, когда речь заходила о Стасике, Виктор Дмитриевич не мог отказать себе в удовольствии на-

помнить, что тот еще студентом на собрании свистнул Алексею Суркову, а вдобавок как заклинание повторял, что именно он должен стать директором Музея Маяковского. Выглядело все так, будто для Стасика давно приготовлен высокий кабинет, а он просто не спешит его занять.

Стасик знал об этих домашних планах и только добродушно посмеивался, отлично понимая, что подобные должности раздают не в Тружениковом переулке, а на Старой площади. История же со свистом началась издалека.

Фадеев пообещал Виктору Осиповичу Перцову Сталинскую премию за книгу о Маяковском. Ходили слухи, что у Перцова Фадеев был в личном неоплатном долгу. И он действительно вписал в список кандидатов на премию своего протеже. Но Сталин книгу Перцова вычеркнул. А когда Фадеев встрепенулся: почему? – ответил уклончиво:

– Есть разные мнения.

– Но это мнения людей, с которыми мы не можем согласиться политически, принципиально, – попробовал возразить Фадеев.

– А вы соберитесь и по дискутируйте с ними, – предложил Сталин.

И дискуссия о Маяковском по высочайшему заказу стала неизбежной.

Председательствовал как раз Алексей Сурков. При жизни Маяковского он вместе со своими товарищами по РАППу на Маяковского зло нападал да и после смерти не жаловал. Искавшим у него поддержки энтузиастам из молодежной бригады, пропагандировавшей Маяковского, сказал как отрезал:

– Хорошие вы ребята. Но ваш герой – не моего романа.

Конечно, после слов Сталина о том, что даже «безразличие» к Маяковскому – «преступление», Сурков полюбил «лучшего, талантливейшего» намертво и теперь начал беспощадно клеймить всех, кто, по его меркам, до такой любви не дотягивал.

И на дискуссии задетый Сурковым Семен Трегуб решил его срезать. Одну за другой он стал приводить издевательские цитаты из рапповских статей о Маяковском. Но Сурков тоже был не лыком шит. Выждав, чтобы Трегуб назвал расстрелянного Леопольда Авербаха, он выкрикнул:

– Я лишаю вас слова! Вы цитируете врагов народа!

Стоило Трегубу промедлить – и он бы погиб. Но он мгновенно выпалил в ответ:

– Цитирую лишь затем, чтобы подтвердить правоту того, кто мудро провозгласил, что «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи»!

Как полагалось, слова Сталина потонули в бурных несмолкаемых аплодисментах, и эти аплодисменты спасли Трегуба.

Вот в какой истерической обстановке Стасик, студент-дипломник, рисковавший не меньше, чем Трегуб, не удержался и с балкона Дубового зала Дома литераторов свистнул злобному перевертышу.

Несколько раз я спрашивал Стасика, как это было, но он почему-то смущался и отсылал к объективным свидетелям, с которыми у меня, увы, не было никаких отношений. Да и легкомысленная беспечность не покидала: куда спешить, еще успеется...

А легкую эксцентричность и даже некоторый анархизм Стасик воспринимал как должное. Однажды, возвращаясь к себе на работу из столовой, я увидел в открытое окно, что он в одиночестве сидит у нас в комнате и просматривает газету. И, чтобы удивить его, я через окно запрыгнул в комнату с улицы. Во взрослой жизни на такой трюк я решился единственный раз. Но реакция Стасика меня поразила: это было отсутствие всякой реакции, как будто ничего нет естественнее, чем прыгать в окна.

От Маяковского Стасик ушел к Асееву, чтобы писать диссертацию. Почему ушел, можно предположить. Во-первых, это очень близко: верный друг, очевидный продолжатель. Во-вторых – он живой, действующий,

лично доступный. А оказалось – никакой. Ни строчки асеевской от Стасика не помню, и о самом Асееве, во всяком случае, при мне он не заикался. Но со страстью говорил о Межирове, о Владимире Соколове, о Солоухине, о Павле Антокольском... И, конечно, о Блоке!

Но, по-видимому, отчуждение было еще глубже. Проверя себя, Стасик спросил Ахматову, что она думает о Маяковском.

– До революции – Лермонтов, после революции – плакат.

– А об Асееве?

– Я о нем слышала только плохое.

И вот дореволюционного Маяковского Стасик в своем издательстве выпустил, а советского нет. И Асеева обошел напрочь.

Может быть, спрашивая Ахматову, Стасик надеялся, что ее ответ защитит Асеева от обвинений в убийственном безразличии к судьбе Цветаевой. Но Ахматова за Асеева не вступилась. И приговор Ариадны Эфрон остался в силе:

«Для меня Асеев – не поэт, не человек, не враг, не предатель – он убийца, а *это* убийство – похуже Дантесова».

О таком Асееве, по-моему, Стасик не мог не только писать, но и думать. Тем более после того, как ему наконец во всей магической красоте и силе открылся Александр Блок.

Когда Виктор Дмитриевич умер, мы со Стасиком поехали в морг. Встретились на трамвайной остановке и долго шли по узкой асфальтной дорожке между редкими деревьями, ориентируясь на больничные корпуса. Припекало солнце. Шофер ритуального автобуса заглянул в накладную и спросил, подменив букву:

– Вы от Дуванина?

Раньше я не слышал такой фамилии или не обращал на нее внимания. Но, однажды услышав, уже не пропускал. И оказалось, что Дуваниных много, а Дуваниных – как пальцев на руке: сам Виктор Дмитриевич, его жена и дочери...

У церкви Ильи Обыденного, где отпевали покойного, в тени от стены стояла одинокая синяя коляска. Младшему внуку Виктора Дмитриевича только-только исполнился месяц. Теперь он продолжает последнее дело деда – отстраивает фонд коллективных устных воспоминаний.

На Преображенском кладбище Стасик первым произнес главные прощальные слова. Он умел без натуги соединять в речи полноту характеристик и живое чувство. Только и он был связан очевидным запретом на прямой разговор о жестокой расправе с Виктором Дмитриевичем: руками коллег его изгнали с филфака после выступления на суде в защиту Андрея Синявского. Я понимал, что Андрея Донатовича, гордость Виктора Дмитриевича, его первого ученика, хотя бы намеком, но нужно упомянуть. После лагеря он эмигрировал, жил в Париже, преподавал в Сорбонне. Но до Виктора Дмитриевича доходили его книги, он давал их читать с наивным бесстрашием и вел с Андрюшей непрерывный внутренний диалог.

И я сказал только, что Виктор Дмитриевич любил своих учеников, помнил их, был им благодарен, говорил: Андрюша, Стасик, повторял: Мариночка, Валя...

Небо не обрушилось. А незнакомая мне пожилая женщина, для которой мы со Стасиком были одним поколением, подошла сказать, что завидует смелости нынешней молодежи. Хотя и молодыми, к сожалению, мы были тогда лишь в ее представлении.

Тут же мы договорились, что я напишу некролог, а Стасик попробует его напечатать. Проглядев текст, он живо нафантазировал дюжину подписей.

– Ну что же, начнем обзванивать? – сказал я.

– Зачем? Некролог подписывают, не спрашивая, – с высоты своего опыта возразил Стасик.

Такое я слышал впервые.

– Допустим, – говорю, – Плятт возражать не будет: он знал Дувакина со школы, Шкловский, пожалуй, тоже: Виктор Дмитриевич записывал его многочасовые воспоминания. А Вадим Кожин?

Стасик набрал номер, спросил Диму. И Кожинов свою подпись оставил. Правда, уточнил, что увлечение Маяковским – для него в прошлом. Кстати сказать, через семнадцать лет он и на вечере Дувакина в Литмузее выступал. А вечер вел, конечно, Стасик.

К столетию Дувакина, в 2009 году, Стасик выпустил в «Прогресс-Плеяде» книгу, посвященную Виктору Дмитриевичу. Долго выбирали название. Наконец Стасик сказал: «Возвышенный корабль».

У Маяковского это Нотр-Дам:

Прошедшего
 возвышенный корабль,
о время зацепившийся
 и севший на мель.

Стасик время от времени тоже как на мель садился, тогда сдвинуть его не было никакой возможности. Так и в этом случае. Почему корабль? При чем здесь Нотр-Дам?

Единственное для меня объяснение: Стасик считал, что Виктору Дмитриевичу это название понравилось бы. Точнее: Стасик догадывался, что Виктору Дмитриевичу оно понравится.

А мне и догадываться не нужно: я беру это название, зная, что его выбрал сам Стасик.

На поминках по Стасику я услышал стихотворную строчку его сочинения:

Любите негров, девушки Оки.

Не сомневаюсь, что таким негром, не только любящим, но и любимым, больше всего он хотел быть сам.

Давным-давно в старом Музее Маяковского на Таганке была объявлена очередная гастрольная лекция Стасика. Дружеское чаепитие в «синей» комнате у экскурсоводов прервалось суматошной репликой:

– Пора! Народ сбежался.

До зала всего несколько шагов через вестибюль. Наташа, трепещущая молоденькая зрительница, пропускающая Стасика, отступила к стене. Но он на ходу

жестом завоевателя резво положил ей ладони на плечи и отчеканил:

– Без меня не уходить.

И прежде чем она пришла в себя, он уже сосредоточенно рассказывал публике о поэтах, погибших на войне.

В издательстве «Детская литература» в Малом Черкасском переулке Стасик обговаривает с заведующей редакцией, бывшей своей однокурсницей, идею книги о блоковском Подмосковье.

– А что там осталось от Блока? – спрашивает она.

– Аня, – оживляется Стасик, – поедем за город. Я покажу тебе камень, который растет.

Рудик Дуганов, которому я передал эту формулу обольщения, понимающе ухмыльнулся:

– Стасик есть Стасик.

Кстати, после смерти Рудольфа Стасик издал книгу его статей о Хлебникове и русской литературе.

А растущий камень – это знаменитый ныне блоковский валун. Вросший в землю, он веками дождался своего часа возле деревни Осинки по дороге из Тараканова в Шахматово. Посулив безотказное на Руси вознаграждение, Стасик подвиг местных мужиков подкопать неподъемную глыбу, затем уломал лихого крановщика оттащить ее на поляну перед бывшей блоковской усадьбой. И четверть столетия этот дикий обломок древности оставался единственной метой будущего мемориала.

Вокруг Стасикова камня ежегодно, в августе, в день памяти Блока, стали собираться почитатели поэта. Сам Стасик в завершение каждой встречи залезал на макушку валуна, чтобы почитать стихи. И уже в августе 1975 года Евгений Евтушенко здесь подытожил:

– В России только два места, где можно говорить свободно: могила Есенина на Ваганьковском кладбище и эта поляна в Шахматове.

...Последний раз я видел Стасика в конце ноября на книжной выставке Non fiction в Доме художника. Выступая на презентации антологии Евтушенко

«Десять веков русской поэзии», он для зачина прочитал наизусть стихи Пушкина, одушевленные памятью о Дельвиге:

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую...

После презентации я проводил Стасика на стенд «Прогресс-Плеяды». Между делом спросил, не осталось ли случайно в издательских закромах лишнего билетика на завтра. Стасик обернулся к своей помощнице Тане. «Последний отдали», – сказала она. Тогда он вынул из внутреннего кармана пиджака свой биджик и протянул мне. Какая-то разъяренная очередная пассия хватала его за руку, чтобы помешать безрассудству. Да и я отказывался, но против безоглядной Стасиковой щедрости устоять не сумел.

Уходили мы вместе. День заканчивался, залы пустели на глазах. Стасик шел медленно, опираясь на палку с тремя ножками на конце. Но, увидев возле прилавка «Нового литературного обозрения» замешкавшуюся Ирину Прохорову, еще и приостановился:

– Вы, как всегда, главное событие этой выставки, – разулыбавшись, сказал он под диктовку своей польской крови.

Ирина Дмитриевна воркующим смешком прошелестела в ответ. И мы со Стасиком двинулись дальше, к выходу.

Жизни в нем оставалось на полтора месяца.

Рыцарь Серебряного века

В Крещенский сочельник 2014 года не стало Станислава Лесневского, удивительно яркого человека, литературоведа, публициста, критика, издателя, друга и автора нашего журнала. Ему шел 84-й год.

Совсем недавно, 28 ноября 2013 года, мы выступали со Станиславом Стефановичем в Москве, на Спиридоновке, у памятника Александру Блоку в день рождения поэта. Как всегда, он говорил страстно, прекрасно читал стихи любимого поэта, вспоминал, как на открытии этого памятника, выполненного скульптором О. Комовым, тогда говорили о любви к Блоку поэты и писатели, среди которых – Б. Ахмадулина и В. Соколов. Их нет уже с нами. Не стало этими днями и Станислава Лесневского. Поверить в это трудно. Да, в последние годы он немало болел, но всегда был бодр, деятелен, полон планов и замыслов. За несколько дней до его рокового часа мы говорили с ним по телефону. Голос Стасика был слаб, буквально шелестел, но тем не менее он приглашал меня на очередной вечер его издательства «Прогресс-Плеяда», говорил о готовом томе «Летопись жизни и творчества Осипа Мандельштама», который вот-вот должен появиться в свет.

В русской культуре возвышаются пики, на которых растянулось полотно жизни выпускника филфака

МГУ Станислава Стефановича Лесневского. Более сорока лет тому назад он, литературовед и критик, влюбленный в творчество Александра Блока, побывал в благоуханной глуши уничтоженного в первые послереволюционные годы дедовского имения поэта Шахматова, где Блок провел многие и лучшие лета своей жизни, написал великие стихи, провидческую публицистику, где он постигал Россию деревенскую, полевую, холмистую, окруженную дебрями и лесами. И тогда же С. Лесневский поставил своей целью возродить усадьбу, восстановить шахматовский дом, чей фундамент было трудно даже разыскать в разросшемся разнолесье. Времена были глухие. Понадобилась вся энергия созидания, целеустремленность и уверенность в правоте своего дела, чтобы преодолеть вал инерции, равнодушия и невежества, которые препятствовали восстановлению Шахматова. С. Лесневский с друзьями-экскурсоводами организовал паломничество в блоковское Подмосковье. Это были вдохновенные путешествия, исполненные поэзии, любви, глубокого знания жизни и творчества Блока, которые передавал паломникам в блоковских местах С.С. Лесневский. В этих удивительных бескрайних далях, богатырских, в темных еловых лесах холмах, светлых болотцах, поросших любимыми Блоком купальницами, мокрых глиняных отвалах осенних дорог – истоки его великой поэзии, рождавшейся на этой земле. Лесневский блестяще доказывал своим спутникам и слушателям верность слов Андрея Белого, называвшего окрестности Шахматова «стенами рабочего кабинета Блока».

А как он читал любимые стихи! Он как бы погружался в стихию поэзии, вдохновлялся ею. И удивительно звучали в его устах строки, в которых оживали шахматовские окрестности, возникала глубинная Россия.

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Более четырех десятилетий тому назад С.С. Лесневский сумел организовать в Шахматове первые блоковские поэтические праздники. Дату выбрали в конце лета, в первое воскресенье августа, приурочив ее к дням памяти А. Блока. Только благодаря С. Лесневскому, его умению убеждать, увлекать, влюблять и объяснять, в том числе и власть имущим, блоковские дни поэзии на «возлюбленной поляне», у холма, на котором когда-то высился дом поэта, стали в один ряд с пушкинскими, лермонтовскими, некрасовскими поэтическими праздниками. Станислав Стефанович сумел открыть блоковское Шахматово для К. Симонова, М. Шагинян, П. Антокольского, Л. Либединской, Е. Евтушенко, для поэтов, художников, ученых, студентов и многих любителей поэзии. Именно рожденные Лесневским блоковские праздники поэзии стали предвестником и фундаментом возрождения Шахматова. В самом деле, что это за праздник, собирающий тысячи людей на развалинах? Постановление о восстановлении усадьбы поэта было принято Советом министров после того, как С.С. Лесневский сумел организовать и передать руководству государства письмо о необходимости вернуть жизнь Шахматову, подписанное десятью лауреатами Ленинской премии.

Прошло еще около тридцати лет, и восстановленное Шахматово, замечательный музей-заповедник А.А. Блока, дом поэта, его соловьиный сад, усадебные постройки приняли первых посетителей. Отцом-основателем этого чуда мы по праву считаем С.С. Лесневского. Он всегда стремился к тому, чтобы за музейной обыденной жизнью не исчезла романтика и поэзия блоковского Подмосковья, чтобы заповедник как зеницу ока берег виды и дали, воспетые поэтом, который так хорошо знал эти окрестности, что мог свободно ночью или с закрытыми глазами пройти по ним. В этом своему герою мог следовать и С. Лесневский.

Вечер, посвященный «Дому Поэтов»

ЦДЛ. Декабрь 1986

В.П. Енишерлов, С.С. Лесневский, Л.Н. Гумилев,

В.А. Солоухин

Он много и интересно писал о Блоке, человеке и художнике, о Шахматове, умея искусно сопрячь жизнь и творчество поэта, что придавало его книгам особый интерес и глубину, порой и полемичность. Достаточно вспомнить его книги «Завещанное заветное», «Путь, открытый взорам. Московская земля в жизни Александра Блока», «Русская даль. Шахматово». Особо следует сказать о публикациях С. Лесневского неизвестных и не печатавшихся ранее материалов о Блоке и его семье – Бекетовых. Среди них, конечно, выделяется напечатанная в блоковском томе «Литнаследства» работа М.А. Бекетовой «Шахматово. Семейная хроника» – основополагающий труд об усадебной жизни поэта.

В последние перестроечные годы не терпящий конъюнктуры Лесневский, поработав немного в модном тогда «Огоньке» и вдрызг разругавшись с его главным редактором сверхосторожным В. Коротичем, основал небольшое издательство «Прогресс-Плеяда», превратившееся со временем в лучшее в России из-

дательство интеллектуальной литературы. Создавая «Прогресс-Плеяду», С. Лесневский, конечно, вспоминал петроградское издательство «Алконост», которое его основатель С.М. Алянский предназначал для издания книг Александра Блока и близких ему поэтов, в основном символистов. И Лесневский начал с А. Блока. Можно вспомнить, например, факсимильное издание «Стихов о Прекрасной Даме» – этого первого блоковского сборника стихов-молитв, обращенных к его невесте – Л.Д. Менделеевой, давно ставшего библиографическим раритетом. После его переиздания в «Прогресс-Плеяде» в почти аутентичном виде он стал доступен библиофилам. И это лишь один пример необычных изданий «Прогресс-Плеяды». С. Лесневский часто сопровождал издаваемые им книги своими статьями и комментариями, демонстрируя высочайший класс литературоведения. Произведения Александра Блока издавались Лесневским в неожиданном и очень интересном составе. Например, трехтомник поэта был издан «Прогресс-Плеядой» таким образом, что все стихи были расположены в хронологическом порядке их написания – и это придало новое прочтение блоковской «трилогии вочеловечения». Конечно, не случайно С.С. Лесневский, вместе с академиком А.В. Лавровым из Пушкинского Дома РАН, первыми были удостоены премии им. Александра Блока журнала «Наше наследие» за издание переписки Андрея Белого и Александра Блока. Выдающимся событием в блоковедении и российской историографии, безусловно, можно считать огромный том труда А. Блока «Последние дни императорской власти», дополненный большим количеством хранившихся в архивах и никем доселе не востребованных материалов. Достоверно, что С.С. Лесневский не издал в «Прогресс-Плеяде» ни одной конъюнктурной, проходной, «непитательной» (по выражению А. Блока) книги. И это издательское чудо жило в наш дикий, «рыночный», насквозь политизированный век-перевертыш! И еще одно достоинство книг, изданных С. Лесневским в «Прогресс-Плеяде», – они напечатаны с

большим вкусом, скромно, достойно, без так любимой нашими «королями экономики» и авторитетными политиками всех лагерей мещанской роскоши, золотых обрезов, помпезных инкрустаций, телячьих кож и т. п.

Руководимое Лесневским издательство «Прогресс-Плеяда», мне кажется, единственное, которое достойно и постоянно поддерживало «искусство книги», неумолимо уходящее в небытие. В политике издательства на самом высоком уровне слились содержание и форма. Лишь короткий, далеко не полный перечень авторов, которых издавал Лесневский, находя новые воплощения и толкования их текстов, заслуживает уважения: Андрей Белый, Н. Клюев, В. Маяковский, В. Хлебников, Г. Иванов, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Розанов, Ф. Сологуб, М. Горький... В его издательстве печатались и книги пушкинской поры – «Медный Всадник» с великолепными иллюстрациями А. Бенуа, «Россети черноокая» об А.О. Смирновой-Россет, и произведения наших недавних предшественников и современников – Н. Заболоцкого, В. Некрасова, В. Белова, Е. Евтушенко, И. Дедкова, В. Шенталинского, Ю. Галаниной о Л.Д. Блок, мемуары великого библиотекаря М.И. Рудомино, этюды и разыскания А.В. Лаврова. Перечислять можно еще долго. И во все эти издания С.С. Лесневский вкладывал свою душу, интеллект, энергию.

Мы прощаемся в эти дни со Станиславом Стефановичем Лесневским, замечательным человеком – страстным, талантливым, честным, верным другом и товарищем. Постепенно уходят последние энтузиасты-просветители, и остается интеллектуальная и духовная пустыня. В пучину времени погружается Атлантида русской культуры. Будем надеяться, что о наших несчастных временах когда-нибудь будут судить все же не по оголтелой политиканской журналистике, дурным фальшивым кинофильмам, телепрограммам и так называемому «актуальному» изобразительному искусству, а по таким делам, которые вершил С.С. Лесневский, восстанавливая Шахматово, издавая настоящие

книги, публикуя собственные работы о русской литературе XIX–XX веков. Мы потеряли истинного рыцаря Серебряного века, Бертрана русской культуры. Закончу это слово о Станиславе Лесневском ранним стихотворением Александра Блока:

НЕВЕДОМОМУ БОГУ

Не ты ли душу оживишь?
Не ты ли ей откроешь тайны?
Не ты ли песни окрылишь,
Что так безумны, так случайны?

О, верь! Я жизнь тебе отдам,
Когда несчастному поэту
Откроешь двери в новый храм,
Укажешь путь из мрака к свету!

Не ты ли в дальнюю страну,
В страну неведомую ныне,
Введешь меня — я вдаль взгляну
И вскрикну: «Бог! Конец пустыне!»

Других таких на свете нет

С давних времен люди руководствовались благородной латинской мудростью: «*De mortuis aut bene aut nihil*» (О мертвых или хорошо, или ничего). В наше время об ушедших нередко говорят разное, пользуясь неблагородной возможностью: «Живая собака может лаять на мертвого льва». Вспоминая Станислава Лесневского, милого чудесного Стасика, я уверена, все будут говорить о нем только хорошее. Когда я попросила своего сына вспомнить главное о Станиславе Стефановиче (Юра знал его с детства), он произнес, как сейчас выражаются, ключевую фразу: «Он всегда относился ко мне по-доброму». Думаю, он ко всем относился по-доброму, внимательно и заботливо, и не только к людям.

Ярко, как кадр любимого кино, вспыхивает сцена первого знакомства. Лето, Малеевка прекрасная, мы с мамой сидим на старинном полукруглом балконе с колоннами, а по аллее к нам направляется интересная тройца – Владимир Соколов, а рядом с ним симпатичный человек с большой рыжей собакой – это Станислав Лесневский и его любимый пес по имени Лис. На маме красивое лиловое платье, а Лис, ласкаясь, своим роскошным хвостом оставляет на нем пушистые узоры. Стасик волнуется: «Он испачкал ваше красивое пла-

ть!»). Мама улыбается, она любит собак и уже подружилась с Лисом. Почувствовав это, Станислав рассказывает нам, что у него проблема – ему необходимо на неделю уехать из Дома творчества и не с кем оставить собаку. Мы с полуслова поняли ситуацию и пообещали ежедневно ходить в деревню, где он пристроил своего пышнохвостого друга, и кормить его.

Вспоминаются и другие ситуации, в которых проявлялась доброта и заботливость Станислава. Когда я овдовела, он стал председателем комиссии по литературному наследию Владимира Соколова, активно, с душой участвовал в моей работе по организации Соколовских чтений, сердцем чувствовал, что заботиться о вдове, помогать ей – святое дело.

Одной из важнейших забот его жизни была судьба блоковского Шахматова. Об этом знают все, и этот его подвиг навсегда останется в литературных анналах. Лесневский проделал поистине подвижническую работу по возрождению блоковской усадьбы, музея, фонда.

Однажды он зашел в мой кабинет в Доме-музее Чехова в тот момент, когда я разъясняла молодому иностранному исследователю Чехова фразу из статьи Антона Павловича «Памяти Пржевальского» – «В наше большое время, когда европейскими обществами обужали лень, скука жизни и неверие, подвижники нужны как солнце». Меня осенило, и я воскликнула: «Вот перед Вами современный подвижник!» – и стала рассказывать про Лесневского. С тех пор при встречах или по телефону я стала приветствовать Стасика сакраментальной фразой: «Подвижники нужны как солнце!»

Дружба с Соколовым. Это тема отдельная. Лесневский был замечательным знатоком и ценителем поэзии. Поэзию Владимира Соколова он ценил очень высоко и не раз писал о ней интереснейшие, глубокие статьи. А как он читал стихи! Присутствовать при их разговорах о поэзии, участвовать в них было истинным наслаждением. Они любили, понимали и ценили друг друга.

Закончу я строфой известного стихотворения Соколова:

Венок Станиславу ЛЕСНЕВСКОМУ

Друзья мои, не умирайте,
Не покидайте мрак и свет.
Что лучше есть, не уверяйте.
Других таких на свете нет.

1 февраля 2014

О Станиславе Стефановиче Лесневском

Станислав Стефанович не раз приезжал в Вологду на литературные торжества (юбилеи, пленумы, семинары, конференции). Вологда славилась писательскими именами. Традиционные проблемы вологодской литературы опирались на народную жизнь. Мне кажется, что его, столичного жителя, тянуло сюда потому, что он, тонкий исследователь писательских творений, хотел во всей полноте ощутить силу и красоту жизни.

В дни своего приезда каждый раз старался навестить Василия Ивановича, с которым был знаком еще с молодых лет. Белов искренне радовался появлению «Стасика», как он ласково его называл. Шли живые беседы о жизни, о литературе. И таким интересным было это общение. Запомнился один неожиданный вечер в кухне за чашкой чая. После длительных разговоров вдруг поочередно начинали читать по памяти блоковские строчки Станислав Стефанович и Василий Иванович («Встану я в утро туманное...», «Ветер принес издалека...» и др.). Прекрасны были эти мгновения.

В моей памяти последняя их встреча. Станислав Стефанович сидит возле кровати больного, уже давно не встающего с постели Василия Ивановича, который произносит с какой-то надеждой и благодарностью:

«Стасик пришел!» От Стасика исходил свет радости и умиротворения.

Станислав Стефанович был человеком мягким, снисходительным к человеческим слабостям. Эта снисходительность шла несомненно от его воспитания. Кажалось, он был овеян ветрами старой русской культуры, осенен поэзией любимого им Блока.

Терпимое отношение к человеческим слабостям шло не только от его воспитания, но и от глубокого понимания «человеческих смыслов», как принято теперь говорить. А по-моему, проще – от христианского отношения к людям.

Станислава Стефановича очень огорчало размежевание писателей. Он мечтал о том, чтобы в России вновь появилась единая писательская организация. Он меньше всего обращал внимания на политические пристрастия мастеров пера. Для него в творчестве любого писателя главным было ХУДОЖЕСТВО в высоком смысле этого слова.

Он ценил поэзию Рубцова. Дружил и с Евтушенко, и с Беловым. После ухода Василия Ивановича в мир иной Станислав Стефанович очень хотел, чтобы наше жилище превратилось в мемориальный музей – музей-квартиру. В Вологде, богатой литературными именами, нет ни одного солидного литературного музея. По этому поводу он энергично собирал подписи известных писателей и общественных деятелей (Аннинского и Рейна, Бондаренко и Ф. Кузнецова, Ларисы Васильевой и Говорухина и др.). Уже перед самой своей кончиной позвонил мне и слабым голосом произнес: «Написал письмо министру культуры, чтобы в Вологде был музей Белова».

Не ведала я, что в последний раз слышу его голос...

Он был щедрым человеком. Любил дарить хорошие редкие книги, вселял в души отчаявшимся добрый настрой.

В канун Нового года, хотя уже был очень болен, поздравил нас музыкальной телеграммой. В нашей суровой действительности ушедших в мир иной близких

почему-то быстро забывают. И здесь проявилось его удивительное благородство.

Неожиданная скорбная весть о кончине Станислава Стефановича потрясла всех нас.

Ушло из нашей жизни что-то солнечное, яркое и очень доброе.

Теперь они снова встретились ТАМ, Василий Иванович и Станислав Стефанович.

А мы с чувством глубокой признательности будем хранить память об этом удивительном человеке.

Январь 2014

Вологда

Самый старый друг

«Мой самый старый друг» – так всегда Вадим Кожин представлял Стасика.

Верность – может быть, одно из определяющих свойств Станислава Лесневского, – верность русской культуре, верность старой дружбе, – поверх всех этих долгих, путаных, трудных десятилетий.

Они вместе поступали в МГУ, а до этого еще и вместе его строили.

«Наше едва ли не первое с Вадимом выступление в печати было общим», – пишет Станислав. Год 1950-й. Писали о Маяковском.

Потом – первое путешествие по России, с десяткой и студенческими билетами в кармане, иногда на ступеньках, чуть не на крышах вагонов. Ярославль, Кострома, Плес и далее до Ленинграда. В одной городке – не без доли озорства, вместе с комсомольским энтузиазмом – убедили местные власти повесить траурные флаги в связи с кончиной Георгия Димитрова.

Когда вспоминаешь Лесневского, напрашивается, конечно, великий штамп: истинный русский интеллигент. Но ведь русский интеллигент – это чаще всего тот, кто в страстных поисках истины доводит несогласия и споры до предела, до крайней точки непримиримости.

А одним из замечательных, всегда меня восхищавших свойств Лесневского было его умение погасить, снять ненужные раздоры. Здесь неуместно модное слово «толерантность», скорее напрашивается старинное понятие «миротворец» в его глубинном смысле: «Блаженны миротворцы...»

Ну, а с другой стороны, никакой пресловутой интеллигентской «мягкотелости» не было в помине: были выношенные убеждения и настойчивая твердость в исполнении задуманных целей и дел, больших и малых, – от Шахматова и Издательства до бесчисленных организованных им вечеров. Единой и конечной целью всех этих дел было, как бы громко это ни звучало, служение русской культуре.

В последний раз я его видела в ноябре на вечере памяти Ю. Кузнецова. Я была в фойе (вечер еще продолжался), Станислав спускался медленно и осторожно, выглядел очень уставшим. «Стасик, а ты мне книжку обещал!» («Сто стихотворений» Кузнецова). Он сказал: «Я тебе сейчас свой экземпляр отдам», – стал вынимать все закладки, и ясно было, как тщательно и добросовестно, по обыкновению, готовил выступление (кажется, не выступил все же).

Во всех книгах его издательства – строгое изящество, даже изысканность и чувство меры, их, как говорится, просто хочется «в руках подержать», а еще они, прошу прощения за тривиальность, удобно умещаются и в дамской сумочке!

Как-то давно я в купе вагона разговорилась со случайным попутчиком – о поэзии, конечно, – а тот мне: «Я такую сейчас книжку замечательную читаю – и стихи, и критика на них, и сама книжка такая приятная», – ну, ясно, Рубцов и Кожин в издании Лесневского!

А в Костроме довелось и мне с ними побывать, с Вадимом и Станиславом. Дело было так. Начало шестидесятых, 30 декабря, предновогоднее настроение. Неожиданно у нас появляется Стасик: «Едем сейчас в Кострому встречать Новый год!» (а он тогда влюблен был в юную костромичку). Это же так просто – между-

городний автобус, через несколько часов – Кострома! Ну мы что, мы легки на подъем, да ведь это те самые шестидесятые! Едем на вокзал, автобуса нет, последний ушел. Но это уже не последняя студенческая десятка, договариваемся с такси (еще был попутчик, по дороге сошел). И летим по заснеженной России, мороз был градусов 20, дымы над трубами – прямыми белыми столбами, зайцы дорогу перебежали, один раз вроде лиса.

И вот Кострома. Не знаю, как это все получилось, но это ведь Стасик – гениальный организатор. С такой мягкой и настойчивой убедительностью, у нас и номер в гостинице и даже – вот чудо! – столик в ресторане в новогоднюю ночь, специально приставленный, почти у двери.

Ночь была фантастической (бахтинский «карнавал»): в городе, видимо, гастролировал цирк лилипутов. И весь ресторан наполняли нарядные маленькие мужчины и женщины, и танцевали, и дружески общались с веселыми костромичами. Часа в два ночи к нашему столу подошел изрядно подвыпивший маленький мужчина и важно сказал: «Уходите, это стол артистов цирка!»... Вот такая была у нас новогодняя Кострома...

В любой мороз 25 января Стасик ехал с нами на Введенское кладбище к Вадиму.

Кроме вот этого января...

Сказочные ответы детства

Рисунок души человека всегда мозаичен, даже в своей бесспорной цельности. Мне довелось соприкасаться с радостно-светлой, бесконечно доброй, заинтересованно-отзывчивой природой души Станислава, – а называла я его всегда Стасиком. В далеком моем детстве он с удовольствием и азартом играл с ребенком своих близких друзей и, развлекая, придумывал нестрашные сказочные истории про Стасика-Кабарасика, бродившего рядом, по дебрям приокского дачного леса... И с тех самых пор у меня нет страха перед лесной чащей. Я знаю, что там витает добрый, охраняющий дух Кабарасика моего детства.

Этим ласковым, сказочным и родным для меня именем он и подписывал позже свои книги-подарки. Тогда (а это было уже давно) ему нравилось дарить свое время, внимание и нежность, ничего не ожидая взамен. Увлекательные рассказы Станислава о загадке личности Натальи Гончаровой, о роли женщины в судьбе Поэта – из того же времени моего детства. Так друг моих родителей превратился в человека родного. Вспоминаются строки Константина Бальмонта:

Слова любви всегда бессвязны,
Они дрожат, они алмазны,

Как в час предутренний – звезда,
Они журчат, как ключ в пустыне
С начала мира и доньне,
И будут первыми всегда.
Всегда дробясь, повсюду целны,
Как свет, как воздух, беспредельны,
Легки, как всплески в тростниках,
Как взмахи птицы опьяненной.
С другою птицею сплетенной
В летучем беге, в облаках.

Повзрослев, я поняла, что в Станиславе удивительным образом соединилась земная «душа со светом неземным» (Вл. Соловьев), и этим редким сочетанием пронизана вся его жизнь, его литературные поиски, эссе, вся его неутомимая просветительская деятельность на бескрайнем «поле» русской поэзии. Так, лет шесть назад, когда я собирала материал для антологии «Испанские мотивы в русской поэзии XX века», Станислав обратил мое внимание на стихотворение Бальмонта «Анита» 1901 года. «Ты не забыла его включить?» – и сразу, во время разговора, процитировал наизусть, целиком:

Я был желанен ей. Она меня влекла,
Испанка стройная, с горящими глазами...

Дойдя до финальной строки («И кроме глаз ее мне ничего не надо»), он добавил: «Такое запоминается на всю жизнь...» И по интонации я почувствовала, что стихи эти для него очень личные, можно сказать – бальмонт-лесневские...

Соединение этих начал – близость к чувственному миру и поиск идеала – определило земную надземность созданных Станиславом книг об Александре Блоке и Шахматове. Сокровенная тайна, неизреченная глубина лирики Блока давно и навсегда заморозили Станислава, и мне кажется (если вспомнить последние беседы лета–осени 2013-го), некая, еще не раскрытая мистическая загадка продолжала волновать его сознание до последних дней жизни.

Возможно, не одна я ощутила, что последние полгода Станислав словно погружался в некое «серебряное мерцание», в состояние иное, чем прежде. Сил становилось меньше – неравный бой с Судьбой... И все-таки:

Ведь он живет!

Пусть жертвенник разбит – огонь еще пылает,

Пусть роза сорвана – она еще цветет,

Пусть арфа сломана – аккорд еще рыдает!..

Старый друг лучше новых двух

В первый раз имя Лесневского я услышала в Костроме в шестидесятом году. После приезда из университета мы еще не успели обзавестись там друзьями, чувствовали себя в городе одиноко. Нигде не бываю, на руках у меня новорожденный сын.

Вечером Игорь возвращается из редакции и обрадованно, как о чем-то очень веселом, говорит: «Приехал Стасик Лесневский!!!» Кто, спрашиваю я. Нет, нет, до того дня и Игорь еще не был с ним знаком. Встретились впервые. Но сегодня – успели вместе выступить в Доме офицеров, в 30-й школе читали стихи, сейчас Стасик хочет пойти к Мише Пьяных, – «им надо поговорить о Маяковском!»*... Вот это новость.

Да, да, вспоминаю теперь, это был юбилей Маяковского! Юношеская неостывшая любовь к пролетарскому великому поэту объединяла всех троих: Игоря, Стасика и Мишу. Все трое готовы были с восторгом вопрошать и восклицать:

Послушайте!
Ведь, если звезды

* Пьяных Михаил Федорович – филолог, историк литературы, автор статей о творчестве Блока и Маяковского, составитель антологии поэзии «Серебряный век» (Л., 1991).

зажигают,
значит – это кому-нибудь нужно?
значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

К Александру Блоку каждый из них, мне кажется, пришел чуть позднее. Даже Лесневский, будущий исследователь его творчества. И весь Серебряный век для всех троих – еще был впереди.

Выступив перед десятиклассниками 30-й школы (весьма продвинутой и престижной в ту пору в Костроме), порывистый, звонкоголосый тридцатилетний корреспондент «Литературки» Станислав Лесневский очаровал девчонок и, кажется, сам успел в кого-то там влюбиться. Этот их с Игорем десант в школу Стасик часто потом вспоминал. Позднее он опубликовал в «Комсомольской правде» очерк с весьма лирическим названием «Кострома, любовь моя...». Признание в любви старому волжскому городу осталось в памяти не только у автора и у нас, его друзей. Многие старые костромичи его помнят. Даже высоким областным начальством газетный очерк заезжего столичного литератора был замечен, чем Стасик по-детски гордился.

Мне же, в событиях того осеннего дня не участвовавшей, запомнилось, что все это было очень в духе молодого Лесневского – приехать мимолетом, на день, на два примчаться в чужой город и стать в нем своим человеком.

Очень вскоре он опять появился в Костроме. На этот раз собрались у нас, в маленькой комнате нового дома на Советской. Наши молодые мужья и их молодые друзья любили в ту пору петь. Пели раннего Окуджаву, «Как хорошо быть генералом», «Грохочут в переулке сапоги», «Синий троллейбус», «Дежурный по апрелю», «У нас компания хорошая, большая». Шутили и смеялись вволю. С мальчишеским озорством могли выйти на ночную улицу и горланить «Москва–Пекин», песню,

которую радио крутило тогда чуть ли не каждый час, или самодельные Стасиковы куплеты в духе рэпа «А кто все это понастроил? А советский наш народ...». Лесневский был в те годы что называется заводным парнем.

Однажды Станислав Стефанович написал о своем друге Игоре Дедкове, образ которого показался для него неотделим от Костромы: «Когда дружишь с человеком, то дружишь не с “критиком”, с “демократом” или “патриотом”, а просто с человеком, который необъяснимо симпатичен тебе. И каким бы знаменитым он потом ни стал, ты дружишь с тем, “незнаменитым”, которого полюбил в молодости».

Пробил час, когда хочется повторить эти добрые, сердечные слова и по отношению к самому Станиславу Стефановичу. Не со знаменитым блоковедом и литературоведом, не с известным издателем и организатором возрождения усадьбы Блока начинали мы дружить – дружили «со Стасиком». Звали его всегда так, любя, помня нашу общую минувшую молодость. Ценили его за верность в дружбе, любили за независимость, ум, юмор, за его оптимизм. Да просто за то, что он есть, продолжали любить.

Откуда только ни слал нам письма и открытки Лесневский. Вот московские адреса – с Большой Серпуховской и Большой Переяславской, с улицы Маленковской. (Кстати, в Москве, на Серпуховке, как выяснилось уже в Костроме, мы жили рядом, через дорогу.) А вот его открытки из Гагр, из абхазской Пицунды, из Дубулт с Юрмалы, из Комарова под Ленинградом, из Малеевки в Подмосковье, и даже из Вологды, где Лесневский вместе с вологжанами отмечал столетие Клюева.

Незабвенные Дома творчества Союза писателей Стасику, с его охотой к перемене мест, давали широкий круг общения, возможность поработать, отдохнуть. Но эти же поездки давали ему и нам немало веселых поводов посмеяться над тогдашними литературными нрава-

ми. «Я, к стыду своему, еду в Дубулты», – писал «покаянно» Стасик. Или: «Я вот все езжу, и все без толку... Не возьмут ли меня где-нибудь в Костроме на службу?»

В восьмидесятом году он сбежал из Москвы со своего пятидесятилетия. А почествовала его Кострома. В конце октября он пишет: «Дорогой Игорь! Я очень благодарен тебе за богатый подарок к моему “юбилею” – царскую поездку в Кострому с почетными и радостными выступлениями о Блоке. Не говорю о наших встречах. И вообще все было прекрасно. Осень. Твое литобъединение. Я кланяюсь Тамаре. Приезжай! *Ст.*»

Лесневские Стасик и Валя не раз приезжали к нам встречать Новый год (и это превращалось в славное действо), а также навещали Кострому по весне, в апреле. Вместе с нами отмечали дни рождения Игоря и Виктора Бочкова. В апреле 73-го приезд, вероятно, почему-то не состоялся и перенесен был на лето, до Щелыкова.

И вот его «покаянное» письмо. Штемпель на открытке – 27.04.1973.

«Дорогой Игорь! Милая Тамара! Славные богатыри Владимир и Никита! Последний, но крепчайший оплот Артема в Костроме! Основоположник помнит о властители дум (он положил это звание Игорю). А я, его верный ученик, позорно забыл Кострому, но верю в летошнюю (т. е. летнюю) скорую встречу! Вспоминайте и вы меня, заброшенного Артемом на берег Финского залива. Ваш *Ст.*»

В письме упоминается «Артем». Это Артем Захаревич Анфиногенов, писатель-фронтовик, бывший летчик, славный человек и наш друг, с университетских еще лет. Это он в бурном 1956 году звал Игоря Дедкова, тогдашнего четверокурсника и секретаря комсомольского бюро журфака: «Приходи к нам работать в отдел науки». «К нам» значило в «Литературную газету». Но ни в «науку», ни в «критику» Дедкову двинуться тогда не дали, а пришлось ему начинать с провинциальной областной газеты.

Передавая нам московские приветы, Станислав придумал для Анфиногенова титул «Основоположник верного учения». Как бы в противоположность другим учениям. В письмах с юмором обыгрывал это. По-моему, это началось году в 67-м. Тогда страна отмечала полвека революции. Верными учениками Основоположника были заявлены сам Стасик и его школьный друг Виктор Петрович Балашов, филолог и редактор в «Советском писателе». Игорю отводилось почетное место Властителя дум. Девиз верного учения был таков: «Всем оставаться на своих местах».

О местах... По поводу избрания Лесневского на какую-то литературную должность в 1977 году случилась такая переписка: «Дорогой Игорь, твои даже короткие письма очень содержательны и веселы. Все это ты верно подметил. Когда-нибудь ничего этого не будет, как и нас, и станут смеяться над нами, а ты глядишь вперед. Но если посмотреть назад, то еще смешнее будет. Возвращаясь к фактам, скажу, что “должность” моя иллюзорна, ибо, например, Ф. Кузнецов не избрал меня в правление. Впрочем, и над этим посмеются, ибо ничего такого раньше не бывало и когда-нибудь снова не будет... Не покидайте В. Бочкова, пусть в Москву он съездит. *Ст.*»

Последнее замечание в письме очень характерно было для нашего Стасика. Он всегда помнил о друзьях, хлопотал за них.

В нашей семье не забывают, что именно Стасик Лесневский показал в Москве своим друзьям сочинения Дедкова, которые тот, сидя в провинции, «отправлял в стол» без всякой надежды их напечатать. Сошлюсь на свидетельство писателя В.П. Рослякова: «Акакий сейчас у Стасика Лесневского, который в свою очередь давал читать работникам БСЭ (энциклопедия) – Абраму Белкину и др. Миллер находится у главного редактора “Театра”». («Акакий» и «Миллер» – это «домашние» названия двух больших работ Дедкова.) Сам Стасик Лесневский тогда же, летом 67-го, спешит сообщить в

Кострому: «Твоего Акакия изучает Ю. Буртин, благосклонный к тебе. Ищет там отрывок для газеты. Кто ищет, тот всегда с тобой».

Все это на самом деле – предыстория появления в «Новом мире» известной статьи Дедкова «Страницы деревенской жизни». А первотолчок движению, тому, чтоб все это сдвинулось с мертвой точки, был задан предприимчивым и беспокойным Стасиком.

И, конечно же, издание книгой дневников И.А. Дедкова в 2005 году было не только литературной, издательской акцией Лесневского, но актом дружбы. Она, эта книга, венчает ее, дружбу двух славных людей своего времени, – Игоря Александровича Дедкова и Станислава Стефановича Лесневского.

Войдя в траурный зал ЦДЛ, где прощались с Лесневским, я вздрогнула от молодого голоса Стасика, читающего «Я люблю тебя жизнь, принимаю...». И на миг забыла, что на самом деле происходит. Так было хорошо услышать этот звонкий голос, возвращавший тебя в прекрасную жизнь, где все еще живы, дружны и уповают на будущее.

В поисках гармонической точности

Нас познакомило Щелыково, музей-усадьба драматурга Островского, что в Костромской области, в поэтических местах «Снегурочки» – с Берендеевым лесом, Ярилиной долиной и Голубым ключиком, хорошо известных в истории литературы и культуры, ранней осенью 1976 года. Знакомству я обязан музейному директору Виктору Бочкову, под началом которого работал, и его жене Ларисе Вавиловой. Стояли тютчевские хрустальные дни с лучезарными вечерами. *Весь день стоит как бы хрустальный, и лучезарны вечера...* Лесневский, по любви к Тютчеву, России и природе, те дни не забывал. Был он тогда молод, ходил в кожаной черной куртке, голос звучал задористо, звонко.

Щелыково, Костромщину и Кострому Станислав Стефанович любил. Костромские люди В. Бочков, И. Дедков, В. Леонович, примыкавший к ним В. Кожинов и другие литераторы, – это его *задушевное*. Свой издательский (вместе с однокурсником и другом В. Балашовым) труд по выпуску в свет обширных дневников Дедкова он свершил не только в память замечательного друга-критика, но и Костромы.

В Москве в восьмидесятые годы он навещал меня в редакции журнальчика «В мире книг» со своим ухо-

женным длинношерстным красивым псом Лисом – не так уж далеко было им пройти пешком от Переяславки до Сушевского вала. У него уже тогда была идея что-нибудь хорошее издавать. Потом это стало неосуществившейся мечтой о толстой литературной газете без той политики и идеологии, которая утяжеляла тогда «Литературку» (а «Литературная Россия» тогда совсем захирела). В девяностых от литературы оставалось мало, но Лесневский был верен ей, верен друзьям-писателям. Когда умер Солоухин, поехал с гробом в его владимирскую деревню. Да куда он только не ездил! Поездки у него были все литературно прочерченные: к Тютчеву в Овстуг, к Блоку в Шахматово и в Питер, к Клюеву в Олонецкую губернию, к Белову и его «Привычному делу» на Вологодчину...

Сотрудничали мы с ним по издательству «Прогресс-Плеяда»; тут у него осуществилось, сбылось; он дружески выручал, давал редакторскую работу. Издательство создавалось творческое, с разговорами, посиделками. Посиделки в нашем деле много значат, способствуют смягчению литературных нравов. О большой роли Лесневского в способствовании *добрым литературным нравам* известно.

Лесневский занимался Серебряным веком, но тянулся к Золотому. Это была тоска по раю в поисках гармонической точности. Точности выражения нашей тяги и нашей тоски. Он ведь был элегиком, верным продолжателем школы русской *гармонической точности*. Преимущества элегика не в том, что он прощается и расстается, а в том, что он несомненно надеется найти искомое и *вернуться*. Христос у него *впереди*, как у любимого им Блока, несмотря на всякие приблизительные толкования. *Завещанное, заветное* для Лесневского всегда – не только в его одноименной книжке – оставалось таковым в своем гармоническом полнозвучии, увлекательном романтизме и смысловой точности, как завещали Батюшков, Жуковский и другие, вплоть до Мандельштама – без пустопорожней болтовни и сомнительных излишеств. В свои последние годы он про-

являл пристальное внимание к достижениям поэзии советского периода, например, к Межирову.

В литературе он был человеком иерархии, считал, что отечественная литература есть, в первую голову, поэзия: Жуковский, Батюшков, Пушкин, Боратынский, Тютчев, Лермонтов, Блок. Все остальное потом, даже и толстоевский. Поскольку *поэзия есть Бог в святых мечтах земли* (он охотно цитировал Жуковского), существует объективно, как Бог, то служение ей, единение с нею достаточны для осмысленной и плодотворной жизни; политика и идеология будоражат, но существенно значимого в жизнь не приносят. Поэзия – да, привносит. Лесневский откликнулся на новое, подтверждением чему служат его расположение к Белому и Хлебникову, издание Рубцова, серии книг современных поэтов «Сто стихотворений».

У кого-то может вызвать сожаление, что многолетние занятия Лесневского Блоком не вылились в очередной пухлый том. Ну, во-первых, у него о Блоке есть пространное издание 1980 года, а во-вторых, он в последние годы сосредоточился на источниковедении, а не на писании, и вышедшая незадолго перед кончиной его книжечка «Русская даль. Шахматово. Пролог» – ценная. Она уточняет и углубляет во времени биографию, родословие Блока, что уместно и необходимо по отношению к национальному поэту. Лесневский и посвятил значительную часть своей деятельной жизни в литературе и культуре тому, чтобы Блок полномерно звучал как великий национальный поэт. Воссозданное его стараниями Шахматово отнюдь не сразу отозвалось в сознании читателей как такая же мощная, как и петербургская, тема и нота Блока. Для такого отзвука надо было кое-что сделать.

Он любил сдвоенные книги – чтобы в них было написано не только прозой, но и стихами. «Русская даль» заканчивается посвященным автору стихотворением Е. Евтушенко «Блоковский валун»; биографический очерк об Андрее Белом и Александре Блоке «Двойная звезда» Лесневский завершил стихотворением Ман-

дельштама «Голубые глаза и горячая лобная кость...», а отдельно изданный перед кончиной очерк «Снилось Шахматово...» – стихами Веры Емельяновой.

Профессия литературоведа сродни исполнительской в музыкальном искусстве, она не только ведение – она артистична. Поэтическое произведение, как и музыкальное, нуждается в артистическом донесении, исполнении. Стихи Веры Емельяновой он и читал мне в последний раз, совсем недавно, на последней нон-фикшн. Голос был уже не так звонок, как во времена нашей первой встречи, но вдохновение и артистизм Лесневского не оставили. Вот это стихотворение. Оно называется «Шахматово».

Не удерживаю мгновенья,
Ничего не хочу вернуть...
Мы отправлены в невозвратный,
Предназначенный кем-то путь!

И в пути этом, спешном и кратком,
В устремленности роковой
Привыкаем идти без оглядки,
Без прощального взмаха рукой.

Но зачем же тогда так манит
И зовет оглянуться назад
Заколдованная поляна,
Затерявшаяся в лесах.

Тучи где-то высоко-высоко,
Пропасьт неба над головой,
Напряженные строки Блока,
Дикий камень в траве густой.

Прощальный взмах рукой все же остается. Прочитанное им стихотворение теперь стало для меня его прощальным элегическим жестом.

30 января 2014

Лариса ВАВИЛОВА

Два письма

В начале 1970-х годов мы с мужем, В.Н. Бочковым, переехали из Костромы жить и работать в Музей-заповедник А.Н. Островского «Щельково». Виктора назначили на должность замдиректора по науке Гос. Музея-заповедника. Страна готовилась широко отметить 150-летие со дня рождения драматурга А.Н. Островского.

Станислав Стефанович бывал в Костроме. Любил этот старинный и уютный город, навещал друзей – Игоря Дедкова и Виктора Бочкова. Часто бывая в Костроме, стал приезжать и в это заповедное место. Чаще с женой Валентиной, но бывал и один. Приезды его участились во время драматических для нас событий в Музее.

У меня сохранились несколько его писем. Они говорят сами за себя, характеризуют его как замечательного человека. Неравнодушие, житейская мудрость, доброта, ум...

Вот два его письма.

05.03.1977

Милая Лариса,

наша эпопея подходит к концу. Может быть, она и не без некоторой пользы ради «разрядки напряженности». Конечно, моя миссия осложнилась тем, что у меня не-

ожиданно вместо помощника оказался, говоря научно, оппонент (Ша). Кто бы мог подумать!.. Споры продолжились и обострились в Костроме...

Однако удалось побывать у Тупиченкова, и он слушал меня долго и внимательно по всем пунктам. Решение бесповоротное, это очевидно, но он ценит Виктора и, несмотря на все, хорошо к нему относится, обещал помочь ему с работой («дано указание», «обижать не будем»). Главное теперь, в его глазах, по-видимому, лояльность общественного поведения и Виктора, и каждого из вас, щельковцев. Игорь сказал, что тебе есть хорошее место в архиве. Не знаю твоих планов, но если бы удалось перейти «переводом», с сохранением стажа непрерывного и с правом летнего отпуска (и даже, оговорив, с правом отпуска за свой счет или бюллетеня в дополнение), то откладывать не стоит. При самых благоприятных обстоятельствах вряд ли работать тебе в Щелькове сейчас будет приятно. Вчерашнее – это вчерашнее, и не надо его удерживать чрезмерно. Виктору надо как можно скорее пойти к Гусеву на т. н. «разговор по душам» и о работе.

Если его примет Тупиченков (а это очень желательно и об этом надо просить), то это надо осуществить побыстрее. Виктору следует вести себя без гонимости, умиротворенно и покладисто. После драки и т. д. ему необходимо как можно скорее идти на работу, не болтаться, ни в коем случае не жить в Щелькове. Я знаю, что пишу, поверь мне. Иначе все будут валить на него, в т. ч. и всякого рода политику. Зачем это?

Я везде говорил, что уверен в его лояльности, что просто он ученый и в остальном беспечен.

Виктору надо готовить диссертацию на краеведческую костромскую тему и, м. б., тоже идти в архив – это его стихия – или по охране памятников.

Он должен в короткое время восстановить свою репутацию в глазах партийных органов. Чего бы тебе это ни стоило, не оставляй Виктора на длительное время одного. Это нехорошо и для его положения в Костроме, пойдут всяческие разговоры.

Будьте дружнее, положение весьма серьезно, бросьте всякие конфронтации в Щелькове и по поводу его, устраивайтесь и налаживайте как можно скорее свое положение в Костроме.

Оставьте это берендеево-додоново царство, мне не приходилось видеть такую клоаку посреди такой красоты. Настрой своих товарищей на благожелательную и мирную встречу нового замдиректора. Помогайте ему, не тычьте ему его незнание и неумение, не напоминайте о Бочкове, постарайтесь расположить его к себе всемерно. Будьте сдержанны, крайне осторожны и спокойны. Соберитесь с мыслями, как жить и работать дальше. В музее надо много делать – это спасение и для себя, это душевное спокойствие. Каждый пусть решает – жить и работать ему в Щелькове или нет. Если да, то надо избирать соответственную линию поведения, по которой верно, мне кажется, пошел Мраморнов.

Ясно, что тебе в общем нечего делать в Щелькове, и не надо затягивать это межеумочное состояние. Верю в тебя, восхищаюсь твоим достоинством, твоей красотой. Оля меня прямо очаровала.

Поздравляю вас с пресловутым днем 8-го марта. Кланяйся твоим милым друзьям.

Приезжай! *Ст.*

25.05.1977

Милая Лариса!

Очень тревожно за вас всех, за тебя и за Виктора. И писать вам трудно, т. к. не исключено, что нашей перепиской интересуются посторонние.

Конечно, если тебе нужно пробыть в Щелькове еще три месяца и если это нельзя решить на месте или в Островском, то надо ехать к Гусеву. Действительно, ничего другого не придумаешь. К сожалению только, обещания, даваемые в Костроме, плохо связаны с их исполнением в Щелькове.

Нашу статью в «СК» солят и маринуют. Если у них не пойдет, я отдельно где-нибудь напишу. Так что пришли рассказ о Субботинном луге.

Виктор прислал мне очень симпатичный календарь на полотне с Костромой, а я ему еще не написал, – зашился, засуетился.

Привет Олечке.

Ваш *Ст.*

Дружба со Станиславом Стефановичем продолжалась все годы. После смерти в 1991 году В.Н. Бочкова, он приезжал в Кострому на все конференции, посвященные его памяти. Иногда вел конференцию и обязательно выступал. Последняя такая поездка была в апреле 2012 года.

Мы всегда будем помнить и любить Станислава Стефановича Лесневского...

3 февраля 2014

43 года дружбы

Памяти Станислава Стефановича
Лесневского

Нас познакомил и сдружил Александр Блок.

После нескольких лет путешествий по стране я оказался в 1971 году в объединенном Бюро экскурсий и путешествий в литературной секции под руководством Корнелии Вячеславовны Стародуб. В это самое время С.С. Лесневский, уже бывавший в блоковском Шахматове, загорелся идеей возродить усадьбу Александра Блока, сгоревшую в 1921 году. Чтобы как-то отметить место бывшей усадьбы, он организовал перевозку огромного валуна из оврага у деревни Осинки на «возлюбленную поляну» перед шахматовским домом. Этот камень стоит там до сих пор, и с него Станислав Стефанович читал стихи Блока в каждый блоковский праздник (день памяти Блока). С помощью Литературного музея Станислав Стефанович открыл в 1970 году в бывшей земской школе в деревне Тараканово литературную фотовыставку, посвященную жизни и творчеству А. Блока. Понимая, что эта выставка сама по себе вряд ли привлечет внимание к небольшой деревне, куда и дороги нормальной еще не было, Станислав Стефанович и пришел к нам в экскурсионное бюро с предложением подготовить и запустить новую тему: «Блок в Шахматове». Была создана блоковская бригада из 6–7

человек, к которой присоединился и я. Станислав Стефанович читал нам лекции о Блоке, возил нас неоднократно в Шахматово, показывая разные тропы, ведущие к бывшей усадьбе. Бригадой был разработан текст экскурсии, и с 1972 года мы начали водить эту экскурсию. Тогда еще не было дороги из Тараканова в Шахматово, и оставшиеся два с половиной километра группа шла пешком. Красота окружающего пейзажа, благоуханный уголок на месте бывшей усадьбы, заросший сиренью и шиповником, рассказ о Блоке и его стихи – все это завораживало экскурсантов, и не было ни одного случая протеста против экскурсии в усадьбу, которой нет.

Но, естественно, почти у всех возникала мысль о том, что дом поэта надо восстановить, и экскурсоводы подсказывали, куда надо писать с предложением восстановить усадьбу и создать музей А. Блока. Эти письма накапливались в отделе культуры ЦК КПСС и сыграли свою роль впоследствии. Думаю, что их имел в виду и Станислав Стефанович, боровшийся за воссоздание блоковской усадьбы. В 1983 году состоялось принципиальное решение Совета министров о восстановлении блоковского Шахматова и создании на его базе музея-заповедника. Узнав об этом решении, я пошел в управление культуры Московской области и подал заявление о моем желании там работать.

Станислав Стефанович организовывал наши поездки в Ленинград, в Боблово, в Николо-Пешношский монастырь, в Трубицыно, имение двоюродной бабки Блока. Общее дело очень сблизило нас: Веру Емельянову, Анну Булаеву, Светлану Григорьеву, Елену Елькину, Иону Клемперта со Станиславом Стефановичем. Неудивительно, что мы праздники и дни рождения отмечали вместе и Станислав Стефанович нашел во всех нас преданных ему друзей. Станислав Стефанович отвечал нам той же дружбой и даже собирался опубликовать книгу, посвященную Вере Емельяновой, собрал наши воспоминания о ней.

Как известно, после смерти Павла Антокольского, председательствовавшего на первых шахматовских

праздниках блоковской поэзии, эта роль сама собой оказалась у Станислава Стефановича Лесневского вплоть до последнего блоковского праздника в августе прошлого 2013 года. Его авторитет известного литературного критика, его дружеские связи с известнейшими поэтами и писателями страны были залогом всегда интересного состава писательской делегации и успешного проведения праздников. Трудно найти из известных литераторов того, кто хоть раз не побывал на шахматовском празднике.

Всегдашняя доброжелательность Станислава Стефановича, открытость, отсутствие снобизма и высокомерия, делали общение с ним приятным и желанным.

На протяжении долгих лет я сотрудничал со Станиславом Стефановичем – главным редактором издательства «Прогресс-Плеяда». Весной 2012 года он предложил мне издать мою книгу стихов в серии «Сто стихотворений», в которой уже вышло полтора десятка книг. Я согласился с радостью. Надо сказать, что в отбор стихов для книги он не вмешивался, абсолютно доверяя автору. Я думаю, что это был его принцип и он поступал так же и с другими поэтами. Последняя моя публикация у Станислава Стефановича – это небольшая статья о письме И. Блока, прапрадеда поэта, графу Аракчееву в его книге «Русская даль. Шахматово. Пролог» (2013). Я знаю, что Станислав Стефанович очень радовался отыскавшемуся материальному следу Ивана Леонтьевича Блока.

Вообще, несмотря на разнообразные литературные интересы (Станислав Стефанович не раз ездил на родину Н.А. Клюева в Вытегру, дружил с музеем Ф.И. Тютчева в Овстуге и делал многое другое), основным интересом, его детищем, его постоянной заботой и болью было Шахматово. Областная бюрократия не допустила Станислава Стефановича на пост директора Шахматовского музея-заповедника, и в результате потеряли все: музей, Блок, русская культура. Его фигура была не менее масштабной, чем Гейченко, только в области Серебряного века.

У меня сохранился ряд фотографий Станислава Стефановича времен первых блоковских праздников, т. е. начала 1970-х. На одной из них, еще совсем молодой, полный сил и высоких стремлений, Станислав Стефанович читает стихи Блока. Таким вдохновенным, благородным, устремленным в идеальную высь остается навсегда в моей памяти Станислав Стефанович Лесневский.

3 февраля 2014

Блок олюбы

«Оттепель»... Мокрая огнистая «оттепель». В стихах – вихри метафор, без начал и концов... Косноязычная пифийность. Выступления на площади Маяковского в начале 60-х с нежелательными последствиями от властей: приводы в милицию, изгнания с работ. Чтение стихов в «Каминной» Дома литераторов и на Блоковских праздниках в Шахматове «У Камня». О, наши руки, воздетые с площадей в закатные небеса! Имена Буковского, Бокштейна, Гершуни и других. Где они? Как разметало их!..

И вот я в Московском экскурсионном бюро, куда, по ходатайству одной любительницы поэзии Марии Петровны Щукиной, работавшей там методистом, был постепенно инсталлирован из временных гидов – в штат. Хотелось быть ближе к литературе, и наряду с общегородскими экскурсиями, я стал писать пушкинскую экскурсию, а потом подошел и к Блоку. Группа гидов, под руководством литературоведа Станислава Лесневского, собирала материалы о жизни Александра Блока в подмосковном Шахматове и в Москве. Я присоединился к ним. И вот однажды, каким-то ярким маем, мы сели в темно-красный икарус и двинулись в клинском направлении. С нами ехал и ветеран

блоковедения, бывший железнодорожный инженер Ильин, собравший огромную коллекцию предметов и книг, связанных с жизнью Блока. Ильина давно уже нет в живых, а его Блокиану московский Литмузей так и не купил, и, кажется, она ушла потом в Питер. И вот – Клинско-Дмитровская гряда, моренные, покрытые весенними золото-зелеными лесами холмы и гривы. Скрытые в чащах, заваленные стволами холодные ручьи и речки в глубоких долинах, провальные болота, грибы и ягоды... Дальний свет зорь на руинах разбитых за годы Совдепии храмов...

Русь, опоясана реками.
И дебрями окружена.
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел...

Мы нашли на холме, над долиной речки Лутосни, остатки сада – сирень и шиповник, а при входе в сад – густые, широколистные заросли «сахалинской гречи-хи», которую посадил когда-то дед Александра Блока, знаменитый русский ботаник Андрей Николаевич Бекетов... И – горькое неповторимое чувство! – мы ощущали под подошвами наших кроссовок угластые, местами закопченные куски красного кирпича – останки фундамента, разоренного и сожженного в 20-х годах местными мальчишками ли, мужиками, или какими-то пришлыми бродягами, дворянского гнезда. Дома Александра Блока...

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звезд отыскал я кольцо.
Вот лицо выплывает из кружев,
Выплывает из кружев лицо...

Один обломок кирпича от этого фундамента, с соответствующей надписью, лежит у меня в Томилине на старинном буфете той же поры, начала XX века – сре-

ди образцов горных пород и кристаллических друз от моих геологических странствий...

Сейчас, через немало уже лет, дом в Шахматове восстановлен. Дорожки в саду расчищены, подсажены деревья, подстрижены кусты... И в будни, и особенно в выходные, по вине нас, грешных экскурсоводов, когда-то первопроходцев, сюда бредут толпы туристов. Есть даже милицейский пост.

И как-то зимой мы туда приехали на джипе нашего знакомого, местного дачника и то ли милицейский, то ли охранник, весьма подшофе, взялся за сотню все нам «показать и рассказать», и мы бродили с ним меж сугробов, несколько раз проходя мимо дома, а он рефреном все повторял с блаженной улыбкой, тыча пальцем в западную стену дома: «А вот здесь у них была гостиная, они тут на рояле играли!» А тогда, когда мы впервые сюда добрались, здесь еще веяло дикой волей и недавней трагедией на фоне буйной многотравной и многолесной природы этой моренной Клинско-Дмитровской гряды. И как реликт ее ледникового прошлого у края бывшей усадьбы среди густотравья поляны торчала ледниковая глыбища. Дабы отметить для людей это место, трактор, по мысли и иждивением Станислава Лесневского, за пять бутылок российской жидкой валюты, приволок сюда из недалекого ручья громаднейший ледниковый валун из архейского буро-рыжего кварцита, похожий на череп доисторического животного...

...Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор.
Он был амбаром с острой крышей
От ветров северных укрыт,
И можно было ясно слышать,
Как тишина цветет и спит...

В нашу группу «блоколюбов» вошли люди странные. Станислав Лесневский ряд лет до того обходил окрестные деревни, собирая у еще живых тогда свиде-

телей той поры рассказы и легенды о жизни Бекетовых и Блоков в усадьбе. Приставал к местному и московскому начальству с просьбами и требованиями заняться восстановлением усадьбы в Шахматове и церкви в Тараканове. Филолог Анатолий Гоморев собирал все, что мог: книги, документы, рисунки из Серебряного века и, главное, все, что касалось жизни Александра Блока. Аня Булаева, стройная кареглазая девушка, была влюблена в природу Клинско-Дмитровской гряды, знала множество растений, изучала шахматовский парк. Вера Емельянова, наш методист, влюбленная в строки поэтов Серебряного века, была сильной женщиной, она отстаивала блоковскую тему и наш к ней подход перед партийным экскурсионным начальством... И вместе с Аней Булаевой спасала и меня, грешного лирика, не раз стоявшего на пороге изгнания из Бюро за опоздания или крамольные тексты по поводу нашей жизни, изречаемые перед толпой экскурсантов и доходящие порой до его, начальства, ушей. Веры уже нет с нами, она упокоилась после краткой и жестокой болезни, постигшей ее в связи с распадом экскурсионного бюро в 90-х годах, на кладбище, невдали от Питерского тракта – все той же дороги к Блоку...

Он был заботой женской нежной
От грубой жизни огражден,
Года летели безмятежно,
Как голубой весенний сон!.. –

писал Блок о своем детстве.

Вот это женственное воспитание многих поэтов, может быть, и порождает особую, «женоподобную» чувствительность струн душевных, способствующую слаганию «сладких звуков и молитв», но притом и ранимости «грубой жизнью» – до ненависти к ней, до желания ей и себе гибели... И ах, тут только цитируй и цитируй все того же Блока:

И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к отчизне,
И черная земная кровь

Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

Мне, самому «маменькиному сыну», воспитываемому в моем московском детстве в старой квартире вблизи Рождественского бульвара доброй бабушкой и няньками и глубинно влюбленной в литературу матерью, все это было интимно, подкожно близко. Я даже как-то, изучая жизнь Шарля Бодлера и наткнувшись на тот же, что и у Блока, «материнский» (а может быть лучше его прямо назвать «Эдиповым»?) комплекс, задумал некое эссе под названием «Поэты – как маменькины дети». Но я понимал, что его, конечно, никто тогда бы не напечатал, как не напечатали в журнале «Юность» моей заметки о Бодлере под названием «Альбатрос». Я ее настрочил под сильнейшим впечатлением от стихов его, услышанных мною в новых переводах Вильгельма Левика. Они переживались как могучий резонанс с моими настроениями той поры. И хотя Станислав Лесневский, с которым я на почве этой заметки и познакомился, долго носился с ней по редакции журнала, в которой он тогда в 60-е годы работал, – все оказалось бесполезным: «Альбатроса» моего то вставляли в верстку, то выкидывали... А Лесневского стали даже потом дразнить «Бодлером». «А собственно, что такое Бодлер? Почему Бодлер? И при чем тут журнал “Юность”?» – с невинной улыбочкой вопрошали Лесневского редакционные аборигены. Да. А вот юность Блока была тут очень даже при чем, ибо как раз его мама Александра Андреевна была первой переводчицей этого первого из «проклятых» французских поэтов и, конечно, читала их своему единственному и любимому сыну.

«Он был заботой женской нежной / От грубой жизни огражден...»

Последний из могикан

Взаимопроникновенны понятия «дух» и «душа». Много путаницы навверчено вокруг них. Особенно раскручено слово «духовность». Оно задействовано в политике и в быту. Рядом с ним слово «душевность» будто стесняется, в тень уходит. А если вдуматься, духовности в нашей жизни хоть отбавляй, а душевности маловато.

Станислав Лесневский мог бы стать примером слиянности, точного употребления этих слов. Образцом одушевленного духа и одухотворенной души. Гармоничный человек. Когда я сказала ему об этом, как ни странно, он, стеснительный, деликатный, скромник, не возразил, мол, ну что ты, нет, нет, а приосанился, словно примерил на себя некий головной убор, вроде известной шляпы Блока, и тихо сказал:

– Ты права, но ошибаешься.

Он не придавал себе значения. Он никакой не критик, не литературовед, не исследователь, хотя он и то, и другое, и третье. Никакие литгруппы и компании не касались его, но все они были ему интересны.

Как мы познакомились? Это было в день первого блоковского праздника, вблизи разрушенной усадьбы, у камня, похожего на головной мозг, который, как мне тогда уже стало известно, установил на поляне по на-

водке Семена Степановича Гейченко вдохновенного вида стройный красавец Станислав Лесневский.

Все тогда тщились взобраться на камень и прочитывать свое... Народу понаехало из Москвы множество. В этой толпе мне показалось, что Лесневский посматривает на меня как-то особенно внимательно. Я, самоуверенная, подумала, что понравилась ему. Когда мы в конце утренника разместились по автобусам, он оказался рядом, и я сказала ему:

– Вот если бы Вы взяли на себя Шахматово, как Гейченко когда-то взял Михайловское, через несколько лет здесь восстановили бы усадьбу. Ответ, казалось, был ни к селу ни к городу:

– Вы бываете у Наровчатова? Надвигается юбилей Блока. Еще нескоро, есть время. Наровчатов, как никто другой сегодня, может сделать такой доклад, что Блок предстанет поэтом революции. Наровчатов – первый секретарь Союза писателей Москвы. Начальство в ЦК к нему прислушивается. Попробуете?

Попробовала. Сергей Сергеевич Наровчатов слушал меня молча. И недолго. Ничего не сказал. Но через некоторое время я сидела на галерке Большого театра по случаю юбилея Блока и внимала потрясающему докладу Наровчатова.

– Молодец! – похвалил меня Лесневский, разумеется, в тот вечер тоже бывший в Большом. Мы уже были на «ты».

– Неужели ты думаешь, что он меня послушал?

– Нет. Ты оказалась к месту. Он связал концы. И понял – можно попробовать.

С тех пор каждый год в июле я ждала звонка и приглашения в августе на блоковский праздник в Шахматове. От Лесневского. Должны были пройти годы, чтобы за камнем выросло здание усадьбы. Там сегодня есть все: и директор музея Блока, и главный хранитель, и зрители, и потоки посетителей. И всегда есть Лесневский. Без должности, без звания. Он – ведущий праздника у камня на поляне. Приглашая, он говорил мне всегда одну фразу. Я всегда ее ждала:

– Ты украсишь праздник.

И я каждый год ездила туда не к Блоку, он обойдется и без меня. К Лесневскому, который тоже, конечно, обойдется, но я-то знала, что будет рад. Живой Лесневский.

Не каждый год могла я приезжать на блоковский праздник, то жила в Великобритании, то еще где-то жила, но всегда в начале августа незримо переносилась туда, где неизменно вел праздник Лесневский. К Блоку или к Лесневскому? К обоим.

Объяснить, почему его приглашения были для меня словно приказы, не могу. Он скорее просил, чем приказывал, но отказать было невозможно.

Ему, одному из первых, я в 1984 году рассказала, что по подсказке Гейченко устраиваю у себя на даче в 16-метровой комнате и неотапливаемой веранде небольшую музейную экспозицию «Памяти танкостроителей»

– Получится, – сказал он, – все, к чему так или иначе прикоснулся Семен Степанович, получается. Гейченко – подлинный музейный маг.

Открыла музей. Лесневский не был в нем, но при встречах не забывал спрашивать: «Как идут танковые дела?» Давал советы, типично лесневские: осторожные, деликатные – то ли совет, то ли подсказка.

– Ты подумай, все говорит о том, что у тебя верное место. Там, где на даче после войны жил твой отец, танкостроитель, через дорогу стояли его танки и пошли по будущему твоему участку в день контрнаступления. Мистика.

Когда домашний мой музей выплеснулся за ворота, поднялось здание, началась жизнь настоящего, не домашнего музея, Лесневский радовался:

– Говорят, у тебя там стоят танки? Замечательно. Послушай, нужно поставить танк-памятник в селе Тараканово. Там были жестокие бои. В Тараканове венчался Блок с Любовью Дмитриевной.

– Знаю. Там до сих пор разрушенная церковь, где они венчались. Нужно прежде ее восстановить, а потом танк ставить.

– Нет. Если прежде появится, как символ войны, танк, будет легче добиваться восстановления церкви.

Каждый раз при встречах он напоминал мне про необходимость поставить танк в Тараканове.

Спустя годы он побывал в государственном музее «История танка Т-34». Мы провели вместе чудесный день за обедом, чаем и разговорами о поэтах, пересказывали с имени на имя, радовались тому, как многое совпадает в наших отношениях к тем или иным именам. Уходя, он сказал:

– Говорю напоследок, чтобы не забыла: ты должна поставить танк в Тараканове. И не говори, что не можешь.

Думаю, Станислав Стефанович, ты прав. Не знаю как, не знаю когда, но, если Бог даст жизни, среди моих неперемненных обязательств перед прошлым станет памятник танку Т-34 в селе Тараканово. Он будет посвящен подвигам танкистов, сражавшихся и павших здесь, и в какой-то степени, если благодаря танку восстановят церковь, Александру Блоку с Любовью Менделеевой, а для меня еще и Станиславу Лесневскому, ибо эта мысль принадлежала ему.

* * *

Он всегда для всех. Казалось, прост, но лишь казалось. Когда его сегодня называет «Стасиком» какая-то болтливая околелитературная бабенка, желая приобщиться невесть к чему, меня коробит. И не одну меня. Но знаю, он не обратил бы на это никакого внимания. Не заметил бы.

В позапрошлом году я поехала на блоковский праздник – Лесневский позвал. Мой спутник хорошо вел машину, но дороги не ведал. Мы заблудились, но наконец-то вырулили куда нужно. Утренник заканчивался. Народ расходился нам навстречу, но мне издали был виден камень, вокруг него толпились, и кто-то стоял на камне. Был солнечный день. Яркий. Безоблачный. Подойдя ближе, я обомлела. Фигура на камне была Лесневским. Он стоял крепко, хотя на том камне,

хорошо знаю, стоять не так-то легко, он весь неровный, опасный. Лесневский красный. Пот градом. Люди обступили камень и слушают заворуженно.

Как вдохновенно говорит он! Как необыкновенно!

Я умирала от страха: солнце жжет. Еще удар хватит. Увидел меня, обрадовался:

– Ты не с неба спустилась?

– Спустись сам, пожалуйста, помогите ему.

Какое там, пока он не окончил речь, опасное стояние на камне продолжалось.

Нам сказали, что после всего можно будет зайти на территорию музея, выпить чаю.

Зашли. В наспех устроенной комнатенке не нашлось даже стула, чтобы Лесневский мог сесть. Он продолжал стоять и занимался тем, что успокаивал меня, требующую к нему внимания. Чьего? Никого не было, кто мог бы все изменить. Директор к нам выйти не соизволила. Она ждала какого-то господина из Министерства культуры, где-то в усадьбе Блока.

Я увела Лесневского, по дороге громко чихвостила директоршу, напоминая ей, отсутствующей, о том, что без него здесь был бы заросший бурьяном пустырь, а не музей.

Он, разумеется, не обиделся. Уговаривал меня забыть все. Вспоминал какие-то ее заслуги. Я успокоилась, лишь когда, расставаясь, он поцеловал мне руку, сказав:

– Ты, как всегда, украсила праздник.

А ведь я опоздала и еще скандал закатила.

* * *

В последние годы, когда литературный мир, можно сказать, вымер, оставшиеся в живых стали переглядываться сквозь пустыню. Увиделись ненастоящие, прятавшиеся в больших тенях с претензиями и примазанностью к ушедшим именам: не возразят, мертвые. Лесневский все это понимал, всех видел, относясь ко всему с привычным для него любопытным интересом. Он был ходячей энциклопедией, но не научной, а худо-

жественной, если есть такая. Я полюбила звонить ему по любому литературному поводу.

В такое пустынное время он продолжал вести вечера в ЦДЛ, где умел даже скуку сделать интересной.

Странно, что он не печатал своих стихов, хотя уверена – не мог не писать их.

Зачем, стоя рядом с Блоком, сотрясать воздух? Зачем, когда сказано было четко:

Причастный тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад?

А ты придешь, Лесневский. И будешь приходить незримо, иначе без тебя погаснет последнее пламя свечи. Ты – последний из могикан XX века.

* * *

Есть воспоминание, тревожащее меня. Когда было, не помнила дня, числа, года. Многих дат не помню, но эту почему-то хотела бы знать.

Бежецк. Делегация писателей прибыла на выставку, посвященную Анне Ахматовой. Вечером должны быть выступления писателей в Доме культуры. Тут Лидия Борисовна Либединская, ярко одаренная, веселая, светлая. Тут Михаил Дудин, называвший Ахматову «Сафо двадцатого столетия», встречавшийся с нею. Тут же Станислав Лесневский, он будет вести вечер.

Легкий ужин в гостинице, и вся группа уже идет к Дому культуры. Внезапно вдалеке, приближаясь к нам, послышался цокот копыт по асфальту. Ближе, ближе, ближе. Мы шли по дороге, но перед надвигающимися звуками свернули на тротуар. Впереди был поворот. И возникла на повороте ослепительно-белая лошадь, необычайно стройная, явно молодая. На длинной шее висела, спускаясь до самой земли, серебристая цепь. При беге лошади она билась об асфальт и высекала множество искр.

Мы замерли. Лошадь неспешно миновала наше молчание, и, пока не скрылась вдали, мы провожали ее взглядами. Что скажешь? Не душа ли Ахматовой во-

плотилась в это видение? Не судьба ли ее, с цепью на шее, промелькнула тут?

– Это стихотворение, – разорвал молчание Лесневский, – но писать его не нужно. Невозможно. И так все ясно.

Когда было? Собираясь писать воспоминание, я злилась на себя за безразличие к датам. А что мне могла сегодня сказать дата? О! Белая лошадь, как символ, с цепью на шее, сорвавшаяся с привязи, свободная бежала в свое бессмертие мимо нас.

И случилось нечто – зазвонил телефон. Сотрудница Литературного музея Любовь Богданова (Богом данная?) приглашала меня выступить у них. Она сказала:

– Я впервые увидела вас в Бежецке, где была выставка, посвященная Ахматовой, и вечер, посвященный ей.

– Скажите, вы помните, когда это было?

– Конечно. 29 июня 1987 года. 23 июня у Ахматовой день рождения, и удалось открыть ее выставку в музее писателя Вячеслава Шишкова. Вечер в Доме культуры запомнился. Его замечательно, как всегда, вел Станислав Лесневский. Я даже запомнила, как вы привели строки Ахматовой:

Ахматовской звать не будут

Ни улицу, ни строфу, –

и сказали, что она не ошиблась, а Лесневский добавил, что Анна Ахматова использовала литературный прием утверждения через отрицание.

Любовь Богданова позвонила мне вечером 2 февраля 2014 года, и живое имя Лесневского возникло как свет.

4 февраля 2014

Станислав Лесневский и наш двуглас

В русском языке забытое, почти исчезнувшее слово «двуглас» (в значении «дуэт») можно найти лишь в Словаре Даля. Мы с Астафьевой полувоскресили-полупридумали это слово как название нашей совместной книги стихов, которую предложил нам издать Станислав Лесневский.

Года полтора мы отказывались, нам казалось, что мы поэты столь разные, что несовместимы и составить совместную книгу наших стихов невозможно. Но потом пришло нам в голову составить такую книгу из тех наших стихов, которые к тому времени, в течение 1960–2004 годов, выбрали и перевели польские поэты и переводчики. Лесневский согласился издать такую, двуязычную книгу, а предложенное нами название «Двуглас» ему очень понравилось:

– Да это просто Хлебников! – воскликнул он.

В польском языке «dwugłos» может значить не только «дуэт», но и «диалог» (и в переносном смысле, например, «диалог» двух машин в цеху), а в печати такой заголовок поляки дают иногда «диалогу» двух разных мнений, суждений, высказываний об одной и той же книге или проблеме. А наша двуязычная книга «Двуглас», билингва, изданная Лесневским, – это диа-

лог не только двух поэтов, но и двух языков, русского и польского, двух систем мышления.

Теперь, когда Станислав так неожиданно ушел, у нас обоих остались два чувства. Чувство огромной нашей благодарности ему за то, что он сделал для нас. И чувство нашей большой вины, что так мало общались с ним в последние его годы и месяцы, когда он явно был настроен общаться с нами, а что-то, может быть, и выговорить такое о себе, что легче и естественнее было выговорить именно в беседе с нами. Мы же, погребенные под своими болезнями, пригласили Станислава к себе лишь однажды, весной 2013 года, после выхода книги Астафьевой «Сто стихотворений» (Станислав в тот вечер предложил издать книгу в той же серии и Британишскому).

Книга «Двуглас», вышедшая в 2005-м, была бесценным подарком Лесневского. Станислав предложил дополнить (и объединить) два раздела наших стихов двумя блоками наших фотографий (а художественный редактор Дмитрий Мухин сделал книгу шедевром книжного искусства, она получила серебряную подкову на книжной ярмарке в Петербурге).

Но первые добрые дела Станислава, которые мы помним, датируются очень давними годами.

Лесневский работал в издательстве «Советский писатель» в 1961 году, когда там проходили и вышли наши вторые книги – «Гордость» Астафьевой и моя книга «Наташа», единственные лет за тридцать из наших книг выходившие без каких-либо трудностей. В издательской стенной газете были перепечатаны стихи из рукописи Астафьевой; помним Станислава, остановившегося в коридоре около этого номера газеты и кивнувшего нам.

Отклик Станислава Лесневского на книгу «Гордость» был первый в печати, в январе 1962-го. «...Книга Астафьевой – о солнце, о солнце человечности. В гордом доверии к человеку – пафос поэзии Астафьевой. Ее лирическая героиня знает только неподдельные чувства...». «Гордое доверие» – так назвал Станислав и

свою рецензию. Он вовсе не скрывает, что слова о доверии к человеку – сокращенная фраза из статьи Николая Рыленкова о первой книге Астафьевой, 1959 года: «Доверие к человеку, при всем, я бы сказал, нравственном максимализме лирической героини, – вот в чем пафос поэзии Натальи Астафьевой». Лесневский не скрывает, что пишет вслед за Рыленковым. Наоборот. В первом же абзаце своего текста он приводит – как «эпиграф» или, скорее, «камертон» дальнейшего разговора – оценочную цитату из текста Рыленкова о первой книжке Астафьевой: «...в этой книжке Наталья Астафьева предстает перед читателем как один из самых интересных наших молодых поэтов». Станислав подчеркивал преимущество своей высокой оценки второй книги Астафьевой и оценки – первой ее книги – Рыленковым.

Но дальше Станислав писал уже только от себя, как исследователь русской поэзии XX века: «...русские поэтессы нашего века отучили читателя от “дамской” лирики. Сердца лирических героев и героинь были равноправны в своем отклике на взрывные волны времени. Но вечная женственность не умерла – она стала человечески значительней, “мужественней”».

1962 год – это максимум «оттепели». Пятью годами позже, в 1967 году, в большой обзорной статье о поэзии предыдущего года в «Вопросах литературы», Лесневский писал о моей третьей книге стихов «Пути сообщения». Я не очень был доволен книгой, из которой издательство выбросило двадцать (!) стихотворений. Книга не развалилась, но из книги человека мыслящего стала, как показалось мне, книгой «поэта-геолога». Я был неправ. В 1968-м польский поэт и переводчик Ежи Литвинюк перевел из этой моей книги несколько вещей, в его ощущении геолог 1960-х годов как раз и есть мыслящий, свободный, свободомыслящий человек в России. Лесневский ощутил это годом раньше.

Когда вышла статья Лесневского в журнале, я работал в Якутии, партия базировалась в районном центре Жиганск, летала на съемки, а в выходные, то есть нелетные дни, я заходил в районную библиотеку, запи-

сался. Библиотекарши заметили мою фамилию в статье Лесневского. Лесневский писал, что лучшие книги стихов 1966 года – это «Катер связи» Евтушенко и «Пути сообщения» Британишского. Он точно уловил общность названий и темы обеих книг. Тема сформулирована в первых же строках моей книги: «Взаимопонимание людей –/ настойчиво желаемое чудо...». Это общность и двух книг, и того, что стремились делать поэты «оттепели».

Библиотекарши попросили меня выступить. Пришло все мужское русское население поселка. Слушали внимательно, а по окончании один мужчина подошел ко мне и попросил:

– Поедете в Москву – скажите московским писателям, чтобы все они были такими, как Евтушенко!

Необязательно, чтобы все были похожи на Евтушенко. А быть такими, какими хотели быть поэты «оттепели», вот-вот будет уже невозможно. «Оттепель» кончалась, сменялась застоем, застой сгущался, становился удушающим. В ноябре 1967-го я написал еще одно стихотворение и перестал писать стихи. Закончу книгу прозы, буду переводить, писать статьи. Но не стихи. Три с половиной года. В эту долгую немоту я уйду с добрыми словами Станислава Лесневского о моей последней – надолго – книге стихов.

Двадцать лет спустя, в начале совсем новой, еще неясной нам (и всем) эпохи, был у меня неожиданный откровенный разговор со Станиславом.

20 января 1986 года умер после неудачной операции на сердце поэт и переводчик Марк Самаев. Дня два или три спустя с ним прощались в Доме литераторов, а в похоронном автобусе мы со Станиславом Лесневским оказались рядом. И Станислав неожиданно захотел рассказать мне, что он – верующий христианин и что это у него – с первых послевоенных лет, от тогдашних университетских профессоров.

Верующим я никогда не был, а период интенсивного интереса к раннему христианству, особенно к общинам христиан первого поколения, я пережил гораздо позже.

В августе 1956-го я уезжал в Сибирь с карманным четвероевангелием в кармане и переписанными от руки евангельскими стихами Пастернака в тетрадошке. Уважение к Христу как пророку, реформатору, еретику, уважение ко многим его высказываниям, уважение к евангелиям и их авторам сохранил. С уважением относился к искренне верующим простым людям в провинции и сельской местности, где работал. Верующим не стал.

Но разговор со Станиславом 1986 года мне запомнился.

Помнится и совсем другой эпизод. Где-то в 90-х годах я забрел на собрание московских критиков. Выступавший там резко и пренебрежительно высказался о Маяковском. Сидевший поблизости от меня Станислав Лесневский громко воскликнул:

– Если ты не уважаешь Маяковского, уважай себя! Мы же все на нем росли!

Лесневского возмущала чересчур быстрая «перестройка» некоторых людей в годы так называемой перестройки.

Сам Лесневский писал и о Маяковском тоже. Одна из его книг о поэзии XX века названа полустроичием Маяковского «Я к вам приду». Но больше всего, постоянное всего он писал все-таки о Блоке. Хотя уделял внимание и любовь очень многим другим поэтам разных поколений.

Для Астафьевой Блок – один из самых любимых поэтов, как Лермонтов, Некрасов, Маяковский, Есенин, Пастернак, Цветаева, Мандельштам. Блок упомянут уже в ее стихотворении 1947 года. Для меня, ровесника Лесневского, как для многих людей 1930-х годов рождения, с Блоком – дело особое. Тут и 1951 год, когда школьный учитель литературы доверительно рассказал нам, десятиклассникам, что учителей вызывали в РОНО и что готовится учебник литературы без Блока. Тут и 1955 год, когда мы сидели с товарищем, тоже начинающим поэтом, в Таврическом дворце, слушали доклад Владимира Орлова по поводу 75-летия Блока, сидели обнявшись и – плакали!

В начале 1980-х я написал стихотворение о переписке Блока и Белого. Российского издания переписки тогда не было. Чтобы прочесть переписку, нужно было заказать зарубежное издание, пленку, подняться по лесенке в зал, где читали такие пленки, и сидеть там, глядя в «микроскоп».

Позже переписку издал, конечно же, Станислав Лесневский.

В блоковских местах мы с Астафьевой бывали еще до 1970 года, до того, как Лесневский восстановил блоковскую усадьбу и установил традицию блоковских праздников. А я был однажды в тех местах и экскурсантом. Экскурсии водил по тем местам Марк Ляндо, поэт и экскурсовод. Из архитектуры была только церковь. А большую часть того, что хотел сказать экскурсовод-энтузиаст, он рассказывал поодаль, на свежем воздухе, на природе. Позже мы с Астафьевой возили – уже в блоковскую усадьбу – наших внуков. Не на праздник, а в обычный летний день.

Вот мы и дошли до 2000-х годов, до «Двугласа». Предисловие к нашей двуязычной книге написал Адам Поморский, ныне президент польского ПЕН-клуба, поэт, знаток русской поэзии, культуры, истории, переводчик не только некоторых наших стихов, но и Вячеслава Иванова, Бунина, Гумилева, больших томов Хлебникова, Ахматовой, огромного тома Мандельштама (стихи и проза), заново переведший два романа Достоевского, заново переведший гетевского «Фауста», переводящий также с английского, украинского, белорусского.

В 2010-х годах – серия издательства Лесневского «Сто стихотворений». До этого Лесневский издавал, за редкими исключениями, только поэтов-классиков. Новая серия была для современных поэтов. Для Астафьевой – на редкость ко времени. Ее последняя до того книга «Изнутри и вопреки» вышла в начале 1994-го. В «Двуглас» вошли ее стихи, написанные не позже 1993-го, только их и успели к 2004 году перевести поляки (после 2005-го они перевели еще многие сотни

строк). Астафьева много писала в 1995–2012 годах и в книжку новой серии многие из новых стихов включила. И стихи о матери и ее могиле, и стихи о Польше, и стихи о гибели русского крестьянства и земледелия, и стихи о новой эпохе, безжалостной к бедным и бездомным. Но включила и давние – о Лебедяни, о тундре, о Кавказе и Крыме, о поездке в Закавказье в 1985-м, о подмосковных прогулках.

Спасибо Станиславу, что стал издавать эту серию.

И спасибо ему, что задумал и провел наш вечер 11 ноября 2013 года в Доме литераторов. Опять-таки он, Станислав. В тот вечер он хорошо выглядел. Был бодр. Даже моложав. Под конец, в суматохе, когда мы подписывали книжки, предложил отвезти нас.

Мы ответили, что здесь наши внуки. Один из них и увез нас. А Станислав остался один.

Какое-то время мы не звонили ему. У меня была операция глаза. И несчетные хронические болезни у нас обоих. А потом Станислав на мой звонок по мобильному с трудом ответил, что он в больнице и что ему трудно говорить.

И все. И панихида в том же зале. Два месяца спустя.

Три эпитафии

1

Дорогой наш Станислав!
Лютый жребий был неправ
(русский жребий – польский los),
что от нас тебя унес.

Он унес тебя от нас,
угасил твой добрый свет,
что светил нам столько лет
и, увы, угас.

2

Станислав Лесневский – крупный
и хороший человек,
совестливый, неподкупный,
добрый в наш жестокий век.

Ничего не изменила
свежая его могила.
Он забвения избег –
в нас его любовь и сила.

Вот он смотрит из-под век
(в памяти у нас у всех)...

Остается все, как было.

3

Спи, Стасик!.. Наша скорбь надгробна.
В тебе мы потеряли брата.
Невосполнима и огромна
эта внезапная утрата.

Среди хапуг или эстетов
ты не был ни рвачом, ни снобом.
Ты был опекуном поэтов –
над чьим еще скорбеть мне гробом!

Шепчу, как бы склоняясь над прахом:
– Земля тебе пусть будет пухом!..
Над бездной мы стоим со страхом,
а ты витаешь светлым духом!

Январь–февраль 2014

Несбывшееся – воплотить!

Всякий раз, когда я думаю о Станиславе Лесневском, я вспоминаю блоковское Шахматово, узкую песчаную дорогу под навесом еловых веток, просторные дали, вид с холма... А еще – огромный ледниковый валун, перенесенный на поляну, где много лет подряд в день рождения Блока проходил праздник, учрежденный по инициативе Станислава. Здесь все и теперь уже навсегда связано с многолетним подвижническим трудом Станислава Лесневского. И восстановленный дом Александра Блока, и сама традиция собираться на этой поляне в первую субботу августа – все это плоды его неустанной деятельности, а еще точнее – плоды его творчества как литературоведа и исследователя. И сейчас невозможно представить этот день без Лесневского, как невозможно представить без него и современное блоковедение – так много он внес живого творческого участия в науку о любимом поэте.

Однако интересы Станислава Лесневского никогда не были ограничены лишь академической литературоведческой сферой. С неиссякаемым интересом относился он к современной поэзии. Многие и многие поэты, и я в их числе, могут это подтвердить. Он издавал книги современной поэзии, он принимал непременно

участие в поэтических выступлениях и обсуждениях. Могу сказать о себе: Станислав несколько раз вел мои поэтические вечера, а если не вел, то присутствовал на них и выступал с глубоким, интересным и участливым словом.

Станислав Лесневский был редкостным явлением в литературной среде. Он был идеалистом и подвижником – тип такого человека сейчас уникален. Иногда я думаю, что стихотворение Александра Блока «О, я хочу безумно жить!» обращено непосредственно к Станиславу – настолько точно в своей жизни он следовал поэтической мысли, и для меня эти строки, вольно или невольно, всегда ассоциируются с его жизненным и творческим credo:

О, я хочу безумно жить:
Все сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, –
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!*

Почти сорок лет я дружил со Станиславом, многим ему обязан, его уход – невосполнимая личная потеря.

Память о нем никогда не затмится в моей душе.

ШАХМАТОВО

Памяти Станислава Лесневского

Шахматово. Узкая дорога
под навесами еловых лап.
Надо подождать еще немного –
час, а может, полчаса хотя б.
Просто посмотреть на это небо,
просто в эти дали заглянуть,
и потом, как это ни нелепо,
блоковского воздуха глотнуть.
Вот под вечер алой полосой
слепо разливается заря,
дождик сеется струей косою,
каплями огнистыми горя.
Все как было. Все как есть и будет.
Лишь тебя здесь будет не хватать.
Душу птица певчая разбудит,
память станет в облаках мерцать.
Ты сольешься с этою землею,
с этим небом, ельником, кустом,
и тебя каймою золотою
обовьет за неземным мостом.

19 января 2014

**Блоковским жестом
пропавших времен...**

На карманных, старинного образца, круглых с резной крышкой часах – пять двадцать.

Отсчет времени – попал в кадр. Осенне-зимний вечер, я фотографирую Станислава Стефановича и делаю короткие видеозарисовки в редакции его издательства на Тверском бульваре.

Почти зима, середина ноября.

Последняя наша встреча.

А может быть, – и последняя его съемка.

Но никому об этом еще не известно. И я и сейчас все еще там, в его кабинете, и, сместив неукоснительно-неумолимый ход месяцев и дней, веду рассказ, этот репортаж из прошлого, – в настоящем времени.

На книжных полках, сбоку от письменного стола, за которым Лесневский принимает посетителей, знакомых литераторов, друзей, – иконы, рядом с ними портреты выдающихся русских поэтов, вышедшие в его издательстве книги.

Рассеянно и как бы машинально, медленным движением твердой руки он аккуратно сдвигает на середину стола круглые карманные часы на цепочке с приоткрытой резной крышкой, ставя в один ряд с мобильным телефоном и шариковой ручкой, разговаривая при этом и, видимо, одновременно думая о чем-то своем.

Его кабинет в редакции издательства «Прогресс-Плеяда» – на Бульварном кольце. От метро быстрым шагом – минут пятнадцать, вдоль старинных особняков. Мой обычный путь, когда прихожу повидаться. А там и редакция. В ней встречаются с ним, издателем, главным редактором, высокообразованным, мудрым человеком, будущие авторы, там он дарит – просто дарит! – недавно изданные сборники, здесь возникают идеи необычного формата уникальных книг классики, обсуждается выход сборников авторов современности.

И над всем со стены – лицо Александра Блока из размытой дымки огромного портрета. Его поэзии литературовед, подробный исследователь посвятил свою жизнь.

И опять на полках и на столах – книги, книги. Вот на одной – схваченные плотными листами бумаги стопки – для предстоящей в конце ноября международной книжной ярмарки. Лучшие имена, гордость русской литературы.

Слышала о мощном издательстве, где редакционный совет неоднократно выбрасывал из своего плана Бориса Пастернака. Объяснение простое и страшное: – нет спроса, автор не продается, неплохо «идут» поэты, на стихи которых писали песни, и по этой причине еще как-то известные широкой аудитории. Все упрощено до предела. «Мир прост. Ужасней простоты / Нет ничего на этом свете...» – как сказал Е. Винокуров. Об уровне издаваемого не слишком беспокоятся – важнее всего сами продажи. И Б. Пастернака «не отстаивают».

Станислав Лесневский не соотносил свои намерения и планы с этой существующей трагической реальностью, не потворствовал упрощенным заниженным вкусам времени, а вытягивал ситуацию изданиями книг замечательных авторов на должный достойный уровень.

Известно, что Россия считается четвертым земным Уделом Пресвятой Богородицы. Крепок и нерушим этот Удел и в эти ненастные для литературы дни,

С Зоей Межировой
ЦДЛ. 7 ноября 2013

если издаются великие, значительные книги. Благородный подвиг С.С. Лесневского. Безоглядное служение Слову.

Как в военные годы страна теряла в битвах бойцов, боровшихся за освобождение своей земли, так Русская Литература потеряла сейчас в лице Станислава Лесневского истинного воина, неуклонно, за пядью пядь отвоевывавшего ее пространства у жерла забвения, возвращая сокровища родного языка современникам.

Совсем недавно, еще до нашей встречи в редакции, 7-го ноября, он открывал вечер 90-летия Александра Межирова в Большом зале ЦДЛ, произнеся яркую всеохватную речь. Оба многие годы вели семинар поэзии на Высших литературных курсах (ВЛК) при Литературном институте им. Горького, и литературовед и критик Станислав Лесневский, знаток русской культуры и истории, своими беседами и лекциями пробуждал у слушателей и понимание необходимости стремления к глубоким литературным знаниям и посеял искры огня вдохновения.

Холодной промозглой зимой 2011 года на презентацию моей книги стихотворений «Часы Замоскворечья» в Булгаковском доме Станислав Стефанович, хворая, не смог прийти и прислал невероятной красоты букет огромных бутонов продолговатых шелково-пурпурных роз на длинных сильных стеблях.

Вскоре я отправила ему короткий «отчет» – видеоролики с записями чтения стихотворений с презентации и строки благодарности за те цветы.

* * *

Я послал тебе черную розу в бокале...

А. Блок

С.С. Лесневскому

Льющимся шелком слепящие розы
Посланы Вами. И мрак озарен
Сквозь патриаршие эти морозы
Блоковским жестом пропавших времен.

Ровным сияньем горящие жарко.
К райским пределам бесшумная нить.
Может ли быть драгоценней подарка –
Вольно пылают. И не погасить.

Вот хранимый мной его ответ:

«Дорогая Зоя! Изумлены и очарованы Вашими волшебными стихами и Вашим удивительным посланием. <...>

Обнимаю Вас

Станислав Лесневский»

Неугасима горькая печаль потери для всех ценивших Станислава Стефановича, истинного интеллигента старого времени с сердцем, горевшим любовью к литературе. Сколько стихотворений он помнил наизусть уже и в немолодые годы. И как прекрасно, с верной интонацией, которую ощущают и передают только поэты, их читал. Помню его чтение М. Волошина в Коктебеле в 2012-м перед домом-музеем, где проходил очередной международный волошинский фестиваль. Бодрая сила

Венок Станиславу ЛЕСНЕВСКОМУ

души, преодолевая слабеющее тело, гнала его в большие города и малые уголки, туда, где должно было звучать поэтическое слово.

Не погасить страданий этих дней января.

Еще безотрадней осиротел литературный процесс и сама наша литература с его уходом, и без того, как отмечают, переживая распад иерархии.

Его называли Рыцарем русского слова, таким он и останется навсегда в памяти за благородство жестов своих вдохновенно-бескомпромиссных деяний.

19 января 2014

Штат Вашингтон, США

Родная тень

Этот уход я еще решительно не в силах осознать и смириться. Но день ото дня мне становится все грустней и потеря кажется все более значительной и катастрофичной. Ушел один из немногих благородных идеалистов нашей словесности и безусловно единственный идеалист издательского мира. Дававший жизнь только хорошим, превосходным, бесценным книгам без оглядки на прибыль. И даривший эти книги всем, кому они были жизненно нужны. Конечно, заметим, что для подобной щедрости нужно было иметь еще и такую замечательную, самозабвенную сестру, имевшую возможность поддержать самые дерзновенные издательские начинания, безумно любящую влюбленного в литературу брата. Но ведь все в мире связано, все от небес, в том числе и это счастье и благословение...

Летом 1975 года игрой судьбы я временно заведовал поэзией в журнале «Дружба народов». Однажды в комнатку, где я сидел, испытывая головную боль от груды графоманских рукописей и помышляя о побеге, вдруг вошел еще незнакомый мне, наблюдавший лишь издали Станислав Стефанович Лесневский. И, поглядывая на меня зорким, пронзающим оком, то над чем-то посмеиваясь, то сурово напрягаясь, сразу

завел чрезвычайно откровенный разговор о поэзии не так давно погибшего Николая Рубцова, перешедший в еще более рискованную беседу о творчестве совершенно запретного Николая Клюева. В чем была причина такой доверительности в эпоху тотального контроля и даже рутинного прослушивания разговоров? Возможно, имелся навык, вглядываясь в лица, мгновенно разбираться в людях. Весьма вероятно, Лесневский что-то слышал обо мне от Межирова. Но в любом случае сам он был человеком дерзновенной отваги. И, пожалуй, никогда не скрывал своих взглядов. С некоторыми из его мнений и предпочтений вольно было не соглашаться (и кое с чем лично я и сейчас не согласен). Но сама чистота исповедания и сопутствующая самоотверженность не могли не вызывать уважения.

По возрасту и юношескому умонастроению принадлежавший к юношам-шестидесятникам, глотнувшим свежего воздуха свободы и захлебнувшимся, Лесневский смог преодолеть predeterminedную поверхностность и естественную узость шестидесятичества «оттепели». Природное чутье, литературный вкус и интуиция, способность к быстрому саморазвитию так рано помогли ему вплотную подойти к сумме идей Серебряного века и установить с этой цветущей эпохой «сердечную связь» (решаюсь здесь воспользоваться выражением Константина Аксакова). Об итоге эволюции говорит многозначительная обыденность ежегодного паломничества не только в любимое блоковское Шахматово, но и в Троицу, на могилы Леонтьева и Розанова.

Я назвал имя Александра Межирова, которое всегда было дорого и Лесневскому и мне. Его блистательное присутствие в литературе и приятельство с ним, а потом и память о нем, находившемся за тридевять земель, за океаном, а потом (сравнительно недавно) и ушедшем в мир иной, все это нас поистине роднило. Предполагаю, что у Межирова на закате жизни не было более близких людей. Мы даже не раз собирались совместно навестить его в изобильном, но не слишком нежащем душу Оре-

гоне, однако наше откладываемое из месяца в месяц, из года в год намерение не осуществилось, мы опоздали. Давние уроки внутренне свободного, не купленного режимом автора стихотворений «Коммунисты, вперед!» и «Мы под Колпином скопом стоим...» были важны, а учил он, собственно, тому, к чему душа и сама стремилась: верно и смиренному служению родной литературе и тем самым родной стране. Давал пример доброжелательства, терпимости, совести. Поражал силой и блеском ума, памяти, эрудицией. Совестьливый, отзывчивый, умный и также обладавший мощной памятью, но, главное, безумно любивший поэзию и понимавший ее Лесневский совсем неслучайно стал помощником Межирова, руководителя семинара поэзии на Высших литературных курсах. Я помню, как Александр Петрович обсуждал со мною возможность кандидатуры Станислава Стефановича и перечислял его достоинства, внутренне, конечно, уже приняв решение. Их сотрудничество стало великолепным и плодотворным, оно осталось памятно многочисленным слушателям Литературных курсов, среди которых было много заметных и даже выдающихся поэтов разных народов.

Станислав Стефанович Лесневский обладал выраженным характером, никогда не был мягок, податлив и бесхребетен, бывал резок, порывист, вспыльчив и неотступно напорист. Не боялся приобретать врагов, но его уважали и недруги, которых в конце концов было немного. Тех же, кого он любил, умел любить сильно, без оглядки на мнения и репутации. Он и вообще был вдохновенно влюбчив, страстен, лихорадочно горяч – никогда не холоден и не тепел. Все эти свойства вызывают мое восхищение. Но, увы, я тоже вспыльчив и самонадеянно горяч, и случалось, наша дружба прерывалась... Все же я счастлив, что на протяжении ряда последних лет наши отношения были и приятельскими, и подлинно дружескими. Что у нас были совместные литературные замыслы, что я по его просьбе подготовил к изданию рукописи нескольких книг, коим, как видно, не судьба быть изданными (но, пожалуй, я не

зря потратил время, с головой погрузившись в сферы, воздух которых волновал и Лесневского и меня). Что оба мы звонили друг другу множество раз и говорили подолгу, что нередко встречались и на выставках, и в застольях, в том числе импровизированно возникавших в издательстве, выступали вместе на поэтических вечерах, ездили в Шахматово. Мне греет сердце надпись, сделанная Станиславом Стефановичем на его последней книге, подаренной мне: «Дорогому другу...». И воспоминание о последней встрече в больнице, где, настояв на том, чтобы мы вместе выпили вина (больной тоже сделал один глоток), Лесневский впервые за десятилетия общения прочитал мне собственные стихи... Я видел, что ему плохо, что болезнь крайне серьезна, но все же не ведал диагноза и не думал, что это последняя наша встреча. Вероятно, Станислав Стефанович уже в те мгновения понимал все... А ведь еще в ноябре он с большой силой говорил, выступая на вечере, посвященном 90-летию Межирова, и, не сбившись ни в слове, читал наизусть межировские стихи.

Наследие его кажется мне значительным. И собственные искренние и основательные, пылкие и тщательные работы. И, разумеется, десятки и сотни книг, изданных им на протяжении двадцатилетия. Я всегда предполагал, что драгоценное по качеству продукции, но и столь разорительное издательство будет существовать, лишь пока жив главный редактор. И вот его нет. Но и сама «Плеяда», и ее книги уже стали фактом русской культуры. Не только издательской.

Лесневский был в литературе фигурой примиряющей, враждебной только пошлости и бескультурию, к несчастью, торжествующим и погибельным. Он объединял, соединял и мирил людей, преданных великой русской культурной традиции. Давал понять литераторам разной окраски и оперенья, что только это сейчас главное, единственно важное и решающее. Но вот его не стало... Нет Лесневского, значит, не будет особой интонации, особой тональности литературных вечеров, проводившихся им в ЦДЛ. Не будет его семинара в

Литературном институте, и нечем заменить Лесневского-лектора. Осиротеет воссозданное им из пепла и грязи Шахматово (я-то еще помню на месте бекетовского дома сырую яму с кирпичом на дне). Не будет столь пламенной и самозабвенной декламации блоковских стихов. Стоя на доисторическом камне, Лесневский в самый миг чтения был конгениален Блоку, и срывавшиеся с его уст звуки, кажется, одновременно уничтожали неизбежную, навязанную спутницу торжества, районную графоманию. Теперь она будет там всевластна. Ему бы еще жить да жить!

«Но из безмолвного общенья / Жильца земли с жильцом могил / Не раз шли первые движенья неудержимо мощных сил» (Случевский). Начатый при жизни разговор Станислава Лесневского с Владимиром Соловьевым, Андреем Белым, Осипом Мандельштамом, Николаем Клюевым и, конечно, с Блоком все не прерывается. Но вот он и сам, перейдя роковую черту, остается нашим собеседником. Теперь и на некоторых улицах Москвы, и на необъятных шахматовских блоковских просторах нами будет внятно ощущаться присутствие его тени. И эта тень любезна сердцу, близка душе...

На весенний праздник света
Я зову родную тень.
Приходи, не жди рассвета,
Приноси с собою день!

Дорога в Оптину пустынь

Я не так много встречала людей, которые так же, как и я, любили бы, как я говорю, «шататься». Или – как сказал поэт – «скитаться здесь и там, дивясь божественным природы красотам». И вот со Станиславом Стефановичем в этом смысле мы были очень похожи. Путешествовать по российским городам, по великим нашим губернским и уездным городам с древней историей он не то что любил, он, по-моему, просто не представлял свою жизнь без этого.

Козельск, Малоярославец, Таруса, Калуга... В Оптиной пустыни мы побывали, когда обитель еще лежала в руинах. Но монастырская жизнь уже восстанавливалась. Это был Рождественский сочельник 1989 года, когда мы со Станиславом Стефановичем, добравшись от Козельска на автобусе до определенного места, дальше шли пешком до Оптиной через дремучий лес. Постепенно стемнело, несмотря на довольно ранний час – к вечерней службе мы шли. И вдруг в темноте видим, навстречу идет характерного такого вида женщина, сразу было видно, что церковный человек, и непривычно для того времени. Когда она приблизилась, Станислав Стефанович спросил: «Матушка, далеко ли еще идти?» И я удивилась, что он знает такие слова, такой обиход.

В то время столько всего нахлынуло нового: православный мир, «запрещенная» литература – и все это совпало с началом моего общения со Станиславом Стефановичем и навсегда связано именно с ним. Именно он тогда направлял мое восприятие происходящего в стране, в литературе, как принято сейчас говорить, – «расставлял акценты». От Станислава Стефановича я узнала, что есть такие журналы – «Наше наследие», и чуть позднее – «Новое литературное обозрение». Именно из его рук я впервые их получила. И эти, пожалуй, одни из самых безупречных наших «культурных проектов» и сегодня для меня многое значат.

Я бесконечно благодарна Станиславу Стефановичу за его участие в формировании моего вкуса. И в литературе, и в чем-то совсем простом. Если, скажем, он говорил мне: «Так причисываться – провинциально», – я понимала, слушалась... Да, Станислав Стефанович был человек с безупречным вкусом. Не могу сказать, что таких уж очень мало встречала. Но все же и не так много.

Не скажу что-то новое: да, им двигала во всем «тоска по мировой культуре», говоря словами Поэта. Он всегда был внутри Культуры.

У него было необыкновенное, искрометное чувство юмора. Помню, в Тарусе мы подходили к дому, он вез Анечку в коляске. У подъезда молодежь, самая такая «напряженная» молодежь, – подростки, возились, тузили друг друга, ребята и девчонки. Не давали пройти. Подходя, он театрально-тревожно ну вроде как прикрикнул: «Осторожно!» Молодежь напряглась, уже готовая «защищать» себя. Но только миг, секунда была между его первой и второй репликами. «Все кончается детской коляской!» – добавил он. Ох, какое громовое ржание тут раздалось... Как счастливы были бедные подростки увидеть «нормального» взрослого...

«Не осуждай!» – говорил он иногда в ответ на мою... «женскую» какую-то глупую болтовню. И мне жаль ужасно, не могу вспомнить, по поводу чего он так сказал в последний раз, в последние свои дни...

Дорога в Оптину пустынь. 1989

Как жадно в эти дни он искал встречи с тем, что было ему дороже всего, – вслушивался в авторское чтение стихов своими любимыми поэтами (хорошо, что есть на свете Интернет), вглядывался в их черты. 14 января, во вторник, он узнал, показала ему на Фейсбуке, что Литмузей выпустил календарь с фотографиями Ахматовой. Тут же, уже с большим трудом, но настойчиво сказал: «Купить...» Календарь, подаренный музейщиками, принесли ему в четверг, повесили прямо напротив. Облик любимого поэта почти еще два дня был у него перед глазами.

**Ты только присмотри,
чтоб цел был Дом Поэта...**

Для названия своих воспоминаний, посвященных памяти С.С. Лесневского, я выбрал заключительную строку из стихотворения А. Ахматовой «Александр у Фив». Александр Македонский, разорив и уничтожив Фивы, в неприкосновенности оставил лишь дом древнегреческого поэта Пиндара. С.С. Лесневский никогда не был разрушителем, исключительно – созидателем, и всю свою жизнь он посвятил спасению Домов Поэтов. Сколько их было...

Большинству он известен как тот, кто проложил тропу к Блоковским местам Подмосковья, которые он впервые посетил в 1969 году и все последующие годы не покидал этих краев, ежегодно, начиная с 1970 года, организовывал там августовские Блоковские праздники поэзии, которые посетили тысячи почитателей русской поэзии. В результате его постоянной подвижнической деятельности в Шахматове в 2001 году возродилась уничтоженная и сгоревшая в 1921 году усадьба А.А. Блока.

Однако здесь мне хочется рассказать об участии С.С. Лесневского в спасении другого Дома Поэта, точнее, двух Поэтов, о котором Ахматова сказала в «Записных книжках»: «Слепнево 1911–1917. Его огромное

Посещение школьного музея в селе Сулежский Борок
Март 1987

значение в моей жизни». И еще: «Слепнево для меня, как арка в архитектуре. <...> Сначала маленькая, потом все больше и больше и наконец – полная свобода (это если выходить). <...> Слепнево. Его великое значение в моей жизни. <...> 1911. Слепнево – русская речь – природа – люди. <...> Слепнево, Бежецкого уезда, Тверской губ<ернии>. (Каждое лето с 1911 до 1917)». Сразу же замечу, что Анна Ахматова в те отмеченные ею годы, когда она каждое лето проводила в Слепневе, официально, по мужу, носила другую фамилию – А.А. Гумилева, так как с 1910 по 1918 год была женой другого великого русского поэта Н.С. Гумилева, матери которого, А.И. Гумилевой, урожденной Львовой, принадлежало имение Слепнево, расположенное недалеко от города Бежецка в Тверской губернии. Как и блоковское имение, усадьба Слепнево после революции была разорена, и все семейство, постоянно там проживавшее, переехало в Бежецк. Дом был реквизирован и долгие годы стоял бесхозным, обреченным на разрушение. Находившаяся при имении деревня Слепнево посте-

пенно вымирала. Деревня располагалась на отшибе, в 12 верстах от расположенного на тракте большого села Градницы, где располагались Троицкая церковь и погост, на котором хоронили всех обитателей Слепнева и их родственников. Однако в 1935 году случилось непредвиденное. В Градницах сгорела местная сельская школа, и ее надо было срочно восстанавливать. Было принято решение использовать для школы усадебный дом в Слепневе. Дом был аккуратно разобран и перевезен в Градницы. Работы выполняли опытные мастера. Дом был сориентирован так же, как он стоял в Слепневе. Были сохранены все интерьеры, уцелела воспетая в стихах Ахматовой крутая внутренняя лестница на второй этаж, где жили поэты, была даже использована старая железная кровля.

Так и простоял этот дом на видном месте в селе Градницы до середины 1980-х годов, принимая в свои стены каждый год новых учеников, но ничего не помня о прежних обитателях. Однако, справедливости ради, не могу здесь не назвать двух местных жителей, постоянно помнивших о прежних хозяевах дома и очень много сделавших для увековечивания их памяти в «темные годы», постоянно при этом набивая себе шишки, встречая упорное сопротивление местных властей. Напомню, что если имя Ахматовой, хоть и шепотом, произносить все-таки разрешалось, то имя Гумилева, расстрелянного советской властью, было под полным запретом. Долгие годы единственными хранителями памяти оставались житель Твери, участник войны, бывший морской офицер, краевед Дмитрий Васильевич Куприянов и старожил Бежецка Виктор Семенович Анкудинов, одноклассник Льва Николаевича Гумилева по бежецкой школе (в 1920-е годы), с которым он поддерживал отношения и переписывался вплоть до своей смерти в марте 1985 года. Например, он передал мне переписку между ними, относящуюся к публикации романа В.А. Чивилихина «Память», в котором последний обрушился на Л.Н. Гумилева с критикой, напоминающей политический донос. Каждый год Куприянов и Анкудинов уста-

навливали «мемориальные знаки» на Слепневском холме, рядом с воспетым Ахматовой дубом:

Бессмертник сух и розов. Облака
На свежем небе вылеплены грубо.
Единственного в этом парке дуба
Листва еще бесцветна и тонка...

Только благодаря такому мемориальному знаку случайный путник мог отличить ставший безжизненным Слепневский холм от многочисленных других, очень похожих друг на друга холмов, образующих эту местность. Такой знак помог и автору, когда поздней осенью в начале 1980-х годов он предпринял самостоятельную попытку разыскать памятные ахматовские места. Но знаки эти были как бельмо в глазу для местных властей, и каждый год, не жалея сил, несмотря на заброшенность и удаленность Слепнева от проезжих дорог, они приезжали туда и уничтожали «самочинные мемориалы».

В те годы автор сдружился с Д. Куприяновым и В. Анкудиновым, и нами была осуществлена в Бежецке еще одна, не менее важная акция. На местном кладбище были восстановлены утраченные могилы матери поэта А.И. Гумилевой и его сестры А.С. Сверчковой. Оригинал «Акта» о восстановлении могил был подписан Л.Н. Гумилевым и хранится у автора.

В начале 1980-х годов вдохнуть жизнь в Слепневский дом в Градницах предпринял ленинградский литератор М.М. Кралин. Он переехал из Ленинграда в Градницу и устроился учителем в расположенную в «Доме Поэтов» школу. Однако вскоре в Калининский обком поступила «телега» о том, что «Кралин создает при попустительстве местных властей антисоветский музей Гумилева», и ему пришлось несолоно хлебавши вернуться в Ленинград. С тех пор местные власти особо рьяно принялись «охранять» свои позиции от инородного вторжения.

Возможно, так и продолжалось бы в последующие годы, если бы в 1985 году не пришла перестройка и поч-

ти совпавшее с нею столетие Н.С. Гумилева. Начиная с 1985–1986 годов мне удалось заинтересовать «Домом Поэтов» С.С. Лесневского, и начались наши многочисленные поездки в Бежецк. Естественно, уговаривать его не пришлось, и он сразу же «ринулся в бой», начав регулярно посещать кабинеты местных начальников. Но одновременно он, как истинный подвижник, с большим удовольствием, чем посещение начальственных кабинетов, регулярно организовывал встречи с местными жителями, рассказывая им об их знаменитых соотечественниках. Причем условия проведения встреч и состав аудитории для него были совершенно не важны. Никогда не забуду один такой вечер, из самых первых, состоявшийся в начале марта 1987 года в замороженном Доме культуры села Градницы. Температура в зале была ниже нуля, все сидели в шубах, основными слушателями были школьники, в основном почему-то младших классов. Ребята честно просидели почти два часа, слушали внимательно, хлопали. Помимо выступления Лесневского им был показан слайд-фильм, рассказывавший о поэтах и памятных местах, созданный по инициативе Лесневского и подготовленный автором публикации. Фильм сопровождался чтением стихов Т.М. Лисичкиной. Думаю, что только так, а не торжественными мемориальными вечерами для избранной публики можно засеять заросшее сорняками поле нашей культуры.

9 декабря 1986 года в Центральном Доме литераторов С.С. Лесневский вместе с В.П. Енишерловым организовали первый вечер, посвященный «Дому Поэтов». Это был вообще первый в стране вечер, на котором открыто прозвучало имя Николая Гумилева. Знаменательно, что на этом вечере присутствовал и Л.Н. Гумилев, который, как правило, впоследствии игнорировал большинство мемориальных вечеров, посвященных своим родителям. Причем он не просто присутствовал, а принял в нем живейшее участие, несколько раз выступив с различными сообщениями, рассказав о своей жизни в Бежецке, прочитав и подробно разобрав ряд стихотворений своего отца. Вечер этот и все выступле-

ния, в том числе Л.Н. Гумилева, были записаны автором, некоторые из них были опубликованы в журнале «Наше наследие» № 9 (III, 1989).

Начиная с этого времени, мы с С.С. Лесневским бывали в Бежецке и Градницах по несколько раз в год. Ведь близился еще один юбилей – столетие Анны Ахматовой, 1989 год. И было принято решение широко отпраздновать эту годовщину. Тут уж местное начальство вынуждено было сдать свои позиции. Но все-таки оно сумело нанести удар – с неожиданной стороны! Под тем предлогом, что старое здание школы стало тесно для учащихся (возможно, на самом деле так!), была построена новая каменная школа, а старая, «Дом Поэтов», была брошена на произвол судьбы и оставлена бесхозной. Не секрет, во что может обратиться старый деревянный дом, если его все покинут, – либо он превратится в руины, либо «случайно» сгорит. Ведь никаким официальным «памятником культуры» он тогда не числился и никакой ответственности за его сохранность никто не нес. Справедливости ради скажу, что мемориальная комната Ахматовой в 1987 году, усилиями того же С.С. Лесневского и сотрудников Тверского музея, в доме была открыта, но она почти никем не посещалась. Два года дом все-таки простоял, постепенно ветшая и ветшая. А шел уже 1988 год. Пришлось подключить «тяжелую артиллерию», и в марте 1989 года в газете «Советская культура» появилась заметка «Исполком и “Дом Поэтов”», подписанная многими видными деятелями отечественной культуры, в том числе хорошо знавшими А. Ахматову, а также привлеченным к реставрации дома начальником реставрационной мастерской объединения «Союзреставрация» И. Шургиным.

Начались срочные работы по реставрации дома, в ходе которых было сделано несколько удивительных открытий. Ранее, когда мы с Лесневским выступали в различных аудиториях, часто приходилось отвечать на вопрос: не лучше ли вернуть «Дом Поэтов» на исходное место, в Слепнево? Одним из наших аргументов, поми-

мо того, что село Слепнево давно полностью вымерло и труднодоступно, против этого был тот, что дом этот как бы преднамеренно поставлен не на случайное место, а на «свои корни». Его установили там, где ранее располагалось уничтоженное кладбище села Градницы, где хоронили всех местных, в том числе и слепневских обитателей. Ведь село и усадьба Слепнево относились к Градницкому погосту, своей церкви там никогда не было. В защиту того, что дом должен оставаться в значительно более доступных Градницах, мы приводили такой аргумент: «Дом после переноса встал на кости своих предков». Как нам казалось, это была просто игра слов... Оказалось – нет! Когда реставраторы начали укреплять фундамент дома и разбирать не принадлежащую дому пристройку для школы, они обнаружили, что в 1930-е годы плотники при переносе дома и строительстве пристройки использовали в качестве фундамента старые надгробные памятники. И первым же надгробием, которое извлекли реставраторы из фундамента при разборке пристройки, оказалось... гранитное надгробие деда Н.С. Гумилева Ивана Львовича Львова. Теперь оно установлено рядом с домом. Открытие другого рода ждало реставраторов, когда они начали отдиравать старые обои внутри дома. Все стены слепневского дома были оклеены, под обоями, бесчисленными подшивками газет 1930-х годов с многочисленными портретами вождя всех времен и народов, со статьями, разоблачающими «врагов народа», с описаниями трудовых успехов строителей социализма...

Но даже С.С. Лесневскому с трудом удавалось установить контакт с местным руководством. 27 марта 1987 года, подготавливая проведение первого Ахматовского праздника поэзии летом того же года, он опубликовал в газете «Московский литератор» статью про тверские Пенаты – «Здесь жили поэты». Наконец решительный удар был им нанесен, когда он 28 июня 1987 года привез на автобусе и высадил в Бежецке «тяжелый десант» известных литераторов, лауреатов различных премий, и провел в Бежецке и Градницах

первые Ахматовские чтения. Чтения проходили в Градницах, на эстраде, прямо перед домом, под дождем, не смутившим многочисленных местных слушателей. Среди выступавших были поэты Михаил Дудин (руководитель делегации), Лев Озеров, Лариса Васильева, Лариса Сушкова, Александр Гевелинг, критики Николай Банников, Вадим Черных, Наталья Банк, Наталья Прозорова, упоминавшийся краевед и знаток всех ахматовских мест Дмитрий Куприянов из Твери. Еще один посвященный Ахматовой вечер прошел на следующий день в Доме культуры Бежецка – это мероприятие было официально включено в программу проведения Дня города. Зал был полон, со сцены выступали гости из Москвы и Твери, был показан большой слайд-фильм об ахматовских и гумилевских местах Тверской губернии. Впервые имена двух поэтов вернулись на Тверскую землю. Естественно, ведущим на всех этих выступлениях был С.С. Лесневский.

С тех пор на протяжении нескольких лет Ахматовские праздники проводились в Бежецке и Градницах каждое лето. В самом Бежецке в то время работали два хороших музея: музей писателя Вячеслава Шишкова и музей основателя оркестра русских народных инструментов В.В. Андреева. В музее Шишкова, усилиями Лесневского и сотрудников Тверского музея, в частности Лидии Богдановой, была организована хорошая экспозиция, посвященная в основном Ахматовой, но частично и Гумилеву.

К сожалению, к настоящему времени эти традиции во многом утрачены. Как показала поездка в Бежецк в сентябре 2012 года, в городе закрыты оба музея. Открылась в сентябре 2012 года лишь скромная экспозиция в Доме культуры на окраине города, частично посвященная Гумилеву и Ахматовой, созданная на основе материалов семьи П.Н. Лукницкого, большая часть которых ранее была передана в Пушкинский Дом. Организовала эту выставку вдова Сергея Лукницкого Ольга Медведко. С.С. Лесневский вынужденно отошел от опеки над ахматовскими Пенатами в Тверской губер-

нии, а достойной смены для таких людей, как он, увы, найти крайне сложно, почти невозможно...

Но я убежден, что, не будь его, не было бы на Тверской земле памятного места, связанного с Анной Ахматовой и Николаем Гумилевым. С большой степенью вероятности без его участия «Дом Поэтов» в Градницах мог погибнуть. А сколько таких следов на нашей земле оставил он! И хоть говорится, что незаменимых людей нет, его уход – невосполнимая утрата для отечественной культуры.

Автографы памяти

Все совершается, как надо,
Хоть и не сразу, не сполна...

С давних студенческих лет живут во мне эти околдовывающие строки, которые не мог не вспомнить по дороге в Шахматово. В воскресенье 7 августа 2011 года исполнялось 90 лет со дня кончины Александра Блока. И в этот же день Шахматово традиционно встречало гостей очередного Блоковского праздника поэзии. Прежде я никогда не бывал в местах, о которых знал по книгам Вл. Орлова, Б. Соловьева, А. Горелова, А. Туркова, С. Лесневского...

Блоковед, исследователь литературы Серебряного века, знаток русской и советской поэзии, проницательный критик, Станислав Лесневский вошел в мою жизнь незаметно и очень естественно. Но по-особому высветилось имя Лесневского, когда в февральском номере софроновского «Огонька» за 1973 год прочитаю стихотворение Евг. Евтушенко «Блоковский валун». Далекий от левизны и либерализма журнал щедро, целыми разворотами, печатал стихи и поэмы знаменитого поэта. Уникальность той публикации (журнал храню и поныне) придавало фото автора в полный рост. Такого, кажется, в истории «Огонька» еще не случалось. По крайней мере на моей памяти. Сороколетний Евтушенко в роскошной зимней шапке, купленной где-то

за «бугром», а если и в московском ЦУМе или ГУМе, то уже точно – не на прилавке! Модная куртка, расклепанные – тоже по моде тех лет – джинсы, уверенный, победительный взгляд и такая же победительная походка по заметленной улице Москвы.

Под статью нетрафаретному снимку стихи – около двух десятков. «Как бы я в жизни ни куролесил...», «Куда мы торопимся, Костя, маджари, едва пригубя?..» Там же строчки, обращенные к Лесневскому. Стихотворение «Блоковский валун» поражаало не столько ритмикой – и она важна, – сколько глубиной исторического взреза и какой-то внутренней силой. В 1150-страничном фолианте «Весь Евтушенко», куда вошло многое из написанного поэтом и все же далеко не «все», дата его создания – август 1972 г. Рядом приписка – Шахматово. Двумя годами раньше, в августе 1970 года, прошел первый Блоковский праздник поэзии.

Взойдите те, кто юн,
на блоковский валун
и каждым вздохом кожи
почувствуйте, как дрожь
охватывает рожь
и станьте частью дрожи...

Тогда мне было 18–19. Юность, трепет чувств... Ничем неутолимая жажда, когда хотелось пить из всех поэтических родников... На первый праздник по лесной проселочной дороге (асфальта не было) пришли современники Блока – 83-летняя Мариэтта Шагинян и далеко не юный Павел Антокольский. Помню, с каким интересом рассматривал черно-белые снимки, сделанные приятелем с литфака на том или другом празднике – уже через год, но тоже в августе. Как завидовал ему, видевшему Антокольского. Снимавшему его. Автор знаменитой поэмы «Сын», удостоенный за нее в годы войны Сталинской премии, считался живым классиком. И был таковым, пока была советская власть... Я специально ездил в ту пору в соседний райцентр, выкупал в местном книжном магазине (нет его давно) тома собра-

ния сочинений, где на черном переплете была тиснута факсимильная подпись: «Антокольский».

И другие имена, о которых вычитывал в иностранных праздничных репортажах – в «Литературке», «Литературной России», рождали искреннюю читательскую зависть, малопонятную сегодня для тех, кто живому общению с поэтом или писателем предпочитает Интернет. Мелькала в тех отчетах и фамилия Лесневского. Но что знал о нем я тогда? А ведь это он, подвижник и первопроходец тридцати с чем-то лет, исколесил в конце 60-х на велосипеде всю блоковскую землю Подмосковья. Он, внешне сам так похожий на Блока в молодости (поразительное сходство сохранится и в более поздние времена), отыскал по остаткам фундамента место, где стоял дом Блока. Без преувеличения, Станислав Стефанович положил большую часть своей жизни на воскрешение усадьбы, да и самого имени великого поэта. В Шахматове он всегда был желанным гостем и другом. Здесь не забывают, что тот самый блоковский валун, воспетый Евгением Евтушенко, был найден Лесневским. Три дня его выкапывали местные жители. И три дня в благодарность за это их «окроплял» горькой влюбленный в Блока москвич-литературовед, уже известный своими точными суждениями о поэзии, автор многих статей и рецензий. Без этого валуна блоковские праздники теперь попросту непредставимы. Но еще тяжелее было подбираться к валунам-чиновникам, от которых зависело выделение денежных средств. Однажды, отчаявшись, Лесневский написал Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу. Любопытно то (об этом по дороге в Шахматово нам с Борисом Романовым рассказал автор письма), что оно было прочитано помощниками адресата, а может, и им самим. В итоге необходимое решение было принято, а настойчивому литератору порекомендовали «впредь по таким вопросам Леонида Ильича не беспокоить».

Тот праздник поэзии в Шахматове был для Станислава Стефановича 42-м. Для меня же – первая встреча с Блоком в воссозданном Доме поэта. Она, ко-

нечно, могла произойти и раньше. Но... «все совершается как надо, // хоть и не сразу, не сполна...»

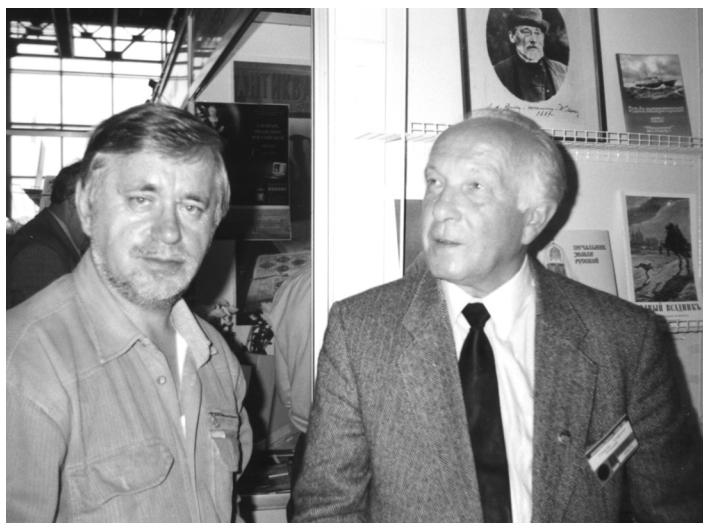
В моем дневнике зимы 1976–1977 годов, куда заносил впечатления первых недель после демобилизации из армии, есть рассказ о ноябрьской поездке с другом в Москву (а мы, начинающие критики, уже горели и жили литературой, мечтали о публикациях в столичных журналах). В тех давних коротких записях нахожу эпизоды знакомства с поэтом Рюриком Ивневым, поиска в «Дружбе народов» критика Льва Аннинского, фиксирую, без подробной «расшифровки», телефонные звонки на дачу Евтушенко в Переделкино, Вадиму Кожинову, Николаю Глазкову; там же – фрагментарно – о попытке, увы, безуспешной, познакомиться со Станиславом Лесневским, к которому направились по рекомендации давно канувшей в литературное небытие критикессы О. Грудцовой («Решили ехать к Ст. Лесневскому, но никто не мог сказать, где находится Б. Переяславская улица»).

Нахальство двух молодых неофитов было беспредельным. Понятно, в литературе скромникам делать нечего. И все же, трудно спустя даже десятилетия представить степень нашего тогдашнего «вероломства»: «На Казанском вокзале просидели часа два в станционном кабаке. Часов в 11 (вечера!!!) снова стали звонить (Окуджаве, Аксену – все без пользы; звонки с единственной целью: переночевать, – знакомством же с ними похвастать мы не могли). Мне удалось переговорить с Ник<олаем> Ивановичем (Глазковым). Договорились встретиться.

Через полчаса захватили Ст. Лесневского... Был напуган (немудрено: звонят явно подвыпившие ребята, время к полуночи). Перезванивал О. Грудцовой. Наконец:

– Приезжайте. Жду.

Думаю по прошествии времени: сам на приглашение к себе незнакомых визитеров с улицы, в отличие от Лесневского, я вряд ли бы решился. Впрочем, встретиться тогда, тем более – переночевать, было не суждено.

С Е.В. Потуповым на Книжной ярмарке. 2001

«Ст. Лесневского найти не удалось, хотя добрых два часа кружились среди десятка домов. Позднее О. Грудцова сообщила: «Адрес изменился»»

Спустя многие годы, в новейшие времена, когда Станислав Стефанович станет не просто литературным знакомцем автора, а его добрым, душевным другом, вновь вспомню эту историю – в контексте совершенно иного события в своей жизни. Дневниковую запись, которую хочу привести, разыскал уже после того, как мы навсегда простились с Лесневским:

17 марта 2002 г.

Прощеное воскресенье

...Билет (нового образца) получил из рук Л. Абаевой. Красивая красная «корка»... Расписался, где надо. Никаких поздравлений. Даже дежурных... Зато услышал: «Вам надо на Гоголевский бульвар, в Литфонд». В руки – выписку из протокола приемной комиссии. И в путь! Я еще попросил набрать номер Лесневского в «Плеяде». «Нет. Вы знаете, после разговора с Лесневским всегда портится настроение». Почему портится? У меня наоборот – улучшается.

Был уже шестой час. Конторы закрывались. Но в Литфонд успел. Правда, вступление в его доблестные ряды пришлось временно отложить: не оказалось фотографий. Что ж, тогда до следующей встречи.

Лесневский дождался... Угостил пирожком. Я ответно – глотком «фанты». Ничего другого ни у меня, ни у него не оказалось. Главное же «угощение» милейшего Станислава Стефановича – книги, изданные им в своей «Плеяде». Набил целый «дипломат» (максимовский «Двор посреди неба» с послесловием Ст. С. – для Иры Ли, Наталии Пряничниковой и Л. Полухиной; Маргарите – изящный томик «Хвалыньск». И такой же томик музейщику В. Алексею: Лесневский не прочь издать нечто подобное о Севске или Трубчевске. К третьей книжке (моей!) добавились изящные издания статей Марка Щеглова – с просьбой передать одно из них в Овстуг. У Щеглова есть небольшая статья о Тютчеве (1953).

Как всегда даритель сопровождал подношения лестными надписями. На Щеглове – «Дорогому Евгению Васильевичу Потупову с благодарностью и любовью. С. Лесневский. 4.3.02». На «Хвалыньске»... На Солженицыне – ничего (его книжку С. С. сунул в последний момент).

...В ноябре прошлого года в незабываемые дни Андреевских чтений попросил С.С. подписать его собственные книжки – о Блоке («Путь, открытый взорам») и о русской поэзии («Я к вам приду...»). Они со мной уже двадцать лет. Знаю, где они. И в случае необходимости отыщу в момент. Книгу о Блоке С.С. «освятил» следующим автографом: «Книга древняя, а Евгений – молодой». Продолжил и название – «Путь, открытый взорам – в Севск» 10.XI.2001.

Мы ехали в Севск... С нами были замечательные молодые феи. Был сухой солнечный день. Хорошо говорили...

Сборник статей, посвященный памяти Вл. Барласа, тоже с продолжением: «Я к вам приду...» – обещание исполнено, дорогой Евгений. С. Лесневский – город Севск. 10.XI.2001 г.»

«Радужный хозяин», «собиратель и энтузиаст», «...с благодарностью за Андреевские дни», «гостеприимный брянский друг» – это из надписей, которые Станислав Стефанович сделал мне на подаренных книгах (он привез целый чемодан выпущенных «Плеядой» изданий и щедро их раздавал – областной библиотеке, колледжу культуры, художественному музею, Гамолину, Севской библиотеке... Даже об университете не забыл: просил передать – что я и сделал через Васю (своего младшего сына) – фолиант переписки Белого и Блока. Но самая, пожалуй, ценная для меня надпись сделана Лесневским на последнем прижизненном сборнике Вл. Корнилова «Вольная поэзия России» (он – издатель): «Дорогому Евгению Васильевичу Потупову – поэту общения. С. Лесневский. 9.XI.2001 г.»

Более чем лестно... Бог ты мой, сколько должно было пройти лет после нашей первой с Игорем попытки встретиться со Станиславом Стефановичем, попытки неудачной, закончившейся в итоге милицейской «тигулевкой». И вот – долгожданное и близкое знакомство, взаимная симпатия. В блоковский том Лесневского вложил его новогоднюю телеграмму: «Дорогой Евгений, сердечно поздравляю вас с Новым годом. От души желаю здоровья, счастья, удачи. Большое спасибо за ваше щедрое гостеприимство. Станислав Лесневский».

Душевная щедрость, неподдельный доброжелательный интерес к людям, не покидавшие до конца дней пытливость и любопытство – характерные черты этой незауряднейшей личности. Счастлив, что судьба наградила общением и дружбой с духовным наследником Блока. Для меня Лесневский – живой!

Февраль 2014

Брянск

Удивительный человек

Еще до знакомства со Станиславом Стефановичем Лесневским я слышал об удивительном человеке, который в одиночку готовит и издает собрание сочинений Александра Блока. С другой стороны, в то же время, той же задачей занимается целый институт. Не могу сравнивать успехи одной и другой стороны. Да это и не нужно. Но книги, изданные Лесневским, его издательством «Прогресс-Плеяда», являются самым ценным, что есть в моей библиотеке, ее украшением. И то же, думаю, можно сказать о многих библиотеках.

Познакомились мы, как помнится, в 1999 году, в «Литературной газете», куда я зашел к Владимиру Владимировичу Радзишевскому. Мы говорили о моем отце, поэте Григории Санникове, и, к слову, Владимир Владимирович упомянул фамилию критика, издателя Лесневского. Разговор заканчивался, когда вошел человек с быстрым умным взглядом. Они о чем-то начали беседовать, и я, собираясь уходить, спросил Радзишевского: «А как выглядит Лесневский?» Оба рассмеялись. Вошедший и оказался Лесневским.

В сентябре того же года Станислав Стефанович опубликовал в «Литературной газете» статью о моем отце, поэте Григории Санникове, как о представителе

С Д.Г. Санниковым в «Прогресс-Плеяде». 6 апреля 2009

ушедшего литературного сообщества пролетарских писателей. Статья была названа так выразительно и точно, что уже название говорило нечто очень существенное о судьбе поколения: «Мальчик из церковного хора: Григорий Санников – лирический поэт стальной эпохи».

Эту статью я поместил как предисловие к двум первым книжкам о моем отце, представившим его избранную лирику. В дальнейшем под руководством и при самом живом участии Станислава Стефановича, поддержавшего мои усилия сохранить литературное наследие отца, удалось выпустить в «Прогресс-Плеяде» еще несколько книг. Это не только стихотворения Григория Санникова, но и его переписка с Андреем Белым, и материалы его архива, связанные с именами Ивана Бунина, Сергея Есенина, Андрея Платонова, Павла Васильева...

Первая книжка Григория Санникова под редакцией старого друга и соратника Лесневского, Виктора Петровича Балашова, посвященная 100-летию со дня рождения моего отца, вышла в 2000 году. В этом же году Станислав Стефанович организовал вечер в Ма-

лом зале Центрального Дома литераторов и сам его вел. Помню, как на вечере Моника Спивак из Музея Андрея Белого рассказывала о дружбе корифея символизма и молодого поэта. Поэт Владимир Корнилов говорил о сегодняшней лирической силе лучших строк выходца из вятской глуши. Поэт, исследователь Борис Романов делился размышлениями о драматическом мире Григория Санникова. Об особенностях поэтики автора рассуждал редактор книги. Для меня этот памятный вечер значил многое.

Потом, в мае 2005 года, в музее Андрея Белого на Арбате была презентация переписки Андрея Белого и Григория Санникова, опять же изданной в «Прогресс-Плеяде». И здесь издатель говорил о высокой дружбе поэтов, об их судьбах и трагическом времени. Были и другие вечера, другие выступления Лесневского, всегда яркие, запоминавшиеся. Были поездки в Шахматово, беседы о любимых поэтах.

Еще хочется вспомнить, как Станислав Стефанович часто по дороге в издательство, и когда оно находилось на Зубовском бульваре, и потом, когда перебралось на Тверской, приобретал приглянувшуюся новую книгу. Он любил книги и не мог отказать себе в удовольствии купить еще одну. Возможно, он только пролистает ее... Да, из всех страстей мужчин к собирательству, страсть к собиранию книг выглядит, несомненно, самой благородной. Но иные из них он вскоре щедро раздаривал.

Посещение издательства «Прогресс-Плеяда», общение со Станиславом Стефановичем всегда было интересным, даже радостным. И эту радость мы сохраним в нашей памяти.

1 февраля 2014

В пугачевском тулупчике

Ехали из Шахматова. В автобусе душегубствовала духота.

Но жара была весь день. Там, на блоковской возлюбленной поляне, Лесневский часа три воспарял с раскаленного Камня, сцены ему было мало. Читал и читал Блока.

В автобусе, стоя по соседству с водителем, на фоне мутного лобового стекла человек-артист Лесневский делал то же самое. Читал Блока. Всю дорогу.

Это еще пара часов его парения. Он не умещался в норму, формат, инструкцию, график, расписание, ведомость и регламент. Его самого было больше, чем требовалось. У него за душой был некоторый постскрипtum, по объему намного превышающий основной текст.

Если предположить, что шофер автобуса по маршруту «Москва – Шахматово – Москва» долгие годы был одним и тем же человеком, то Блок в его лице обрел еще одного знатока своего творчества.

Шутка. Но похоже на правду: Лесневский вовлекал в орбиту своего блоколюбия массу людей самых разных.

Блок дал точнейшее определение Пушкина, назвав его имя веселым. Лесневский был пропитан Блоком, и вот эта блоковско-пушкинская веселость ярко отлича-

ла натуру Лесневского, внутренне сосредоточенного, наружно респектабельного, а с возрастом вполне благообразного.

«Не шалить!» – хлебниковский окрик, адресованный новым буржуям, прозвучал втуне. Не унять и шалостей по-пушкински.

Так что мой небольшой мемуар не будет некрологичным. Тут, прошу прощения, и о своей персоне придется говорить.

До окончательной перебазировки на Тверской бульвар редакция «Прогресс-Плеяды» тогда (на рубеже тысячелетий) располагалась на Садовом кольце, рядом со станцией метро «Парк культуры». Сначала ютились в каморке, среди гор наваленных книг, затем переехали в помещение побольше, рядом, на том же, если не ошибаюсь, четвертом этаже. Лестничные пролеты там длинные.

Однажды я ожидал Станислава Стефановича на первом этаже, условленное время встречи затягивалось, я спросил у плечистого молодого охранника:

– Вы не видели Лесневского?

– Старичок уже давно пробежал к себе наверх.

Лифтом он не пользовался.

На старичка не походил.

Я видел в жизни своей лишь двух людей с постоянно сияющим изумленным взором. Межирова и Лесневского. Их обоих навсегда изумил факт существования на белом свете – поэзии.

Он родился, как оказалось, в Оренбурге. Я держал его в чистых москвичах. Как-то мы ехали с ним на его издательской машине ко мне, по пути он показывал улочки детства: школу и прочее. Но его открытость в принципе была на замке относительно себя. Это, видимо, последствия пребывания в детях врагов народа. Он впускал к себе где-то на уровне МГУ или блоковских сюжетов, остальное поминая лишь эпизодами, и то неохотно. Я сам неожиданно находил его имя в бесчисленных источниках – скажем, в «Записных книжках Анны Ахматовой»: он и с ней общался-работал.

А тут – Урал, Салават Юлаев и всякое такое. Ах, вот оно что – Пушкин, «Капитанская дочка», буран в степи. Хлебников:

Эх, молодчики-супчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!

Не исключено, что именно с Хлебникова, с самоощущения той наследственной удали и непокорства, у него все и началось. По крайней мере, этому есть некоторое подтверждение – его собственная строчка, выкрикнутая в молодости:

Любите негров, девушки Оки!

Чем не Хлебников?

Свести концы с концами, Африку с Окой, Межирова с Юрием Кузнецовым, Виктора Некрасова с Василием Беловым, Евтушенко с Рубцовым, Маяковского с Кузминым, Кушнера с Андреем Белым, Горького с Вяч. Ивановым, Москву с Хвалынском, Петербург с Костромой, Петрова-Водкина с Сомовым, Лаврова с Кожинным, Гершензона с Клюевым...

Сшить разорванное пространство.

Я не веду дневник, но у меня есть дневниковые записи с датировкой. 7 мая 2007-го я записал:

Поздно вечером позвонил пан Лесневский (он меня называет – пан Седловский*). Говорили в основном о Соколове. Потом о том о сем. О Максимове, Синявском, Розановой. Когда Лесневский еще работал в ИМЛИ (перестроечные времена), он – без санкции руководства – организовал встречу с Синявским – Розановой. Набежала туча народу. Говорила по преимуществу Розанова. Синявского спросили: отчего так? Он сказал:

– Когда хозяин молчит, лает его собака.

В ответ я рассказал о том, как Розанова в ресторации «Серебряный век» на литературном антибукеровском (премия Антибукер) обеде сказала в микрофон, при сидящих рядом М.С. Горбачеве и Раисе Максимовне, характеризуя происходящее событие:

* Об этом ниже.

– Заебукер!

Р.М. смутилась.

Пан Лесневский прокомментировал:

– Да, многому свидетели мы были.

Розанова, как известно, большая хулиганка. Не говоря о возмутителе спокойствия Синявском с его Пушкиным на тоненьких эротических ножках. Ни грамма политкорректности, не говоря о научной благопристойности.

Это и есть пугачевский тулупчик.

Возможно, от Хлебникова шло и его своеобразное славянофильство. Тяга к Русскому Северу, вообще к отечественной провинции. Именно на Севере произошел скандал 1975 года, когда группа московских писателей проехала по яшинским местам и на вологодской пирушке Лесневский предложил выпить в честь «знаменитого великого русского национального поэта Евгения Евтушенко», там присутствовавшего, а Куняев возмутился, вспыхнула перепалка, и Лесневский хлопнул дверью.

На моей памяти подобное хлопанье дверью случилось в Литмузее на Трубниках в день установки памятника на могиле Соколова (1998). После кладбища участники события собрались в стенах музея, произносились спичи, и после каких-то слов очередного оратора (из эксклюзивных патриотов) Лесневский вскочил, кратко выдал гневную отповедь и вышел вон.

Здесь дело не в том, кто что говорил, а в форме его реакции, в тех тайных бурях, что несли его душу, внезапно вырываясь наружу.

Себя он не только не переоценивал, но и не ценил подобающе, а в быту был вовсе легкомысленным и безоглядным. Ездил на метро, ходил пешком. Его избили и ограбили вечером на подходе к дому. Только после этого он стал пользоваться машиной, вмененной ему от родственников. Пока не грянет гром, мужик не перекрестится.

Его славянофильство, повторяю, было своеобразным и включало в себя, помимо прочего, польскую струю. Он издал сборник «Польская Муза и русские

поэты» (сост. Станислав Лесневский, Владимир Радзишевский, Борис Романов), 2004, и впечатляющую книгу Натальи Астафьевой и Владимира Британишского «Двуглас» (переводы польских поэтов с параллельной републикацией оригиналов), 2005.

О, эта книга! По ее концептуальному и внешнему подобию Лесневский подарил нам с Натальей Аришиной великолепный том «Сговор слов» (2008), о котором мы и не мечтали и никак его не подговаривали на это дело, он сам решил. Нет, у нас не было польской направленности, это было два избранных под одной обложкой. Однако к жене моей он нередко обращался так:

– Пани Седловска...

Отчего же? Дед у меня по матери тоже, как и у него, был сосланный в Сибирь поляк, Александр Седловский. Так возникли эти обращения: пан и пани Седловские, а также пан Лесневский. Само собой, чаще всего это происходило в застолье.

Он был мастер застолья. Златоуст на грузинский манер. Собирались чаще всего у него в редакции. Он вел стол, и все без исключения присутствующие по кругу получали от тамады поднебесные похвалы. Поначалу у меня горели уши, потом привык.

От него много шло, излучалось, источалось, и Монблан преподнесенных им книг, поныне нарастая, захватил мое норочное жилье так, что мне казалось: скоро я буду жить на лестничной площадке. Однажды мы с ним столкнулись в Питере неподалеку от Спас-Конюшенной церкви, где отпевали Пушкина, и я тут же из его торбы получил репринт Блока – «Стихи о России». Он был фалья-книгоноша, из ненормальных фаль: раздавал все это даром.

То же самое было как-то на лестнице, между этажей, прежней «Литературки», еще на Костянском переулке, – он погружал руку в торбу и вынимал нечто.

Но в основном я получал от него книги непосредственно в редакции «Прогресс-Плеяды», когда мы сблизились.

Как я попал к нему?

В 2000-м я надписал свою книгу «Прозапростихи» Лесневскому, Борис Романов передал ее ему, Станислав Стефанович ознакомился, тепло отозвался и пригласил к себе. Оказалось, он в эти годы следил за моей прозой про стихи, печатавшейся о ту пору (до поры) по преимуществу в «Литературке».

У него не было железно выстроенной системы внутреннего рецензирования, в основном он читал рукописи и отбирал сам, но время от времени давал читать кому-то из специалистов или тем людям, к мнению коих прислушивался. Не помню первой рукописи, мной прочитанной, но когда это произошло, он предложил:

– Я поставлю ваше имя в выходных данных как выпускающего редактора.

Я отказался, мы условились об анонимности моего скромного участия в его деле. Ну разве что он иногда показывал мои письменные отзывы авторам. Отзывы были крайне краткими, максимум 1,5–2 странички, платил он щедро.

Чего он хотел? Уяснить для себя ценность возможной книги, ее концепцию, полноту и правдивость, и сверить свое ощущение с восприятием рецензента. Не то чтобы он колебался в правильности своего выбора, но, похоже, ему требовалось подтверждение в том или ином решении. Он мог согласиться или пренебречь. Но выходило так, что его предрецензионный отбор, как правило, попадал в точку.

Но случалось и так, что внезапно я все-таки находил свое имя – в качестве редактора. Так было, скажем, с книгой Александра Кушнера «Аполлон в траве» (2005) или с двойной книжкой Василия Белова и Николая Рубцова (серия «Библиотека моих детей. Русские писатели») (2005).

Привлек он к этой работе и «пани Седловскую». Мы с ней – порой на пару – вычитывали некоторые книги на предмет точности цитат – в основном стиховых. Потому как профессиональные корректоры слишком педантичны и не всегда улавливают, допустим, особенности авторского (поэтического) правописания. Не каждый корректор знает, скажем, что Блок писал

«желтый», а не так, как надо по правилам. А бывает и так, что многоумный автор книги сам промахнется или напутает. Важна и графика стихов, верность расположения строк, и этого корректор может не знать.

В конце концов Лесневский определился, как нас назвать, и, опять-таки внезапно, выдал нам «корочки» красного цвета с двуглавым золотым гербом, где было сказано: консультант издательства «Прогресс-Плеяда».

Бывало, я получал телефонные звонки от некоторых авторов, которых Лесневский – без предупреждения – направлял ко мне. Отказывать людям ему было тяжело. Спрашивали: можно ли у вас издаться? Я понимал громоотводность сей функции и – чаще всего с чистой совестью – советовал оным авторам отказаться от поползновений. Увы, литература вещь свирепая.

Не буду врать про полную тождественность наших взглядов и оценок. Так, у него были претензии к Кушнеру в его рассуждениях о Лермонтове, и у них – Лесневского с Кушнером – на сей счет были споры-разговоры. Сейчас не стоит распространяться по этому поводу, скажу только, что речь шла об истории.

Я стоял на стороне Кушнера, и в книге лермонтовский кусок остался нетронутым. Станислав Стефанович имел и другие требования к поэту, которого он чрезвычайно ценил, и настоял, в частности, на том, чтобы Кушнер согласился писать «Боратынский», а не «Баратынский». Я тоже так думаю.

Вообще говоря, с Лесневским мы познакомились задолго до моего прямого сотрудничества с ним. В начале 80-х я уже ездил (выступать) на блоковский праздник в Шахматове, а до того, начиная с 60-х, читал его статьи про стихи, и мне было по сердцу, что есть критик, защищающий Евтушенко (его уже тогда надо было защищать) или Чухонцева. Не помню факта первого знакомства, это было где-то в конце 60-х, но в 70-е я, найдя его рецензию в ЛГ на книжку владивостокского поэта Геннадия Лысенко, уже имел возможность остановить его на ходу в ЦДЛ и поинтересоваться, как это произошло: именитый критик – о неизвестном провинциале.

Все просто. Наткнулся на книжном прилавке, полистал, взял, прочел, понравилось, написал, напечатал.

Вряд ли Лесневский знал о лагерном прошлом Лысенко (нет, не политика – хулиганство), вряд ли он потом узнал, что одаренный дальневосточник повесился (в помещении Приморского отделения Союза писателей), но чутье сработало без промаха: и тут дело отдавало пугачевской начинкой.

Его порывы и жесты лишь казались хаотичными. У хирургов есть термин «консолидация»: речь о переломанных костях, когда они срастаются. Голая логика, а не хаос – его упрямство в издании, например, книжки Юрия Кузнецова: серия «100 стихотворений». Те, кто нынче правят бал, доминируют и рулят, этого поэта не видят в упор.

Лесневский работал на консолидацию русского поэтического тела, претерпевшего колоссальные неприятности на своем пути. Ю. Кузнецов нынче оказался в глубокой трещине, прошедшей по костяку современного стихотворства. Лесневский протянул руку его тени. И то сказать: тень – большая.

Тринадцатого января 2011-го я записал:

Зашел к пану Лесневскому. Старенький. Поговорили о «Слове о полку», о Ю. Кузнецове. При прощании – 3000 р. из личного пиджачного кармана. Я говорю: вы же мне уже выдавали к Новому году.

– А, вам передали? Ну так это для Наташи.

Прошу обратить внимание не только на способ, так сказать, материального вознаграждения, но и главным образом на связь древней поэмы с именем современного поэта. Этого поэта.

За три года до того (записано 18 апреля 2008), если уж говорить о человеке-артисте Лесневском, происходили и такие вещи:

Вчера Наталья была у пана Лесневского, который становился пред дамой на колено и угощал всех присутствующих пивом с пирожками. Там был еще такой спектакль: поскольку Евтушенко печалуется о нищете своего протеже

Анищенко, предложенного им пану для издания, пан предложил пустить шапку по кругу, и было такое: сам пан бросил тышонку, Балашов В.П. – рупь, Лидия Александровна (верстальщица) – полтинник, Наталья – полтинник, Романов – тышонку. Пан вернул деньги всем, кроме Л.А. и Натальи, сунув их монеты в свой боковой карман. Веселятся ребята. Собирались приложиться к чему-нибудь покрепче пива, вызвать меня, но Наталья сказала, что ей надо идти, пан крикнул про меня:

– Подождет!

Порой он был ребячлив до проказливости.

Весной 2009-го мы собирались на юг. Зашли на Тверской к Лесневскому. 9 мая я записал:

Пан выдал на дорожку Наталье 3000 р. – за вычитку первого тома Мандельштама – и мне засунул в нагрудный карман 300 целковых:

– На пиво!

Ну а сама серия «100 стихотворений» носит конечно же след порывистости Лесневского. Это не сплошь вершины, есть и книжки вполне дилетантские, изданные от широты издательского сердца. В судьбе серии нет ничего гладкого, были ухабы и овраги. Однако – 27 поэтов! Кто прочтет? Среди них нет самоновейших, и вполне представимо чье-то брюзжание про вчерашний снег, но вы, господа хорошие, и по тому-то снегу не хаживали по-хорошему.

Непросто было и с книгой Евтушенко. Лесневский обратился ко мне – на предмет составительства. Автор не возражал. Мы поговорили со Станиславом Стефановичем, я предложил ему поработать совместно – отобрать свое, я отберу свое, мы все это сведем, отфильтруем – получится консенсус. Он бурно возразил и в результате этого разговора буркнул:

– Не хотите – не надо.

Я подумал, что вопрос исчерпан. Наступила пауза, мне передали, что пан ворчит: Фаликов сделает, как велит ему Евтушенко. Он ошибался. Евтушенко все дал нам на откуп.

Однако в апреле 2013-го жюри национальной премии «Поэт» объявило лауреатом Евгения Евтушенко. В мае – вручение. Звонит Романов:

– Когда ты представишь книгу Евтушенко? Станислав Стефанович торопит.

Представил. Мне передали, что Лесневский безоблачно доволен и больше всего рад – до изумления – присутствию в книге аж двух стихотворений о Блоке и вообще удовлетворен этим истолкованием лирики Евтушенко.

А как было обойтись без Блока в блоковском издательстве?

У Евтушенко как минимум пять стихотворений связано с Блоком, целый цикл, и хотелось показать их все, да регламент книги не позволял. Евтушковское море неисчерпаемо.

В свое время (2004) Станислав Стефанович, ласково глядя, сказал мне:

- А напишите-ка о молодом Блоке.
- Но я не блоковед...
- Тем лучше!

У меня год ушел на эту работу. Счастливую работу. Читал много – написал пшик. Но «Вопросы литературы» напечатали мой опус. Лесневский пристально-ревниво отнесся к этому опыту. Похвалил, разумеется, но и какие-то замечания сделал – устно. Я как раз, зайдя в издательство, застал его за чтением «Воплей». Что-то там было им подчеркнуто. Но развернутого разговора не произошло.

На этом пути естественным образом в моем мире по-новому образовался Андрей Белый. В 2004-м у Лесневского вышел репринт «Золота в лазури»: к 100-летию первого издания.

26 октября – вечер памяти Андрея Белого в его музее на Арбате. На четвертом этаже. Презентуется «Золото в лазури». Поэт сегодня родился.

Сидели мы на вечере рядом с Евгением Рейном. Когда мне Лесневский дал слово, с приговоркой: известный поэт, Рейн отчего-то вскрикнул:

– Замечательный! Единственный!

Свою трубную речь, произнесенную после меня, он закончил тем, что «Чухонцев, Фаликов, Лосев, Кушнер – лучшие поэты России – любят Андрея Белого!».

Сел рядом, искоса блеснул грифельным глазом из-под лохматой брови, шепнул:

– Ну как?

– Замечательно, особенно в финале.

Рейн – личность протеистическая. Попав в ареал Лесневского, в его игровую ауру, он пластически точно воспроизвел стилистику Лесневского. Я бы назвал ее веселым пафосом. На самых высоких нотах – с лукавым прищуром.

Это надо сказать. В Лесневском было все. Ревность тоже. Тем более что в последние годы он отошел от письменного творчества и, кажется, очень страдал от этого. Его выступления в печати были эпизодическими и чаще всего привязаны к тому или иному случаю. Тем неистовой он вкладывался в другие дела.

Иные его инициативы бывали вполне очаровательно-сумасшедшими. На вечер в честь Гумилева он пригласил военный оркестр. Оглушительная патетика триумфаторской колесницы гремела под сводами ЦДЛ, угрожая стеклу люстр и витражей. На склоне лет Станислав Стефанович, внук революционера, стал восторженным монархистом. Конфессией своей он выбрал православие, католичество оставив пращурам. Нет, он не крестился – подобно Гумилеву – на каждую церковь. Он и здесь был широк: издал мемуарную книгу живописца Семена Мухина, отца художника Дмитрия Мухина, старого друга и сотрудника, потомка стариков, – о жизни его предков на Рогожской заставе. Да и клюевское старообрядчество его не смущало.

Фанатиком он был только в одном – в служении литературе.

Были проблемы ...правописания. Он требовал заглавных букв во всем, что касалось августейших персон. Впрочем, в фолианте «Последние дни Император-

ской власти» (2012), после долгих согласований, нам с Аришиной, участвовавшим в формировании именного указателя, он отдал распоряжение проставить прописные не тотально. Все-таки надо было исходить из блоковского первоисточника.

Он любил книги большие, нарядные, сияющие. С богатой иконографией, с серьезным аппаратом и приложениями. Здесь заячий тулупчик был неуместен и, претерпев превращение, больше походил на соболью шубу. Среди его изданий были по-настоящему выдающиеся. В частности, книга А.В. Лаврова «Русские символы» (2006). В его проектах работал и Н.А. Богомолов: книга Михаила Кузмина «Стихотворения. Из переписки» (2006).

При его участии в серии «Новая Библиотека поэта» вышел двухтомник Андрея Белого (2006), долго стоявший без движения в питерском Гуманитарном агентстве «Академический проект», пока в дело не вмешался Лесневский: помог материально.

Кстати, стоит посмотреть на эти последние даты: 2006 год стал великолепно урожайным в деятельности Лесневского.

В 2008-м, в другом издательстве, вышел том Владимира Соколова, который сделал я (составление, подготовка текста). В предисловии я поблагодарил Лесневского за помощь в этой работе. Мы с ним много говорили о Соколове, он его преданно любил и почти походя дал мне несколько подсказок. 10 марта вечером он позвонил мне, поздравил с выходом книги и поблагодарил за мою благодарность ему. Однако внешне эта книга показалась ему бедной, и он зажегся: надо издать! Тем более что соколовская рукопись у него уже была, составленная В.П. Балашовым. Он попросил ознакомиться с этой рукописью, добавить что-нибудь от себя в смысле пополнения стихового состава и написать эссе. Я все это сделал. Увы, книга так и не вышла. Почему? Не ведаю. По моему глубокому убеждению, Соколов был последней вершиной русской поэзии в глазах

Лесневского, прямым наследником Блока. Он знал его назубок и даже был председателем комиссии по творческому наследию поэта. Знаю, что до самого последнего года своей жизни он не оставлял мысли об этом издании.

Он ушел, полный замыслов и намерений.

Дикой стужей в сумеречном блеске
выжжен камень вдоль и поперек.
Станислав Стефанович Лесневский
нас держал, себя не уберег.
На Тверском не стало места встречи,
где, упав в наполненный стакан,
слово «пан», осколок звездной речи,
блзнилось потомкам каторжан.

Нам столица платит черным налом
особливо щедро – за стихи.
А за Камнем, то бишь за Уралом,
кажется, затих буран в степи.
Спит созвездье Пса, тайгу облаяв,
где неясно теплится свеча, –
ах ты, ух ты Салават Юлаев,
фу-ты ну-ты шайка Пугача.

Потускнули старые стаканы,
опустел редакционный стол.
Без оглядки Станислав Стефаныч
по Тверскому запросто ушел.
Вслед ему, окутан облаками,
кто-то смотрит – тополь или Блок.
– Неподъемный шахматовский камень
на горбу пожизненно волок.

Где-то там, возможно, отоспится,
сбросит лямку с острого плеча.
На крещенской стуже мерзнет птица,
падает, по наледи стуча.
Кто мы тут? Огрызки и довески,
примечания к чужим стихам.
Мы еще подыдем, пан Лесневский,
освещенный золотом стакан.

Тридцать лет и три года...

Именно столько довелось мне знать Станислава Стефановича Лесневского – встречаться с ним, участвовать в общественных мероприятиях и издательских проектах, инициатором и вдохновителем которых он был, а иногда и посидеть с ним рядом меж его сотрудников и единомышленников.

Началось все с выхода в свет альманаха «День поэзии 1980», одним из редакторов которого был Станислав Стефанович. Хотя в то время я работал в Институте физики высоких давлений Академии наук, занимаясь делом, от литературы далеким, – спектроскопией полупроводников, мое увлечение русской поэзией, возникшее еще в раннем детстве, не ослабевало. Более всего привлекали меня поэты Серебряного века, и начиная с 60-х годов я внимательно следил за редкими публикациями их стихов.

Но стихов Николая Клюева (которые очень припались мне по сердцу, когда в начале 70-х годов я открыл их для себя, взяв в руки двухтомник поэта 1919 года «Песнослов») на страницах тогдашних изданий – в отличие от произведений Мандельштама, Цветаевой, не говоря уже об Ахматовой и Пастернаке, – почти не обнаруживалось. И я очень обрадовался, когда увидел в

С С.И. Субботиным. *Вытегра. 4 июля 2004*

«Дне поэзии 1980» поэму Клюева «Деревня» – ведь это было первое ее переиздание в России после 1927 года. Правда, радости моей тут же поубавилось: искажения, имеющиеся в перепечатке поэмы, то и дело резали глаз.

Я не мог отнестись к этому равнодушно. Разыскав номер телефона Станислава Стефановича, знакомы с которым мы не были, я позвонил, представился и поделился своими огорчениями. Выслушав мои эмоциональные и сбивчивые замечания насчет огрехов в «Деревне», он без малейшей обиды погоревал вместе со мной. Узнав же, что я собираю сведения о Клюеве, о его публикациях и рукописях, посоветовал:

– Предложите что-нибудь из найденного вами в следующий выпуск «Дня поэзии», его редактору – поэту Владимиру Лазареву.

В.Я. Лазарев воспринял идею обнаружить неизвестные клюевские сочинения в вedomом им альманахе с большим энтузиазмом. В итоге, благодаря его деятельной поддержке (и с легкой руки Станислава Стефановича), в «День поэзии 1981» было включено несколько произведений поэта. Среди них было его программ-

ное стихотворение 1932 года «Клеветникам искусства» (правда, многоопытный издательский редактор В.С. Фогельсон название снял). В публикацию вошла статья Клюева «Медвежья цифирь», взятая со страниц газеты «Звезда Вытегры», выходившей в 1919–1920 годы в уездном городке Олонецкой губернии, где тогда жил и печатался поэт. Кроме того, в альманахе можно было увидеть портрет Клюева работы И.Э. Грабаря (1932), снимок с которого был добыт моими друзьями в запасниках Государственной Третьяковской галереи.

После выхода «Дня поэзии 1981» Станислав Стефанович, проводя в жизнь через издательство «Советский писатель» свои проекты, связанные с именами любимых им поэтов, стал привлекать к участию в них и меня. Первой из моих историко-литературных работ, продвижению которых в печать он активно содействовал (начиная с 1982 года), стала статья «“...слышу твою душу...”: Николай Клюев о Сергее Есенине», через несколько лет вышедшая в составленном им сборнике «В мире Есенина» (1986). Еще одну мою статью («Андрей Белый и Николай Клюев: К истории творческих взаимоотношений»), написанную примерно в то же время, он включил в другой свой сборник – «Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации». Эта книга, над составлением которой Станислав Стефанович начал трудиться еще в конце 1970-х годов, в преддверии юбилеев Белого и Блока, увидела свет исключительно благодаря его беспримерной настойчивости. Он потратил на борьбу за ее издание несколько лет и довел-таки дело до конца. Сборник вышел уже в «перестроечном» 1988-м, и ему суждено было стать первым из посвященных Белому фундаментальных коллективных исследовательских трудов, опубликованных на родине поэта.

...Подошел 1984 год – год 100-летия со дня рождения Клюева, и энтузиасты творчества поэта стали организовывать публичные вечера его памяти. Первый из них состоялся в начале апреля, в московской библиотеке имени В.А. Жуковского, по инициативе Владимира Лазарева. По стечению обстоятельств, Станислав Сте-

фанович побывать там не смог. Но два последующих вечера в подмосковных академических городках прошли при его живейшем участии.

Один из них был проведен мною 24 мая в Доме ученых г. Троицка (ныне вошедшего в городскую черту столицы), а другой – 21 сентября в пос. Черноголовка Московской обл. Организатору этого вечера, моему другу студенческих лет Владимиру Евреинову, удалось добиться, чтобы были напечатаны пригласительные билеты:

«Дом ученых
Ногинского научного центра АН СССР
приглашает Вас
21 сентября 1984 г. в 19.00
на ВЕЧЕР,
посвященный 100-летию
со дня рождения
выдающегося русского советского поэта
Николая Алексеевича
К Л Ю Е В А.

В вечере принимают участие:

Поэт
Владимир ЛАЗАРЕВ
Критик и литературовед
Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ
Доцент исторического факультета МГУ
Виталий ВДОВИН

С воспоминаниями о поэте выступит
художник

Михаил ИВАНОВ-РАДКЕВИЧ

Прозвучат песни и романсы

Виктора ПАНЧЕНКО

на стихи Н.А. Клюева

Ведущий

Сергей СУББОТИН».

Когда вечер, встреченный зрителями и слушателями с большим вниманием и интересом, закончился, я попросил участников оставить свои автографы на этом приглашении; оно у меня сохранилось.

Тогда произошло знакомство Станислава Стефановича с В. Евреиновым (состоявшим в родстве с Николаем Евреиновым, чье имя неотделимо от культуры Серебряного века). Об этом человеке нельзя не сказать

особо. В пятилетнем возрасте он, попав под поезд, потерял ногу и до конца своих дней ходил на костылях. Но это не сломило его воли к активному образу жизни, а его общественный темперамент поражал своей неукротимостью. Он закончил химический факультет МГУ, защитил кандидатскую диссертацию и работал как ученый-экспериментатор в одном из институтов Ногинского научного центра. Одновременно он получил первый разряд по шахматам и реализовал себя как незаурядный мастер репортажного и художественного фотопортрета. В. Евреинов стал фотолетописцем многих событий, связанных с именем Клюева, которые в разные годы проходили в Москве, Ленинграде-Петербурге, Вологде и на родине поэта – в Вытегре и окрестностях... Неотъемлемой частью этой фотолетописи являются сделанные им снимки Станислава Стефановича, которые теперь смогут увидеть читатели настоящей книги.

Станислав Стефанович высоко ценил В. Евреинова. Спустя 24 года после клюевского вечера, о котором только что шла речь, почти день в день (24 сентября 2008), тот безвременно скончался. Узнав об этом, Станислав Стефанович написал мне:

«Дорогой Сергей Иванович! Поражен печальным известием, которое Вы мне сообщили. Владимир Игоревич Евреинов – незабываемый человек, истинный поэт жизни. Позвольте выразить Вам и нашим общим друзьям, родным покойного самые искренние соболезнования в связи с кончиной Владимира Игоревича Евреинова. Будем хранить память о нем в великом деле русской культуры, русской поэзии, которому пламенно служил Владимир Игоревич. Ваш Станислав Лесневский».

Возвращаясь к осени 1984 года, нелишне будет напомнить, что для проведения юбилейных мероприятий Союза писателей требовалось тогда соответствующее решение его руководящих органов. К тому времени Станислав Стефанович уже имел немалый опыт успешной борьбы за сохранение культурного наследия Серебряного века – о его роли в возрождении памяти об Александре Блоке на подмосковной земле зна-

ют все... Этот опыт наряду с отчетливым пониманием того, насколько значимы были для Блока и Клюева их творческие и личные контакты, – все это очень помогло Станиславу Стефановичу, когда он взялся за организацию всероссийских мероприятий к 100-летию со дня рождения Клюева.

Позднее, вспоминая те дни в разговорах со мной, рассказывал, что с предложением провести юбилейный клюевский вечер в Москве на официальном уровне он пошел к тогдашнему руководителю городской писательской организации Ф.Ф. Кузнецову, своему коллеге по критическому цеху. Феликс Феодосьевич, будучи сам с русского Севера (родился на Вологодчине), эту инициативу поддержал. С санкции центральных партийных органов – уже на уровне «большого» Союза – было решено отметить эту дату и в Вологде, и на родине поэта, в Вытегре. Для участия в них была сформирована писательская делегация. Ее возглавил один из секретарей СП критик В.В. Дементьев, тоже родом из вологодских краев, незадолго до того опубликовавший большую сочувственную статью о Клюеве «Олонецкий ведун».

Имя «Ст. Лесневский», конечно, значилось в списке членов этой делегации. Думается, не без его поддержки в ее состав был включен и я, так что мне тоже довелось стать участником этого клюевского праздника поэзии – первого в России.

12 октября 1984 года Вологодская писательская организация провела в одном из самых вместительных городских залов литературный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Николая Клюева. Выступление Станислава Стефановича на этом вечере было, пожалуй, наиболее эмоциональным. Утром 13 октября мы вместе с писателями-вологжанами (В. Оботуровым, В. Коротаевым, А. Петуховым, В. Шириковым) выехали из Вологды к пристани Шексна, откуда водой (по Волгобалту на «метеоре») отправились на северо-запад, до села Девятины, находящегося примерно в 25 км от Вытегры. Там нас встретили руководители Вытегорского района.

И 14 октября на родине поэта прошли юбилейные торжества. Это были именно торжества – состоявшимся тогда праздничным вечером в его честь дело не ограничилось. Были открыты две памятные мемориальные доски: одна – на доме в Вытегре, где Клюев жил в 1918–1921 годах, другая – в селе Макачево, на той самой «избе-колеснице», откуда в 1900–1910-е шли в Петербург его письма Блоку.

Станислав Стефанович не скрывал своего приподнятого настроения: ведь в тот день – во многом благодаря ему – еще одно великое имя Серебряного века стало выходить из мрака забвения по-настоящему...

С таким же настроением пришли 22 октября на юбилейный клюевский вечер, проведения которого в Малом зале ЦДЛ в Москве добился Станислав Стефанович, его участники и слушатели. Правда, по порядкам того времени пригласительные билеты на вход выдавались строго по проверенному соответствующей инстанцией списку, попасть в который мог, увы, далеко не всякий.

На вечере, который вел секретарь СП критик Ал. Михайлов (тоже родом с Севера, из Архангельской области), Станислав Стефанович был сопредседателем. Вечер длился долго, более трех часов, но абсолютное большинство пришедших остались в зале до конца.

Не сомневаюсь, что вводное слово было представлено мне, человеку, отношения к Союзу писателей совершенно не имеющему, по инициативе Станислава Стефановича... Я попытался вкратце обозначить, насколько это было возможно по времени, основные вехи биографии и творчества Клюева. Затем его современники – литератор Н. Минх и художник М. Иванов-Радкевич – рассказали о своих встречах с поэтом. Взволнованно выступил его крестник, сын Сергея Клычкова Георгий (Егорушка, как называл его Клюев), профессор-лингвист. Зал услышал литературоведов Ю. Прокушева и Н. Банникова, историков литературы В. Вдовина и К. Азадовского. От писательского цеха говорили вологжане А. Петухов и В. Шириков, москвичи

В. Дементьев, В. Костров, В. Калугин... Звучали стихи Клюева в исполнении молодого литератора Сергея Куняева, песни и романсы на слова поэта. Автор этих музыкальных сочинений, композитор Виктор Панченко, приехал тогда из Ленинграда, где он жил, по специальному приглашению Станислава Стефановича и сам сопровождал певцам.

В зале присутствовали И.С. Зильберштейн и директор ЦГАЛИ Н.Б. Волкова, имевшие самое непосредственное отношение к подготовке юбилейного вечера, – в фойе ЦДЛ была развернута выставка архивных материалов ЦГАЛИ, связанных с именем поэта. Тогда, в частности, впервые были выставлены на обозрение оригиналы писем Клюева Блоку, опубликованные (в одной из книг «пятикнижия» 92-го блоковского тома «Литературного наследства») лишь через три года.

Вечер завершился вдохновенным словом Станислава Стефановича. Снимок, на котором запечатлен момент этого выступления, к счастью, сохранился...

Он озаботился, чтобы информация об этом нерядовом событии литературной жизни попала в печать. И на появившиеся заметки* обратили внимание те, кому было – так или иначе – ведомо имя Клюева. Материал «Литературной газеты» побудил жителя Кирова В.Ф. Кропанева, который в детском возрасте оказался в Томске соседом ссыльного поэта по избе, написать об этом в редакцию издания. В.В. Радзишевский передал это письмо мне. Я стал переписываться с Кропаневым. Тот сообщил некоторые подробности о своем общении с Клюевым, которые ему запомнились. Впоследствии эти письма вошли в книгу «Николай Клюев. Воспоминания современников», изданную Станиславом Стефановичем к 125-летию поэта (об этой книге еще пойдет речь...).

В 1985 году было положено начало Клюевским чтениям в Вытегре, с тех пор проводящимся ежегодно вот уже 29 лет. Среди участников этих первых чтений

* Памяти Николая Клюева (Литературная газета, 1984, 24 окт. С. 7); Посвящается Николаю Клюеву («Литературная Россия», 1984, 26 окт. С. 10). Обе заметки без подписи.

был, конечно, Станислав Стефанович. Прошло в тот год и другое мероприятие, на скромной афише которого, вывешенной у вытегорского клуба речников, значилось:

«26. X состоится вечер, посвященный 101-й годовщине со дня рождения поэта-земляка НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА КЛЮЕВА.

Выступают московские писатели: Владимир Лазарев, Станислав Лесневский, Владимир Личутин; Иван Рогощенков (Петрозаводск), исследователи творчества поэта Константин Азадовский, Сергей Субботин.

Начало в 16 ч. Вход свободный»

О слове Станислава Стефановича на этом вечере местная газета писала:

«Интересным и содержательным было выступление литературного критика и литературоведа Станислава Лесневского (Москва). Он рассказал о послереволюционных стихах поэта, посвященных новой жизни. Было зачитано замечательное стихотворение Клюева “Корабельщики”».*

Спустя три года, сотрудничая в «Огоньке», главным редактором которого тогда стал Виталий Коротич, Станислав Стефанович предложил мне составить (для журнального приложения «Библиотека Огонек») сборник стихотворений Клюева. Это было сделано. И 64-страничная клюевская книжечка «Завещание: Избранные стихи» – самая первая из неподцензурных книг поэта, выпущенных в «перестроечные» годы, – вскоре (в мае 1988) увидела свет под его редакцией.

О разнонаправленной, кипучей литературной и общественной деятельности Станислава Стефановича в 1990-е годы, без сомнения, еще вспомнят и расскажут многие... Но обилие тогдашних его дел и проектов никогда не заслоняло в нем ощущения, что для возрождения подлинного масштаба личности и творчества Клюева сделано еще далеко не все.

В то десятилетие Станиславу Стефановичу удалось побывать в Вытегре лишь дважды – на юбилейных

* *Стафеев Н.* Клюевский праздник в Вытегре // Красное знамя. Вытегра, 1985. 2 ноября.

Клюевских чтениях 1994 и 1999 годов. С организацией же в 1999 году издательства «Прогресс-Плеяда», эдиционную программу которого он составлял и осуществлял сам, началось его регулярное обращение к клюевской теме уже в качестве издателя. В 2002 году по хранящемуся в ИРЛИ экземпляру из личной библиотеки Блока (с дарственной надписью Клюева, его правкой и с блоковскими пометами) было тиражировано репринтное воспроизведение первого клюевского сборника «Сосен перезвон» (1912; фактически 1911).

В конце того же 2002 года в «Прогресс-Плеяде» вышла книга Клюева «Письма к Александру Блоку: 1907–1915» (год выпуска на титуле: 2003) с вводной статьей и комментариями К. Азадовского. Это событие было отмечено презентацией издания на очередном заседании писательского «Клуба книголюбов» (23 декабря 2002) в том же Малом зале ЦДЛ, где восемнадцатью годами ранее проходил юбилейный вечер к 100-летию Клюева. Эта презентация, с любовью организованная и проведенная Станиславом Стефановичем, завершилась данным им банкетом, где, помнится, пелись песни Виктора Панченко на слова Клюева...

Тогда зашел разговор о близящемся 120-летию со дня рождения поэта, и Станислав Стефанович, обращаясь ко мне, сказал:

– А не составить ли вам к юбилею сборник стихов, посвященных Клюеву?

Поначалу я сомневался в успешности этого проекта, но все же взялся за него. И не зря. В итоге получилась книга, в которую вошло 135 стихотворных произведений 95 авторов. Под названием «Венок Николаю Клюеву. 1911–2003» она была выпущена «Прогресс-Плеядой» в конце лета 2004 года, в преддверии клюевского 120-летия.

Но вернусь ненадолго в год 2003-й. В этом году 19-е Клюевские чтения прошли не в октябре, как обычно бывало раньше, а в начале июля. Из Москвы, Петербурга, Киева, Мурманска, Вологды, томского Северска в Вытегру приехали не только исследователи биогра-

фии и творчества поэта, но и издатели, искусствоведы, художники, сотрудники музеев... Среди участников были Святослав и Татьяна Кравченко – дети художника Анатолия Яр-Кравченко, которому Клюев в конце 1920-х – начале 1930-х годов посвятил немало стихотворений. Дочь художника Татьяна унаследовала творческие и иконографические материалы поэта, отложившиеся в архиве отца (о них еще пойдет речь).

На этот раз вытегоры постарались дать нам возможность – неизбежно мимолетную, но что подделаешь! – увидеть те места родины Клюева, которые он (говоря по-есенински) изобразил вдоль и поперек... Мы выезжали на берег Онежского озера, где провели целый день и отведали сваренной тут же ухи; поднялись на одну из самых высоких точек Севера России – Андом-гору, о которой Клюев писал и в стихах, и в письмах.

Станислав Стефанович то и дело попадал в фокус внимания участников чтений, чьи фотоаппараты щелкали не переставая. Снимки, на которых он был тогда запечатлен, без преувеличения, разошлись по всей России. Медальный профиль его на фоне онежского простора увидят и читатели этой книги...

А в 2004 году юбилейные мероприятия в память Клюева начались в Петрозаводске. Они были блестяще организованы сотрудником Карельского научного центра РАН Е.И.Марковой, автором первой защищенной в России докторской диссертации, посвященной творчеству поэта. Центральным событием тех дней стала четырехдневная международная конференция «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». 21 сентября, в день ее открытия, Станислав Стефанович выехал в Петрозаводск со мной и издательским художником Д.С. Мухиным. При нас была часть тиража «Венка Николаю Клюеву» – сколько смогли взять. И надо было видеть, с каким энтузиазмом по ходу поездки он перегружал из одного транспорта в другой пачки с этими книгами – его детищем...

А в перерывах между заседаниями Станислав Стефанович щедро одаривал «Венком...» пришедших на

конференцию. Он весь светился радостью. При взгляде на него в памяти невольно всплывала строчка из стихов Шершеневича: «Мы – коробейники счастья...» – ведь смотрелся тогда Станислав Стефанович именно таким коробейником...

В эти клюевские дни участники конференции побывали и в петрозаводских музеях, и в знаменитых Кижях, а 25 сентября отправились на родину поэта. На следующий день в Вытегре начались 20-е Клюевские чтения. И конечно, на их открытии не раз вспоминалось о первых чтениях 1985 года, в которых участвовал Станислав Стефанович.

Верный себе, он и здесь выступил с очередной инициативой – обратиться к губернским властям с предложением сделать село Макачево Вытегорского района и его окрестности, где прошли отрочество и юность Клюева, заповедной зоной. Им было составлено соответствующее письмо, под которым подписались как земляки поэта, так и все участники и гости Клюевских чтений, среди которых были ученые не только из России, но и из США, Франции, Польши, Латвии, Украины...

Это письмо на имя губернатора Вологодской области ушло по назначению. Позже мы узнали, что ответ на него оказался, увы, рядовой бюрократической отпиской – под разными предложениями идея об установлении заповедной зоны под Вытегрой была отвергнута.

Казалось бы, сентябрьскими Клюевскими чтениями юбилейные торжества 2004 года успешно завершились. Но не для Станислава Стефановича – ведь родился-то Клюев 22 октября... И накануне этой даты он, взяв с собой изданные им клюевские (и не только клюевские) книги, отправился в Вытегру один, чтобы встретить день 120-летия поэта на его родной земле. На пути туда у него возникли технические затруднения – машина, высланная за ним из Вытегры (расположенной, заметим, в 330 км от Вологды, куда Станислав Стефанович приехал из Москвы), сломалась в дороге. И ему пришлось десять часов добираться до места назначения в рейсовом автобусе.

Несмотря на это, в клюевские места Станислав Стефанович прибыл вовремя, не опоздав к юбилейной дате. Бессменный организатор Клюевских чтений, директор Вытегорского краеведческого музея Тамара Павловна Макарова поместила тогда в местной газете статью «Он многое делал и делает для увековечения памяти нашего земляка», рассказав о вехах деятельности Станислава Стефановича как литературоведа и издателя. Статья заканчивалась так:

«От имени вытегорцев от всей души благодарим Станислава Стефановича за то, что он делал многие годы и делает сейчас для сохранения памяти о Н.А. Клюеве в нашем Отечестве.

Сейчас С.С. Лесневский находится в Вытегре и примет участие в вечерах, посвященных юбилею поэта-земляка, в школах, лесотехникуме и в районной библиотеке. Пользуясь случаем, приглашаю земляков на вечер поэзии с участием С.С. Лесневского. Вечер состоится 22 октября 2004 г. в 14 часов в читальном зале районной библиотеки»*.

Вернувшись в Москву, Станислав Стефанович начал продвигать в жизнь новый свой издательский проект по Клюеву. Замысел его зародился в беседах с киевскими участницами петрозаводской конференции – ведущим специалистом по поэтике Клюева Людмилой Александровной Киселевой и ее ученицей, сотрудницей Музея истории Киева Полиной Поберезкиной, с которыми Станислав Стефанович и раньше встречался в Вытегре и Москве. Он предложил им составить комментированный сборник воспоминаний о поэте.

Через полтора года эта работа была представлена в издательство. Взыскательному Станиславу Стефановичу пришлось в ней по вкусу не все. Композиция книги, предложенная составителями, была принята им без возражений, но способ расположения комментариев и их содержание устроили его далеко не вполне. Кроме

* Красное знамя. Вытегра, 2004, 21 октября.

того, ему хотелось, чтобы в книге непременно было какое-то приложение. Было испробовано несколько других вариантов подачи материала, но они тоже не показались Станиславу Стефановичу убедительными...

Лишь в конце октября 2008 года, возвращаясь поездом Вологда–Москва с очередных 24-х Клюевских чтений вместе со Станиславом Стефановичем, мы пришли к единому мнению как о характере комментариев к воспоминаниям, так и о том, что же следует приложить к основному корпусу текстов книги. И работа над ней возобновилась.

Наступил 2009 год – год 125-летнего юбилея Клюева. Руководство Вытегры предложило нам приурочить 25-е Клюевские чтения к ежегодному городскому празднику – Дню города. Праздник состоялся 18 июля с большим размахом. Были приглашены делегации от районов, сопредельных с Вытегорским. На сцене, устроенной в городском парке, прошло, говоря по-современному, великолепно поставленное литературно-музыкально-танцевальное шоу, стержнем которого были стихи Клюева и песни Виктора Панченко на его слова.

Многолетним участникам Клюевских чтений, среди которых, конечно, был и Станислав Стефанович, были тогда публично вручены благодарственные письма главы районной администрации. Выступая при вручении с ответным словом, он вдохновенно говорил не только о Клюеве, но и о других писателях и поэтах Вологодчины – Василии Белове, Николае Рубцове, Александре Яшине.

Есть снимок, запечатлевший его в тот день среди праздничной толпы, – улыбающимся, под руку с юным созданием... Из множества виденных мною фотографий Станислава Стефановича эта, думается, не просто одна из самых выразительных, но, пожалуй, знаковая – ведь по сути она символизирует его неиссякаемое, абсолютно не подвластное возрасту жизнелюбие.

По возвращении в Москву он стал торопить меня с окончанием редакторской работы над книгой воспоминаний о Клюеве, горя желанием, чтобы она вышла если

не в сам юбилейный день, то по крайней мере не очень уж вдалеке от него.

Встал вопрос и о художественном оформлении книги, и об иллюстрациях к ней. За предшествующие десятилетия у меня собралось немало подходящего материала. Но Станиславу Стефановичу – и я его понимал – хотелось чего-то особенного...

И тут я вспомнил, что у Т.А. Кравченко хранится книга Клюева «Песнослов», подаренная им ее отцу, с надписью: «Переплетено в лоскут от моей рубахи, в которой я в первый раз пришел с этими песнями в каменный серый город». Рисунок ткани клюевской рубахи был нам хорошо известен по фотографиям поэта. И Станислав Стефанович воспламенился идеей – «одеть» книгу в переплет такого же рисунка.

Ранее Т.А. Кравченко уже предоставила для публикации в готовящемся сборнике заметки своего отца о Клюеве. Станислав Стефанович позвонил ей и попросил еще об одном одолжении – позволить использовать в оформлении книги клюевский переплет «Песнослова». Она согласилась при одном условии – провести фотосъемку в ее присутствии. Станислав Стефанович пригласил Татьяну Анатольевну приехать в издательство на Тверской бульвар, послав за ней машину. Она привезла с собой не только раритетный «Песнослов», но и уникальные фотографии Клюева разных лет, сохраненные ее отцом, разрешив отдать их в печать. Все это было переснято для включения в книгу.

24 ноября в Представительстве Вологодской области при Президенте РФ и Правительстве РФ состоялся организованный Вологодским землячеством в Москве литературный праздник «У лебединых перепоутий», посвященный 125-летию поэта, где выступил и Станислав Стефанович. В тот вечер он с гордостью показал нам с Татьяной Анатольевной уже готовый макет переплета и суперобложки книги. В этой ее «одежде» в точности был воспроизведен рисунок ткани клюевской рубахи.

Сборник «Николай Клюев. Воспоминания современников» (888 с., 37 л. ил.) увидел свет в конце

февраля 2010 года. Один из трех полученных им сигнальных экземпляров Станислав Стефанович немедленно отправил в Вытегорский музей Т.П. Макаровой. А 22 марта на заседании писательского «Клуба книголюбов» (Малый зал ЦДЛ) с успехом прошла прекрасно проведенная Б.Н. Романовым презентация книги.

Ни Станислав Стефанович, ни Татьяна Анатольевна по разным причинам присутствовать при этом не смогли. Но через полтора месяца они стали ведущими фигурами другой презентации.

К столетию отчима Татьяны Анатольевны В.А. Косолапова, директора «Художественной литературы» (1963–1970), издательство выпустило составленную ею книгу «Столетие на ладони. Воспоминания». Среди авторов включенных туда воспоминаний был Станислав Стефанович, написавший их по просьбе Татьяны Анатольевны. Открывалась книга вступлением Евгения Евтушенко, чье стихотворение «Бабий Яр» Косолапов в свое время напечатал в «Литературной газете», поплатившись за это лишением поста главного редактора.

Отметить выход книги собрались в начале мая 2010 года на Новобасманной, 19, в одной из комнаток издательства, его сотрудники, те, кто знал В.А. Косолапова и писал о нем, и те, кого пригласила сама Татьяна Анатольевна. Эту скромную презентацию вел Станислав Стефанович, предоставляя слово Е. Евтушенко, Д. Мамлееву, В. Бонч-Бруевичу, А. Салуцкому и др. Все участники и слушатели получили книгу в подарок. (Эта встреча с Татьяной Анатольевной оказалась для нас со Станиславом Стефановичем последней: в декабре того же года она ушла из жизни...)

Забота о том, чтобы изданная им книга о Клюеве оказывалась в руках тех, кто в ней нуждается, не оставляла Станислава Стефановича. Когда в 2010–2013 годах мы собирались в Вытегру на очередные Клюевские чтения, куда выезжать ему самому стало трудновато, он непременно напоминал о том, что надо взять с собой хотя бы несколько книг, чтобы можно было их подарить.

26 апреля 2011 года в Москве побывал французский славист Мишель Нике, исследователь творчества Есенина, Клюева, Клычкова (докторская диссертация ученого «Сергей Клычков и его время» была защищена в Сорбонне). Станислав Стефанович был знаком с ним с середины 1990-х годов. В подготовке книги воспоминаний о Клюеве Мишель Нике принял заинтересованное участие еще во время сбора материала. По моей просьбе он разыскал и перевел для издания фрагменты произведений Никоса Казандзакиса, героем которых был русский поэт, с которым греческий писатель встречался во второй половине 1920-х годов, когда ездил по Советскому Союзу. Пригласив Мишеля Нике в издательство, Станислав Стефанович устроил ему теплый прием и выплатил гонорар за работу, выполненную для книги о Клюеве. Вскоре я получил от французского коллеги сделанный им снимок одного из моментов этой встречи, со Станиславом Стефановичем в центре.

Узнав о его кончине, Мишель Нике напишет:

«Вечная память!

Станислав Стефанович был издатель и писатель-подвижник, храню о нем светлую память!»

...Начиная с осени 2012 года при каждой из наших встреч Станислав Стефанович стал интересоваться, нет ли у меня каких-то новых публикаций. Их не было, и я никак не мог понять причину его настойчивости, пока мне не объяснили, что он ищет повод, чтобы отметить близящуюся круглую дату моего рождения публично.

В середине декабря в Институте мировой литературы РАН вышел из печати второй выпуск «Текстологического временника» – сборника статей по текстологии русской литературы XX века. Среди многочисленных работ ученых из разных городов и стран в нем появилась и моя – «О датировках писем Н. Клюева к А. Яр-Кравченко (1931–1934)». Узнав об этом, Станислав Стефанович немедленно поставил презентацию «Временника» в план «Клуба книголюбов» ЦДЛ. К мероприятию были отпечатаны специальные приглашения и билеты.

Презентация прошла (в том же малом зале) 28 января 2013 года в форме научной конференции, где звучало живое слово ученых из академических кругов и вузовских педагогов. Вела собрание доктор филологических наук Вера Николаевна Терехина из ИМЛИ, но Станислав Стефанович, по существу, стал здесь соведущим. Он вступал в эмоциональный диалог с участниками и публикой, делился воспоминаниями о своих встречах с деятелями Серебряного века.

И посейчас вспоминаю об этом событии, которое Станислав Стефанович изначально связал с моей круглой датой, с самыми добрыми чувствами...

После этого мы уже не виделись с ним, а лишь изредка перезванивались. 23 декабря, придя в Малый зал ЦДЛ на юбилейный вечер И.И. Ростовцевой, я узнал от Б.Н. Романова, что состояние здоровья Станислава Стефановича серьезно ухудшилось. От настигшей его болезни он, увы, оправиться так и не смог...

То, что удалось совершить Станиславу Стефановичу за десятилетия его неустанной подвижнической деятельности – и для возвращения отечественному читателю наследия Николая Клюева, Василия Розанова, Андрея Белого, Даниила Андреева etc. и памяти о них; и для полноценного широкомасштабного утверждения многих имен русского Серебряного века в современном культурном пространстве России, – все это невозможно переоценить.

Что до меня самого – я безмерно ему благодарен. Ведь он стал первым человеком, по-настоящему поддержавшим меня в стремлении вступить на ту тропу, что определила дальнейший путь собственной моей жизни, – и на прошедшие с тех пор тридцать лет и три года, и на оставшиеся (сколько попустит Бог) дни...

Вечная ему память.

Февраль 2014

С юга на север

Летом 2003 года мне позвонила вернувшаяся с Клюевских чтений Людмила Александровна Киселева: «Поля, вы стоите? Сядьте! Вашу книгу хочет издавать Лесневский». Книга вышла почти семь лет спустя под заглавием «Николай Клюев. Воспоминания современников», а тогда готовилась «на предьявителя» – в надежде, что хорошее дело само найдет соратников. Лесневского я, конечно, знала по статьям и книгам; он меня – молодого специалиста из Киева – нет, но, видимо, замысел настолько встраивался в череду клюевских проектов «Прогресс-Плеяды», что рискнул довериться рекомендациям коллег. В сентябре я поехала в Москву знакомиться со Станиславом Стефановичем и собирать недостающие материалы, а в декабре – сдавать рукопись. Так началось наше десятилетнее общение и сотрудничество.

В Москве встречались в издательстве: сначала на Зубовском бульваре, потом на Тверском. Впрочем, однажды он повел в книжный магазин по соседству и с гордостью показывал свои издания на полках. Как-то Станислав Стефанович сказал, что хотел бы открыть книжный магазин на Крещатике. С реальностью идея имела мало общего (к тому времени многие киевские

книжные, особенно центральные, превратились в воспоминание), но кажется, в этом была не только амбиция, но и уверенность: главное дело должно размещаться на главной улице города. Литература была для него предметом служения, а не игры. Когда в июне 2009-го Лесневского пригласили открывать круглый стол «Проект Ахматова» в Фонтанном доме, он вышел к микрофону перед полным залом – торжественный, в костюме и галстучке, несмотря на жару, – и заявил, что считает название неправильным, поскольку Ахматова была поэтом, а не проектом, и затем стал рассказывать о встречах с ней.

Из комнаты «Прогресс-Плеяды», заставленной пачками тиражей, не удавалось уйти без комплимента галантного хозяина, угощения (от «горячего» старательно отказывалась, но в 25-градусный московский мороз была буквально спасена рюмкой водки) и немалой порции книг. Надписи на них изобиловали шуточными обращениями: Лореляй (перед нашим знакомством увидел свет «Поэт с берегов Рейна» Льва Копелева), «ученейшей из прекраснейших» (после конференции), «защитнице Муму» (из-за рассказанного мной анекдота). Книги Лесневский дарил щедрой рукой – в том числе областным, районным, деревенским библиотекам и музеям. Помню на Вытегре его дорожную сумку, вид и предполагаемый вес которой внушали трепет. Для одежды, видимо, места не оставалось, и пиджак вишневого цвета резко выделял Станислава Стефановича среди коллег, переоблачившихся в холодной и сырой гостинице в свитера-джинсы и спортивные костюмы. Из кармана этого пиджака в один из вечеров Лесневский извлек небольшой батон вареной «Останкинской» колбасы: он прослышал о финансовых трудностях киевской делегации и решил нас подкормить, но эффект, пожалуй, не уступал античному «богу из машины».

Он был преданным другом поэтов и читателей – не только столичных и не только российских – и хорошо знал объединяющую силу слова. Над нашей книгой о

Клюеве работали представители 3 государств и 5 наций, и меня всегда поражало, как Станислав Стефанович умел, не скрывая собственной позиции, мобилизовать сторонников разных политических взглядов и научных концепций. От авторов, составителей, комментаторов хотел труднодостижимого, но требования диктовались не коммерческой успешностью, а культурными приоритетами издателя. Наряжал книги, словно любимых женщин: в хорошую бумагу, вклады с иллюстрациями, красивые переплеты и суперобложки.

А сколько людей в разных городах и странах будут вспоминать Станислава Стефановича Лесневского! Маршрут моей благодарной памяти: Москва – Петрозаводск – Вытегра – Вологда – Санкт-Петербург – Москва.

Человек-артист

Не вспомню, когда мы познакомились. Хотя бы потому, что знал Станислава Стефановича Лесневского давно – читал им написанное об Александре Блоке, о поэзии и поэтах, потом и видел, и слышал. А в конце девяностых все чаще встречался в Малом зале Дома литераторов, принимая участие в вечерах – Пушкина, Брюсова, Клычкова, Григория Санникова, Владимира Корнилова, Анатолия Жигулина...

Лесневский любил русскую литературу с религиозным благоговением, служил ей, чтил ее святые имена, совершал паломничества в ее святые места. Существовала такая порода людей, которая, кажется, сходит на нет.

В июне 1999-го вместе с другими паломниками под предводительством Лесневского я попал в Бежецк. Уже у Твери на нас пахнуло дымом, как в ахматовских стихах: «Пахнет гарью. Четыре недели / Торф сухой по болотам горит...» Ахматовой исполнилось 110 лет. По этому поводу мы и ехали.

День отпылал, но так душно оказалось в раскаленной панельно-бетонной гостинице с ласковым названием «Ленок», что мы почувствовали облегчение, лишь испулавшись в двенадцатом часу ночи, при луне,

в Остречине, мерцавшей рядом, через дорогу, за деревьями.

Станислав Стефанович нас вел всюду – и на купанье, и на другой день с утра, на скромную могилу матери Гумилева – Анны Ивановны, где была отслужена лития. А вечером – на сцену зала бывшей женской гимназии.

Прекрасно пел бежецкий хор. Лесневский одаривал робеющих школьниц им изданным «Реквиемом». Я впервые стал свидетелем его ритуальной щедрости, в которой он видел особенный смысл. И выступил он блестяще: зал, не слишком полный, заслушался.

Назавтра отправились в Градницы, к «Дому Поэтов». Двухэтажный, свежекрашенный, покрытый новым шифером, огороженный недавним штaketником среди немногих берез и сосен дом явно чувствовал себя не на месте. В нем из подлинного – ничего, одни голые бревенчатые стены, в гумилевско-ахматовские времена обклеенные синими, разрисованными обоями:

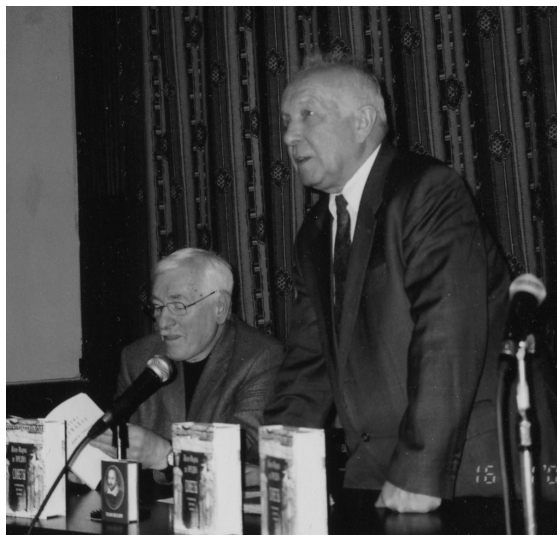
Вот дом, старинный и некрашенный,
В нем словно плавает туман,
В нем залы гулкие украшены
Изображением пейзаж.

Туман в доме остался, сквозь его дымку смутно угадывалась канувшая вместе с пейзажами жизнь.

Лесневский, как я гораздо позже, и, конечно, не от него, узнал, многое сделал, чтобы «Дом Поэтов», когда-то перевезенный сюда из Слепнева, уцелел, стал мемориальным. А в Слепневе, да и окрест, ничего не уцелело:

Орешник, дуб да сень его – Слепнево,
где смуглой Музы просквозила тень,
чтоб вспоминался снова нам и снова
угрюмый взор пропавших деревень.

Хотя в живых давно старухи нет,
что всем о доброй барыньке твердила...
Как ничего и не было. А было!
Придавлен камнем незаросший след.

Вечер сонета. Малый зал ЦДЛ. 16 января 2006

Это Лесневский рассказывал нам о помнившей молодую Ахматову старухе, которую когда-то расспрашивал.

После этой поездки мы чаще стали встречаться, чаще он приглашал принять участие в том или другом литературном вечере, которые вел. Вечера, связанные с изданными им книгами, были памятными. Кто бы еще, кроме Лесневского, мог пригласить на вечер, посвященный Николаю Гумилеву, военный духовой оркестр, оглушавший цэдээловское фойе старинными маршами? Он любил, чтобы на литературных вечерах звучала музыка, пели. И сам был вдохновенен и артистичен.

Лесневский пускался в дорогу легко, ездил много. Не говоря уже о его ежегодных поездках в Шахматово или в Сергиев Посад на могилы Розанова и Леонтьева, он ехал в Вологду навещать больного Василия Белова, в Хвалынский, хлопотать о музее Владислава Полякова, вез туда изданные им альбомы друга-художника, отправлялся в Саратов представлять книгу «Сто стихотворений» Светланы Кековой, в Санкт-Петербург – в Пушкинский дом, в музеи Блока и Ахматовой... Всюду

вез пачки книг, тянул за собой неподъемную сумку на тарахтящих колесиках.

Помню, как мы прибыли на презентацию изданного «Прогресс-Плеядой» «Полного собрания сочинений и писем» Осипа Мандельштама в Пушкинском Доме. Морозный, по-петербургски ветреный неуютный конец марта 2011-го. Ранним утром он трудно выходил из купе на подгибающихся шаркающих ногах... Но неизменная вместительная сумка с новыми книгами катилась за нами. И как только оказались в тихом вестибюле Пушкинского Дома – когда-то здесь располагалась таможня, напоминал он мне, – не дойдя до вешалки, не раздевшись, принялся одаривать появившихся сотрудников весомыми томами. «Станислав Стефанович, – пытался я умерить его щедрость, – оставьте книги для презентации...» Но дарящие жесты продолжались, словно бы он стремился скорее избавиться от неподъемной ноши.

Мне посчастливилось вместе с ним участвовать в Клюевских чтениях в Вытегре, в Хомяковских в Хмелите, в Андреевских в Брянске, Севске, Трубчевске, ехать с ним на встречи с читателями в Тарусу, в Черноголовку, в Богучарово, где музеем Хомякова и библиотеке имени Хомякова он дарил книги и воодушевленно беседовал с детьми из лагерного отряда под названием «Славянофил»...

Он особенно любил музеи и музейщиков. С трогательным расположением относился к Владимиру Даниловичу Гамолину, школьному учителю, сумевшему воссоздать тютчевскую усадьбу в Овстуге и создать музей.

– Вы знаете, с чего начал Гамолин? Первым делом он устроил музей в овстугской школе, основанной дочерью Тютчева. Он в ней и преподавал. Потом стал хлопотать об установке в Овстуге памятника Ленину, который до сих пор сидит с книгой Тютчева в руках... Это же советское время! Только так можно было тогда действовать. Как после этого отказать в восстановлении тютчевской усадьбы?

Думаю, что гамолинское подвижничество очень напоминало его собственные атакующие действия по восстановлению блоковского Шахматова. Он любил вспоминать, как собирал подписи лауреатов Ленинской премии под письмом в правительство о создании в Шахматове музея... Да и сам шахматовский музей начинался с созданной им, Лесневским, экспозиции в таракановской школе...

И в поездках на чтения, посвященные Даниилу Андрееву (а он принимал в них участие трижды – в 2001, 2006 и 2012-м), корил, что мы ничего не делаем по сохранению дома, связанного с памятью автора «Розы Мира» в Трубчевске, призывал хлопотать, писать письма. Но советские времена канули, на новое начальство письма не действовали. Или нам не хватало пылкого упорства, с каким совершал свои подвиги Лесневский.

О себе он не говорил никогда. Но его редкие рассказы запоминались.

«Была студенческая встреча с Шолоховым, и я спросил, как тот относится к Маяковскому. Помолчав, Шолохов ответил: “Я больше люблю Тютчева”. Из этого, – заметил Станислав Стефанович, – я сделал вывод, что Шолохов человек уклончивый и скрытный. Помните у Тютчева: “Молчи, скрывайся и таи / И мысли и мечты свои...”»

О Маяковском, которым тогда занимался, он спрашивал и у Ахматовой. Та ответила: «До революции – это Лермонтов, а потом – плакат». Произнося фразу, он воспроизводил ахматовскую многозначительную интонацию, ее величавые паузы.

Об Ахматовой он написал статью для «Литературной энциклопедии» и с улыбкой замечал, что она была довольна тем, что в ней не упоминалось ждановское постановление...

Взрывной, вспыльчивый, Лесневский был верен и давним, и недавним друзьям. Кто бы, кроме него, мог так любовно издать книгу Марка Щеглова, с которым вместе учился, о котором часто вспоминал.

Как-то мы шли от Белорусского вокзала мимо Электрического переулка, и он показал дом, в котором жил Марк Щеглов. И подробно рассказывал о нем, о его маме, о его комнатке, переделанной из ванной, о том, что писал он, скованный болезнью, лежа...

А его верность Евгению Евтушенко, на чьи ежегодные выступления в Политехническом Лесневский приходил с букетом роз и, как правило, сам покупал билет, отмахиваясь от привилегии дружбы. Он мог и позволить себе сказать в сердцах – это июль 2002-го, – что Евтушенко стал многословен, совсем оторвался от нашей жизни и все вспоминает Поля Робсона и прощается с красным знаменем, с которым давно простились все коммунисты... И тут же восхищался поэтом, и с радостью издавал. В нашем последнем разговоре уже несомненным голосом он довольно выдохнул: «А мне Евтушенко посвятил стихотворение, небольшое...»

Книги Лесневский издавал с размахом. Нет, это не был размах коммерческий. Это был размах творческий. Задуманное им и, к сожалению, не до конца осуществленное собрание сочинений Александра Блока предполагало не только комментированное собрание текстов, но и представление всей литературной биографии поэта, с репринтным воспроизведением прижизненных книг, с воссозданием разных редакций, с привлечением рукописей, со множеством иллюстраций, которые он особенно, почти по-детски, любил и в подборе почти к каждой книге принимал участие. За годы существования «Прогресс-Плеяды» издал целую блоковскую библиотеку, и каждая книга открывала нечто новое в наследии поэта. Чего стоят такие существенные для блоковедения, да и для всей нашей культуры издания, как фундаментально подготовленная «Переписка Александра Блока и Андрея Белого», три тома стихотворений Блока в хронологическом порядке, «Последние дни императорской власти!» А книги Андрея Белого! Николая Клюева! А трилогия, посвященная наследию репрессированных писателей, Виталия Шенталинского! Перечислять можно долго, и есть что сказать о ка-

ждой книге. Их вышло не менее двухсот. И во многих явственный след работы и высокой страсти Лесневского. Порой он был категоричен в редакторских требованиях, порой уступчив. Уступая, был огорчен. Долго не мог забыть, что Н.А. Богомолов не захотел изменить повторяющееся прямое определение в комментариях к однотомнику Кузмина «любовник» на «близкий друг», которое он предлагал.

Он любил книжные ярмарки. Теснящиеся читатели, озабоченные издатели, говорливые писатели. Это были праздники. Часто на ярмарках ему помогала жена, Валентина Ивановна, к торговле книгами относившаяся деловито. Но вот рядом встает Станислав Стефанович, начинает снижать цены, дарить книги, и не только многочисленным знакомым. Торговлю сменяет благотворительность. Но он доволен.

В нашей совместной работе он был, казалось, чрезмерно ревнив. Бывало, что просьбу начинал с подначки: «Ну, вам, наверное, некогда, вы сонеты пишете...» Или: «Вы небось заняты, пишете монографию...» (Никаких монографий я не писал.) Ему хотелось, чтобы редактор жил тем, чем жил он, не отвлекаясь, всячески вовлекал в свои проекты. А их было много, они разрастались, менялись. Конечно, я всегда соглашался и никогда об этом не жалел. Наоборот, потому что работа над однотомником Тютчева, или над «Польской Музой русских поэтов», или над «Катилиной» Блока, да и другими замечательными книгами, увлекала, многое открывала, многому учила. Я, каюсь, все же время от времени что-то делал и для других издательств. А он, дозваниваясь, не застав дома, ревниво расспрашивал: «А вы где? А вы у кого?» Но то, что я оказывался нужен ему для совместного дела, льстило.

Он часто заканчивал телефонные разговоры словом «спасибо». Со всеми. Возможно, употреблял его в первокоренном смысле. Им закончился и наш последний недолгий, увы, разговор.

Те десять лет, что я с ним сотрудничал, оказались самыми увлекательными и плодотворными в моей ре-

дакторской и литературской жизни. В конце концов, он издал мои лучшие книги. Спасибо!

Станислав Стефанович собирался издать еще многое, что по разным причинам в последние годы становилось трудней. Планы не соразмерялись с возможностями. Но он и успел на редкость многое. А книги живут куда дольше людей.

Александр Блок хотел верить в грядущее артистическое человечество, в нового одухотворенного человека. Трудно сказать, каким поэт его видел. Но кажется, что Станислав Стефанович Лесневский принадлежал к блоковскому чаемому человечеству, был человеком-артистом.

Творивший добро

Казалось, что его энергии может хватить на несколько человеческих жизней. Накрепко отложившийся в зрительной памяти и в сознании образ: Станислав Стефанович Лесневский появляется в вестибюле Пушкинского Дома с огромной сумкой, доверху заполненной новинками его издательства, которые он – иногда тут же, в вестибюле – начинает со всей щедростью раздавать. Такая картина репродуцировалась десятки раз: ему было уже за восемьдесят, а он с прежней неиссякающей силой тащил свою сумку, одаряя коллег по историко-литературному ремеслу новыми книгами.

Многие, кто знал его дольше и ближе, чем я, кто постоянно общался с ним в Москве, наверняка вспомнят и обрисуют более выразительные эпизоды, которые ярко характеризуют его жизнь и его личность, щедро распахнутую навстречу людям и бесчисленным добрым делам. Они расскажут о том, как, благодаря в основном инициативе и энтузиазму Лесневского, было восстановлено из небытия разоренное и поруганное блоковское Шахматово, как возрождалась культурная память Москвы; его же в значительной степени усилиями появлялись на стенах зданий мемориальные доски, формировались музейные центры, проводились конфе-

ренции, творческие вечера и т. д. В некоторых его начинаниях мне довелось непосредственно участвовать; никогда не забуду подготовленный им вечер, посвященный памяти Андрея Белого, тогда еще, согласно державной советской таблицы о рангах, пребывавшего в ряду самых презренных литературных персон, среди тех, кто удостоивался упоминания в печати лишь с присовокуплением казенных уничижительных формулировок. Большой зал Центрального дома литераторов был переполнен, публика исключительно заинтересованно и эмоционально реагировала на то, что преподносилось ораторами со сцены: многие из собравшихся, видимо, впервые тогда смогли воспринять масштаб и величие творческой личности Белого.

Андрей Белый послужил поводом для моего знакомства с С.С. Лесневским в уже давно прошедшее время, в 1971 году. Я был только что окончившим университет начинающим сотрудником Пушкинского Дома, он – уже вполне маститым столичным литератором, а в данный момент одним из составителей альманаха «День поэзии 1972». Подготовленная для этого альманаха С.С. Гречишкиным и мною небольшая публикация из архива Белого тогда не состоялась (подобранные составителем в изобилии историко-литературные материалы нещадно сокращались в ходе редакционной работы – резали по живому), но взаимоотношения завязались. Продолжились они в Тарту в 1975 году на третьей – и, что тогда воспринималось как особо престижный знак, первой Всесоюзной – конференции, посвященной Александру Блоку, а после этого не за горами уже было 100-летие со дня рождения Блока, в ходе юбилейных славословий окончательно и бесповоротно провозглашенного великим классиком. Сблизил же меня наиболее тесно и окончательно со Станиславом Стефановичем – настолько, что, несмотря на существенную разницу в возрасте, я дерзаю назвать наши взаимоотношения дружескими, – все же не Блок, главный предмет его профессионального интереса и центральный литературный образ всей его жизни, а все тот же Андрей Белый.

Следствием широкого резонанса, который вызвал упомянутый писательский вечер, посвященный Белому, стало решение подготовить сборник статей и материалов о нем для издательства «Советский писатель». Главным инициатором этого начинания стал опять же С.С. Лесневский. На обороте титульного листа книги «Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации» (М., «Советский писатель», 1988) значится: «Составители Ст. Лесневский, Ал. Михайлов», – однако со всей ответственностью свидетельствую, что основную работу по комплектованию, редактированию и изданию этого более чем 800-страничного фолианта взял на себя Станислав Стефанович (в содружестве с издательским редактором Виктором Петровичем Балашовым, замечательным специалистом по французской литературе, человеком широчайшего культурного кругозора). Подготовка книги шла долго и трудно, на протяжении ряда лет, в ходе которых постепенно расширялись границы дозволенности и гласности и, следовательно, увеличивались возможности говорить об Андрее Белом без оглядки на ветшавшие и рассыпавшиеся на глазах идеологические стандарты. С.С. Лесневский не только принял в сборник несколько моих работ, но и привлек меня к подготовке издания на неформальной основе – как своего рода эксперта-рецензента: материалов поступило гораздо больше, чем позволяли издательские возможности, и приходилось что-то отсеивать, а что-то исправлять, уточнять: сведений о Белом в общем обиходе тогда было очень мало, изучение его только начиналось. Уже тогда мне пришлось убедиться, насколько ответственно и рачительно подходит Станислав Стефанович к книгоиздательскому делу. Он мог бы ограничиться соединением статей и публикаций на общую тему под одной обложкой, и это было бы делом понятным и привычным, но он озаботился тем, чтобы представить в тексте по максимуму изобразительные материалы: в сборнике впервые опубликованы хранившиеся в фондах Литературного музея портреты Андрея Белого, индивидуальные и груп-

повые, фотографические изображения старой Москвы, рисунки Белого и факсимиле его рукописей, воспроизведены обложки его книг и т. д.

Богатая иконографическая составляющая – отличительная особенность едва ли не всех книг, выпущенных в свет С. С. Лесневским в пору, когда он возглавил собственное издательство – сначала называвшееся «Автограф», а в последующие годы развернувшее свою деятельность под именем «Прогресс-Плеяда». Такие осуществленные им издания, как «Стихотворения» Ф.И. Тютчева, тома Собрания сочинений Александра Блока (в особенности книга-альбом «Нечаянная Радость») или недавно вышедшие в свет «Последние дни императорской власти» Блока – это образцы высочайшей культуры книгоиздания и подлинные шедевры полиграфического искусства: факсимильные воспроизведения прижизненных изданий, тщательно подобранный и выстроенный изобразительный ряд, безукоризненное качество иллюстраций. За всем этим открывается объединяющее упомянутые книги и множество неупомянутых начало: любовь к своему делу, благоговейное отношение к предмету книгоиздательского выбора, желание обогатить читателя не только текстом, но и сопутствующими изобразительными элементами, этот текст иллюстрирующими и проясняющими. Даже сборник моих историко-литературных писаний «Русские символисты», вполне суховато-«академических» по стилю, Станислав Стефанович счел необходимым выпустить в свет во внешнем обличье книги-альбома.

Лесневскому-книгоиздателю я особенно, безмерно признателен. Он опубликовал шесть книг, подготовленных мною единолично или в соавторстве с моим американским коллегой и другом Джоном Малмстадом; кроме того, поддержал издание трех томов «Новой Библиотеки поэта»: двухтомник Андрея Белого и том Ивана Коневского субсидированы «Прогресс-Плеядой». Наше многолетнее сотрудничество могло бы быть описано в давно забытых советских эстетических кате-

гориях бесконфликтности: и в существенном, и в мелочах всегда – полное взаимопонимание. Иногда только доводилось сетовать на медленный темп книгоиздательского процесса, но когда вышедшая книга попадала в руки, все сетования забывались, становилось понятно, что на издание, осуществленное на таком уровне, требовалось и немало времени. Похоже, что, влюбленный в Блока и его эпоху, Станислав Стефанович в своих изданиях, в основном посвященных той самой эпохе, ориентировался и на ею впервые утвержденные книгоиздательские стандарты – на изобразительно-оформительскую эстетику «Мира Искусства», книгоиздательства «Скорпион», журналов «Весы», «Золотое Руно» и «Аполлон».

Мой старший наставник Д.Е. Максимов в предисловии к своей книге «Поэзия и проза Ал. Блока» указал, ссылаясь на блоковскую формулировку, что удел исследователя художественного творчества – ходить перед искусством «с непокрытой головой». Именно так работал и воспринимал свою профессиональную миссию С.С. Лесневский. Его биографическая хроника «Путь, открытый взорам. Московская земля в жизни Александра Блока» вышла в свет к блоковскому юбилею в 1980 году, еще до того, как по отношению к литературной эпохе и среде, в которой жил и творил Блок, установился современный объективный подход. Рассказывая о Блоке и его близких, касаясь отношений его с другими писателями символистского круга, он сумел обойтись без идеологических ярлыков, без разоблачений и поношений, которые тогда были нормой высказывания по адресу большинства собратьев поэта по символизму. И в этом – благородство и достоинство биографического повествования, вышедшего из-под пера Лесневского. Достаточно раскрыть вышедшую двумя годами ранее и в свое время весьма популярную книгу Вл. Орлова «Гамаюн. Жизнь Александра Блока», чтобы наглядно убедиться, какую стилистику и какие оценки не принимал Лесневский, работая над своей книгой о Блоке.

И последнее – пожалуй, самое главное и основное, что остается у меня в памяти после десятилетий общения со Станиславом Стефановичем. Он был исключительно доброжелательным к людям и вообще – на редкость незлобивым человеком. Сколько помнится, я не слышал от него никогда сколько-нибудь резких высказываний по чьему-либо адресу. Может быть, это особенность стиля именно наших взаимоотношений, но в моем восприятии это – так. Даже когда он в разговоре касался с нелицеприятной стороны каких-то лиц или эпизодов, он делал это иронически, с усмешкой, не порицая, а скорее недоумевая перед очевидной подлостью или гадостью.

Наверняка он был неприятно задет, когда его, главного энтузиаста, содействовавшего изучению Блока и сохранению памяти о нем, не пригласили в состав редколлегии академического Полного собрания сочинений и писем поэта. Но ни прямо, ни косвенно не высказывался по этому поводу. На явную несправедливость он отвечал делом. Между тем как «академический» Блок, начавшись изданием во второй половине 1990-х годов, затем на длительное время забуксовал на месте, Лесневский успешно выпускал в свет «своего» Блока, осуществлявшегося согласно иным эдиционным установкам, – факсимильные издания поэтических сборников Блока с разнообразными приложениями и исследовательским аппаратом, а также подготовленное В.Н. Быстровым Полное собрание стихотворений Блока, построенное по хронологическому принципу. Ждет своего выхода в свет в «Прогресс-Плеяде» и сборник «Александр Блок и Евгений Иванов», который включает в себя исчерпывающий свод текстов, характеризующих взаимоотношения поэта с его ближайшим другом. Хочется надеяться, что «Прогресс-Плеяда», главное и любимое детище Станислава Стефановича Лесневского в уже миновавшие годы XXI века, продолжит свою деятельность и тем самым станет лучшим знаком памяти об этом замечательном человеке, подлинном подвижнике русской культуры.

О Станиславе Стефановиче Лесневском

Когда отговорили, краткая пауза перед выносом тела – Станислав Стефанович в гробу, неожиданно серьезный, не улыбающийся – и его голос из динамика, неподражаемо беззаботный, безответственно веселый. Я не люблю голоса из репродуктора, и просто в воздухе, и – особенно – в церкви. Казалось бы, здесь, над гробом, магнитофон неуместен – а победило вдруг осенившее: тело уходит, а живой, светлый, улыбчатый голос, именно голос его, всегда и прежде всего будет в памяти слышаться при слове «Лесневский». Загадочная веселость, покоряющая и неприступная, – мне кажется, она что-то защищала в Станиславе Стефановиче, за нее, во всяком случае, я никогда не получал доступа.

Замечательный издатель, словно бы и безалаберный, но только потому, что не доход был его делом, а любовь – влюбленность в тексты, которые он издавал, в людей, с которыми он издавал эти тексты, и в авторов этих текстов. Любовь, прежде всего – к Александру Блоку, жизнь, положенная на воззвание к жизни Шахматова, блоковской России. Но глубокое уважение во мне вызывают верность и преданность Лесневского той литературной среде, вместе с которой он воспитался и рос, в которой он жил. Посмотрите репертуар его из-

даний, что печатал он из литературы его, Станислава Лесневского, времени. Для многих странно сочетание символистов (и славянофилов!) с советскими поэтами и критиками.

Сдружили нас, Станислава Стефановича и меня, символисты. Однако мне дороже был и остается Станислав Стефанович других, еще пространнейших просторов. С ним, его восторгом и настоянием подхваченный я, по рождению православный, впервые побывал в Оптиной, и позже, и снова. Его благодарю за то, что сам и мои дети хоть чуть-чуть мусора выгребли из оптинского храма. Его благодарю за негаснущее в памяти видение – мерзости запустения в Шамордине и лампадки только что освященной, чуть не в сарае монастырской церкви. И на могилы Леонтьева и Розанова он же увозил, к Троице... Лесневский все это знал уже – и влек, весело и настоятельно влек нас видеть, знать, любить.

Вечная ему память!

Вместо прощания

...Нет, еще не пережито, стоит перед глазами, не уходит в прошлое. Не хочется – да и не надо! – прощаться с тем, кто вошел в жизнь с именем Станислав Лесневский. С первой, стародавней встречи-знакомства у Александра Межирова на даче.

Хорошо помню горячую схватку с хозяином – поэтическим мэтром и пестуном, его хищный прицел к стихам, колючие упреки и напутствия: так, меньше любите Цветаеву, больше Ходасевича (мое, в ответ: «Цветаеву я вам не отдам!»), меньше чувств, больше формы и еще, пожалуйста, не ходите в ЦДЛ, вам это не нужно...

А рядом – мягко улыбается и говорит глазами не знакомый еще человек, который будет столько значить в моей жизни. Тогда он просто представился и пригласил – в Шахматово, к Блоку. И уже там, на поэтическом празднике, я увидел его как следует и понял: Блок для него – не прошлое, а постоянно переживаемое настоящее.

Так и повелось с тех пор – в августе – целой кавалькадой, которую собирал Лесневский: то с Татьяной Бек и Евгением Рейном, то с Евгением Борисовичем Пастернаком и Лидией Борисовной Либединой, то

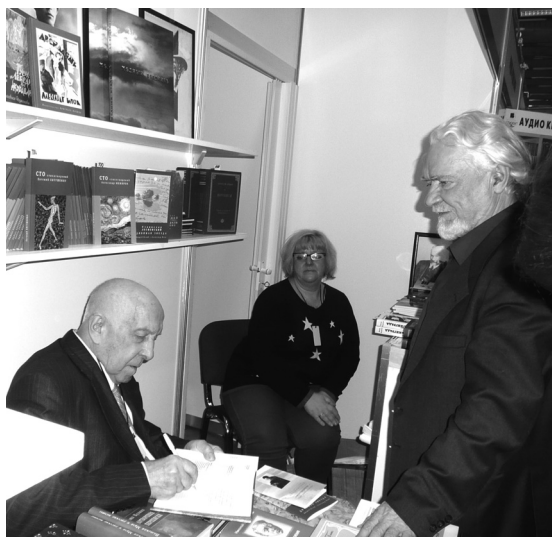
с Евгением Евтушенко и никому еще не известными, ненапечатанными авторами, которые удивляли и радовали порой больше, чем знаменитости и известности. Поэзия начиналась уже в автобусе, едва паломники рассаживались: Лесневский брал микрофон и читал на память, вернее, говорил стихи или говорил стихами, иногда до самой цели поездки, перемежая строки Блока своей разговорной импровизацией, и мы неизменно узнавали что-то новое, причем даже такое, чего не знал при жизни сам поэт!

Удивительное – нет, не знание, а сосуществование со своим кумиром.

Камень-валун-талисман весом в двенадцать тонн нашел и водрузил Лесневский со товарищи в 1969-м на поляне под холмом, где спалили дом поэта. Мощный символ, праледниковый камень, прозванный местными крестьянами Святым, был для него таким же священным, как черный камень Кааба для истового мусульманина.

Ближе к концу праздника Станислав Стефанович взбирался на валун и опять читал стихи Блока, так упоенно, как никто из выступавших поэтов не читал свои. Его невысокая фигура превращалась в восклицательный знак с огромной точкой под ногами, и само действие это было убедительным восклицательным знаком всех Блоковских праздников.

Не раз ездили мы вместе и к другим славным поэтам и прозаикам, которых он действительно любил: то к Розанову в Сергиев Посад, то к Клюеву в Карелию... Его питала горячая, неутоленная причастность к их судьбам, словно он жил не снаружи, а изнутри писательских миров – будь то классики Тютчев или Есенин или современники – Владимир Соколов или Анатолий Жигулин. Далеких и мертвых не было – все близкие и живые. Единственное мерило – талант, независимо от того, куда тот талант причисляли – к «русофилам» или «русофобам», «антисоветчикам» или «советчикам». Лесневский не был пленником моды, не предавал, не

Автограф В.А. Шенталинскому
На книжной ярмарке Non fiction 30 ноября 2013

отдавал, к примеру, Маяковского или Горького расплодившимся недоброжелателям, и в то же время максимально расширял свою литературную вселенную – от Окуджавы до Кожина, от Кушнера до Рубцова и Юрия Кузнецова...

Бывало, он приглашал вести вместе занятия на его семинарах в Литинституте, и я видел, как он увлекал своей страстью и заповедными знаниями – посвящал, как в религию, в великую русскую литературу. Щедро одаривал бедных студентов книгами – лишь бы знали! – Те уходили счастливыми. Вообще, мог запросто – что и делал не раз – купить и подарить тебе книгу, если считал, что она тебе нужна.

Не скажешь, что это был легкий в общении человек, совсем нет – противоречивый, трудный, вспыльчивый, мог обидеть... Случалось, ошпаривал несправедливостью, но быстро остывал, звонил, подходил, винулся.

Детищем этой родной, кровной (так я скажу!) любви к литературе и стала «Прогресс-Плеяда». Хотя,

конечно же, не произошло бы это событие, не будь рядом с Лесневским близких ему по духу кровных родных – сестры Ирены и ее сына, Дмитрия – соучредителей телеканала РЕН-ТВ и еженедельника «The New Times», – подхвативших идею Станислава Стефановича и поставивших ее на твердую финансовую базу. Помню шуточные слова Ирены Стефановны на дне рождения брата, что-то вроде:

– Стасик, дорогой, чем только мы ни занимаемся, чтобы ты мог издавать свою нетленку...

Могу ошибиться в словах, но смысл такой.

Начиналось на Зубовском, потом разместились на Тверском, там же, где и «The New Times», непосредственно под крылом сестры Ирены. Это место я назвал «Лукоморьем», поскольку прямо под окнами стоит на бульваре, вдохновляет легендарный дуб, помнящий Пушкина. Издательская команда – высокие профессионалы, люди талантливые, очень разные, но одинаково безотказные в силу понимания несомненной важности того, что они делают. Многознающие и тактичные редакторы Борис Романов и Виктор Балашов, художники с богатой культурой и интуитивным даром Валерий Сергутин и Дмитрий Мухин, прицельно точный и въедливый рецензент Илья Фаликов (Романов и Фаликов – поэты и прозаики, суверенные художники), умелые верстальщики Лидия Александровна Шелкова, Саша Метелкин, корректор Людмила Николаевна Морозова, секретари, менеджеры, умелицы на все руки – Таня Барышникова и Ира Чижикова (простите, если я кого-то не упомянул)... Каждый сам по себе личность, а вместе – единая упряжка мощностью в десяток человеческих сил, коллектив в лучшем смысле этого слова, как любимое блоковское «товарищ», опошленное советской властью.

Встречи, заседания, посиделки и перепалки, иногда бурные. Неизменно интересные, разношерстные гости. Старомодная по нынешним временам верность Лесневского друзьям юности – это как вторая семья. И во главе стола – Станислав Стефанович, хлопочет,

ухаживает, угостит пирожком, нальет рюмочку... Жалко его иногда – себя не щадит, таскает неподъемные пачки книг. Но физических препятствий для него будто не существует – игнорирует возраст и болезни, не любит о них говорить.

То, что сделал для меня Лесневский, неизмеримо.

Помню тот момент, когда мы шли из ЦДЛ к метро, и он вдруг сказал с каким-то юным задором и вызовом: – Слушайте, а давайте издадим ваши книги! Все три!

Я опешил. Речь шла о трилогии, которую Лесневский позже окрестил так: «Русский писатель в эпоху Большого террора»: «Рабы свободы», «Донос на Сократа» и «Преступление без наказания»...

Я уже давно определяю человека по отношению к этой трагической теме, но не знал тогда, *что* она для Лесневского, не знал о его личной причастности к ней – о себе он обычно говорить не любил, отмахивался. Узнал потом, не сразу, что дед его, при царе – политкаторжанин, друг Дзержинского, был расстрелян, а отец сослан в Казахстан по печально известной 58-й... Но знал я тогда о другом: именно он, Станислав Лесневский, в начале перестройки одним из первых начал раскручивать, поднял эту тему своей сенсационной публикацией в «Литературной России», где доказывал на документах, обвинял литературного бонзу, главу «Совписа» Лесючевского в подлом стукачестве и причастности к гибели Бориса Корнилова, к аресту и лагерной голгофе Николая Заболоцкого. Эта статья наделала много шума и положила начало будущему обвалу архивных откровений и разоблачений. Знал я и другое: что в 1996-м Лесневский стал координатором комиссии по подготовке международного суда над КПСС, но дело тогда застряло из-за страха, саботажа властей и исторической инерции...

И вот теперь такое предложение:

– И давайте издадим – как реквием, как памятник...

Теперь, когда издание стало фактом, можно сказать, что Лесневский и его команда с их душевным участием, знаниями и опытом сделали это так, что лучше сделать просто нельзя, не пожалев ни сил, ни времени, ни денег. Это было совокупное действие, и у каждого – своя, незаменимая роль.

О чем мы думали и говорили, когда готовили издание? Дословно, конечно, не помню. Но если суммировать – о болезни исторического беспамятства, хронической русской болезни, больных которой в народе именуют «Иванами, не помнящими родства». О том, что если эту болезнь не лечить, то в нашей истории наказания без преступлений будут все время чередоваться с преступлениями без наказаний. Что наши книги могут стать посильными лекарствами от этой болезни...

– Наш Нюрнберг не состоялся, – говорил я. – Никто не взял на себя историческую вину за миллионы погибших и не признал юридически, законом преступления советского времени преступлениями против человека и человечности без срока давности. Никто, ни государство, ни общество. И вот – прошлое, как ящер, вползает в настоящее...

И Лесневский на это как-то тихо, но твердо сказал: – Пусть это будет наш Нюрнберг!

Золотые слова, которые очень меня укрепили.

И потом он постоянно участвовал во всех этапах создания книг, вникал во все мелочи. Хотя мелочей в таком деле не бывает...

Ночью звонит телефон, будит. Снимаю трубку и слышу ликующий голос Лесневского: «На свете счастья нет, **но** есть покой и воля!» И короткие гудки. Понимаю, в чем дело. Включаю комп, открываю свою рукопись и нахожу: «На свете счастья нет, **а** есть покой и воля!» Две буквы, одно слово, союз – но как важно! Многое простят, но такого не простят – перевернуть хоть на малую толику Пушкина!

Как он настаивал, чтобы под фотографиями в книгах стояли полностью имя, отчество, фамилия. И был прав – уважение к человеку! Или именно указ-

затель, библиография, комментарии... Порой я сопротивлялся, упирался, казалось, меня тянут в какое-то формальное, ползучее литературоведение. Ан нет! Он просто перебрасывал мост между автором и читателем, поднимал текст на другой уровень понимания, чтобы в результате получилось максимально полное и убедительное, расширенное и уточненное, исходя из знаний сегодняшнего дня, а главное – осмысленное повествование... Не говоря уж о полиграфической культуре издания. Вот так! Скоро сказка сказывается, да не скоро печатается.

«Прогресс–Плеяда» Станислава Лесневского – особая ниша и ноша в современной литературе, ниша и ноша не конъюнктурная, политическая или денежная, нет, – русское Слово, разумное, доброе, вечное. Кто читатель? Тот самый поэта неведомый друг. «Свобода через просвещение», как отчеканила еще в XVIII веке умница Екатерина Дашкова.

Пройдут годы, одна шумная злоба дня сменится другой. Книги «Прогресс-Плеяды» останутся и будут жить и работать в сознании и после нас. В основе всего тут, конечно, вдохновенный энтузиазм Станислава Лесневского – истинного рыцаря литературы, подвижника и просветителя.

«Наш человек», – как говорил о нем наш общий друг Володя Леонович.

С первой встречи... И до последней, всего два месяца назад, 30 ноября ушедшего года, на выставке «Нон-фикшн» в Доме художника. Лесневский скромно сидел на фоне книг, в уголке своего издательского прилавка, в духоте и шуме торжища, бледный, уже смертельно больной, сидел не горбясь и вел разговор – о новых издательских планах.

Подарил свою книгу «Русская даль. Шахматово» – я порадовался, поздравил: наконец-то издал себя! Подзаголовок: «Пролог». Введение в биографию любимого поэта. Не успел завершить все повествование – издавал других.

Пролог. Жизнь Станислава Лесневского, с ее заделом на будущее, при всех богатствах и свершениях, стала прологом, поскольку единственный серьезный недостаток жизни – в том, что она коротка.

«Дорогим друзьям Виталию и Татьяне Шенталинским с любовью и благодарностью». Эта надпись на «Русской дали» – последние слова, которые мы услышали от него. С любовью и благодарностью – эти слова теперь говорю ему, в надежде, что он слышит.

Последняя поездка Лесневского

Мы с Лесневским ходили по разным дорогам. В то время (я говорю о середине 60-х годов) он был уже известным литературоведом и критиком, автором целого ряда статей о Блоке, Маяковском, Ахматовой, Асееве. Он собирался написать отдельные книги об этих поэтах, в том числе и о Хлебникове, а я был начинающим литератором, делающим первые шаги на этом поприще. Впервые я обратил на него внимание еще в 1967 году, когда он напечатал в «Московском комсомольце» статью о Хлебникове, посвященную дню его рождения, под странным, но поразительно точным названием – «Велимир из страны Ладомир».

В том же году в «Учительской газете» появилась и моя статья о Хлебникове, приуроченная к очередной годовщине его смерти, под названием «Сберечь дом поэта», в которой я поднимал вопрос о спасении школы и баньки в Санталове, где Хлебников провел последние дни и где он умер в 1922 году. Упоминаю здесь свою статью только потому, что мы с Лесневским за два с небольшим месяца до его смерти говорили об этом сюжете. Наш разговор состоялся в октябре 2013 года на Хлебниковской конференции в Великом Новгороде, на которую нас пригласила профессор университета

Т.В. Игошева. Это была его последняя поездка. Он хорошо знал и любил провинциальную Россию и посетил все или почти все ее заповедные литературные места.

В своем выступлении на новгородской конференции я подробно рассказал о своих попытках спасти хлебниковские постройки в Санталове и о своей давней статье на эту тему. Говорил о том, что сам поэт, санталовские школа и банька были увековечены на знаменитых рисунках П.В. Митурича, ныне хранящихся в Третьяковской галерее. Об одном из этих портретных рисунков Лесневский писал: «Самый правдивый портрет Будетлянина – это Велимир Хлебников на смертном одре, потрясающе запечатленный Петром Митуричем. Последним словом мыслителя и поэта было: “Да”. И еще – далекая, вечная, романтическая мелодия несказанного, уводящая Будетлянина в непостижимую страну поэзии».

В 1967 году мой вопрос, поднятый в статье, поддержали известные поэты и деятели отечественной культуры – Борис Слуцкий, Андрей Вознесенский, Лев Озеров, Михаил Зенкевич, профессор Н.Л. Степанов, составитель и редактор первого собрания произведений Хлебникова, и др. Кроме того, тогда же я ездил советоваться в Пушкинские горы к С.С. Гейченко. Добился приема у президента Академии художеств скульптора Н.В. Томского (он был родом из Старой Руссы). Президент поддержал мою идею устроить в Санталове летнюю дачу для художников. Но все мои попытки спасти постройки закончились ничем. Спустя годы эти постройки разрушились от времени, а деревня фактически «умерла» – в ней не осталось ни одного жителя.

После моего выступления Лесневский спросил меня, почему я тогда к нему не обратился – он бы мог помочь. Он действительно был великим и изощренным мастером спасения литературных памятных мест, умел пробивать стены бюрократической системы и умел добиваться своего. Но тогда мы еще не были знакомы, и это было за три года до его первых попыток воскресить и спасти блоковское Шахматово. Как я сейчас пони-

маю, обратиться я в той ситуации к Лесневскому, его деятельное участие могло бы помочь сохранить хлебниковские места в Санталове.

К сожалению, я не помню, когда и где мы познакомились, вероятно, это было в начале 70-х годов. Наши пути пересекались, и мы неоднократно встречались – в «Литературной газете», в издательстве «Советский писатель». Мы вместе ездили на юбилеи поэтов – в 1983 году в Тбилиси и Багдади на 90-летие Маяковского, а в 1985 году в Астрахань на столетие Хлебникова. В издательстве «Советский писатель» мы почти одновременно готовили к печати книги. Он работал над двухтомником «В мире Маяковского» (1983), в который пригласил участвовать и меня. Однако эта затея оказалась неудачной: моя статья «Маяковский и Блок» уже была доведена до верстки, но из-за многочисленных упоминаний имени Л.Ю. Брик текст был снят цензурой. Через некоторое время в этой же редакции Лесневский вместе со своим другом В.П. Балашовым работал над капитальным трудом «Андрей Белый. Проблемы творчества» (1988).

В это же время я также готовил к печати как редактор книгу В. Катаняна «Хроника жизни и творчества Маяковского» (1985), а затем работал над сборником В. Хлебникова «Творения» (1986). Мы встречались почти каждый день, но сблизились значительно позже – в 90-х годах, когда вместе оказались в Блоковской группе ИМЛИ. Затем мы оба ушли из ИМЛИ на «вольные хлеба». И здесь начинается переломный и, пожалуй, самый значительный период его жизни – он создал издательство «Прогресс-Плеяда», которое стало одним из самых выдающихся событий культурной жизни России того времени и которое будет своеобразным памятником ему. Когда появится библиография «Прогресс-Плеяды», станет видно, какой значительный пласт русской культуры выявил и поднял Лесневский, но эта тема требует отдельного разговора.

Вернусь к Хлебниковской конференции. Никто не подозревал, что Лесневский серьезно болен (может

быть, он и сам этого не осознавал), и ему осталось жить всего два с небольшим месяца. Он ходил с палочкой, медленно, но активно участвовал в «трудах и днях» конференции, выступал в прениях почти после каждого доклада, предложил следующую конференцию организовать в Хвалынске. Рассказал, что там сохранился дом, в котором жили П. Митурич и его жена Вера Хлебникова, сестра поэта, и который запечатлен на одном из рисунков художника. Он ездил вместе с нами в деревню Ручьи, где на местном кладбище был ранее похоронен Хлебников, но могила его была утеряна. В 1960 году племянник поэта Май Митурич приезжал сюда, якобы разыскал могилу и перевез прах в Москву на Новодевичье кладбище. В последний день конференции Лесневский снова попросил слово и выступил с воспоминаниями о встрече с Ахматовой. Он подробно рассказал о встрече и привел ее слова о Маяковском: «До революции – Лермонтов, а потом – плакат».

В воскресенье, 20 октября 2013 года, после конференции Лесневский вместе с Т.В. Игошевой полдня провели в музее деревянного зодчества, говорили о Блоке и обсуждали план Лермонтовского сборника...

Когда пришло известие о кончине Станислава Стефановича, Стасика, как называли его близкие друзья, я написал Т.В. Игошевой и предложил, готовящийся сейчас сборник Хлебниковской конференции посвятить памяти Лесневского...

В воспоминаниях о своем учителе В.Д. Дувакине Лесневский назвал его «подвижником» и «истинным рыцарем поэзии Маяковского». Эти слова можно отнести к самому Лесневскому, но с одной поправкой – он также был настоящим подвижником русской культуры и истинным рыцарем всей русской поэзии – от Пушкина до поэтов сегодняшнего дня, которых он издавал в серии «Сто стихотворений».

Последняя встреча

Последнее время все чаще и чаще говорят о том, что во сне время течет в обратном направлении. После ухода Станислава Стефановича я ловлю себя на мысли, что мне необходимо усилие, как будто перематывая ленту памяти, чтобы вспомнить что-то из далекого прошлого, а последняя встреча стоит перед глазами.

Мы встретились в Новгороде на конференции, посвященной Велимиру Хлебникову, в октябре 2013 года. Устроители организовали поездку на кладбище в деревню Ручьи в Новгородской области, где в 1922 году был похоронен Председатель Земного Шара. Как у настоящего бюджетянина и жизнетворца, у Хлебникова две могилы: в 1960 году останки поэта были перенесены на Новодевичье кладбище. До сих пор спорят, перезахоронили или не перезахоронили. Хотя точку в этом споре давно поставил Хармс: «Ногу за ногу заложив, Велимир сидит. Он жив».

Одного из литературоведов, приехавшего на конференцию, мучили сомнения, действительно ли заумь Хлебникова – гениальная поэзия или это просто игры разума, вводящие всех в заблуждение. Этими сомнениями он делился со мной в автобусе. И вот у могилы, а может быть, у кенотафа, который украшал надгробный

памятник скульптора В.М. Клыкова (маленький голый мальчик с короной на голове прижимает к груди свиток), я попросила Станислава Стефановича почитать стихи гениального Велимира. Он стал читать из «Зверинца»...

Забытое Богом деревенское кладбище в такой глуши, кажется, что время остановилось, каменный мальчик с закрытыми глазами, прижимающий к груди каменный свиток, письма на неизвестном языке, вырезанные на могильном камне, лучи заходящего солнца, почти горизонтально прочерчивающие пространство... И Станислав Стефанович читает стихи, читает так, как будто это не чужое, а им написанное, он так читал всегда и всех поэтов, как свое, длинные куски по памяти (меня всегда призывал учить наизусть все, что нравится), чувствуя и переживая ритм и слыша каждое слово как поэтическое. Сомнения тотчас развеялись, на каком бы языке ни был написан этот текст, умном, или заумном, или даже еще неизвестном нам, – это настоящие стихи. И литературовед-скептик заметил, что да, это поэзия, и ему это нравится.

Другой эпизод из этой поездки, всплывающий в моей памяти, это выступление Станислава Стефановича в Новгородском университете имени Ярослава Мудрого, расположенном в стенах Антониева монастыря XII века. Он вспоминал о своем знакомстве и встречах с Анной Андреевной Ахматовой: в те далекие шестидесятые он был отправлен в Ленинград, к Ахматовой журналом «Юность», где он тогда служил. Я слышала эти воспоминания неоднократно, но на этот раз он был в ударе и своим удивительно певучим голосом (он никогда не проговаривал скороговоркой, а всегда тянул, будто пел, привычка, выработанная чтением стихов) изображал то себя, робкого юношу, осмеливающегося задавать вопросы, то величественную Ахматову, еще при жизни ставшую поэтическим памятником и с высоты бессмертия благосклонно взирающую на смертного, задающего ей вопросы. Ахматова была для Станислава Стефановича идеальной женщиной во всех смыслах.

С О. Кузнецовой. Великий Новгород. Октябрь 2013
Фото А. Николаева

«И не поэтому ли дочь названа Анной?» – мелькнула в моей голове мысль.

Последнее воспоминание из этой поездки – монастырь Михаила Клопского. Уникальный святой, московский князь XV века, оказавшись на монашеской стезе, выбрал путь юродства, чтобы обойти гордыню. И судьба монастыря под стать: опустошенный в советское время с разрушенным храмом, без крыши, среди чистого поля стоял он. И вот в недавнее время стал восстанавливаться. Появились три монаха, идут службы, воздвигли крышу, реставрируют фрески. Я помню, как Станислав Стефанович медленно шел по монастырской земле, заходил в храмы.

Мой сын сделал несколько снимков...

Шахматово. Лесневский. Молчанов

Вся поэзия Блока дышит Шахматовом, которое он называл «углом рая на земле»...

Впервые Виктор Сергеевич Молчанов приехал сюда сразу после войны, в 1946 году. Он застал здесь еще людей, видевших и помнивших живого Ал. Блока, хранивших его рукописи и вещи из сожженного крестьянами дома. Затем он привез сюда и Глазунова, и Солоухина, и Лесневского... Станислав Стефанович Лесневский стал основателем всех праздников поэзии в Шахматове. По его инициативе на поляну перед бывшей усадьбой Блока в 1969 году был привезен из оврага старейший-престарейший камень-валун, ставший центром, мозгом этого места. На него взбирались все, кто хотел почтить память поэта его стихами.

У Лесневского это получалось лучше других. Автор многочисленных книг и статей о Блоке, участник и ведущий всех 44 праздников поэзии, он настолько глубоко и полно постиг творчество поэта, что к концу жизни, на мой взгляд, и сам стал похож, даже внешне, на Александра Блока. Он горел огнем блоковской поэзии и очень переживал за судьбу шахматовского музея. Главной его мечтой все эти годы было восстановление из руин таракановской церкви над живописной речкой

Лутосней, церкви, в которой венчался в начале XX века Блок с Л.Д. Менделеевой. Этого не произошло. Тревожила его и угроза застройки этих волшебных-прекрасных мест коттеджами «новых русских».

Творчество моего отца Станислав Стефанович оценил глубже и тоньше всех остальных. Он неизменно называл его то «Колумбом» Шахматова, то «Пименом», увековечившим в своих фотографиях и дневниках все своеобразие и красоту этих мест. Став главным редактором издательства «Прогресс-Плеяда», он при поддержке своей замечательной сестры Ирены Стефановны начал издавать поэтов Серебряного века, где Блок и его окружение заняли первое место. В 2002 году он издал брошюру В.С. Молчанова «Мое открытие Шахматова», тираж которой разошелся мгновенно.

Творческое содружество Молчанова – Лесневского продолжалось десятилетиями. Не забыл он и мою маму, называя ее «музой» всей нашей дружной семьи. Он сумел издать и ее книгу-летопись всех блоковских праздников с 1971 по 2000 год. Не забыл он и обо мне, когда не стало два года назад и моей мамы. Быстро и энергично Станислав Стефанович помог мне спасти одну из ценнейших коллекций «По пушкинским местам» – фотографии, которые мы вместе с ним передали на вечное хранение в Музей Пушкина на Пречистенке его директору Евг. Богатыреву. Станислав Стефанович устроил совершенно неожиданное для меня самой мое выступление в ИМЛИ на конференции, посвященной драме Блока «Роза и Крест». А я в свою очередь с большой радостью поделилась с солидными учеными своими драгоценными воспоминаниями о постановке в Театре Вахтангова режиссером Евгением Рубеновичем Симоновым пьесы «Роза и Крест» в 1983 году. По просьбе Станислава Стефановича передала я в его издательство и свои театральные заметки, эскизы костюмов, фотопортреты актеров. Лесневский даже задумал издать все это небольшой брошюрой. Он всегда был полон самых неожиданных и дерзких планов, а нас с братом Антоном часто называл «дерзкими птенцами»...

В августе 2009 года, на 40-м Дне поэзии А. Блока, в очень торжественной юбилейной обстановке Станислав Лесневский устроил наше с мамой выступление. Мама прощалась с Шахматовом двумя, близкими ей стихотворениями Блока, которыми четыре года спустя будет прощаться и сам Лесневский, *4 августа 2013 года*. Не помню, чтобы раньше он включал их в свой репертуар. Теперь это совпадение кажется символичным.

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

«Не до нас ей, жизни торопливой...» – звучат теперь для меня откуда-то сверху два голоса – мамин и Станислава Стефановича Лесневского.

На этом последнем для него Дне поэзии в Шахматове *4 августа 2013 года* Станислав Стефанович снова, теперь уже в последний раз, представит меня собравшейся перед камнем публике, как только он один на всем свете и мог это сделать, ярко и с мягким юмором, представит меня как человека, поклонявшегося Достоевскому и Вахтангову, но в конце концов «бросившего» и того и другого во имя фигурного катания на коньках в Парке Горького.

За несколько месяцев до смерти Станислав Стефанович попросил меня принести ему фотоальбом «Выхожу я в путь, открытый взорам» с папиными фотографиями и чернильной пометкой: «авторский экземпляр». Папа, я знаю, берег этот альбом как самую большую ценность. И вот эту ценность теперь унес с собой в иной, неведомый нам мир как самую дорогую реликвию, Станислав Стефанович Лесневский. Унес то, чем он жил, чем жил и В.С. Молчанов.

Блок с его пророческой лирой, «ландшафт, дышащий строкою Блока», творческая многолетняя дружба двух замечательных людей, заглянувших в век XXI, но помыслами своими оставшихся в веке прошлом, – все слилось для меня в единый образ «добра и света».

Не забудем...

Не так часто жизнь дарит тебе встречи с замечательными людьми.

Станислав, Стас Лесневский...

Не верится, что не увижу больше его приветливой улыбки, не услышу его голос. Больше пятидесяти лет мы знали друг друга, когда-то в молодости ходили в походы по Подмоскovie дружной издательской компанией, были коллегами в издательствах – то в давнем «Советском писателе», то в основанной им «Прогресс-Плеяде». Это были незабываемые годы дружбы, годы доброго делового сотрудничества. Какие замечательные книги (под его руководством) мы выпускали, как уютно было жить в этом коллективе; не контора это была, а клуб друзей-единомышленников; людей, самозабвенно любящих литературу, преданных издательскому делу. И центр всего этого – порядочный, умный, с широкой душой, интеллигентный Станислав Лесневский.

Как часто мы собирались, чтобы отметить выход той или иной книги, либо за праздничным новогодним столом, когда в атмосфере доброты и участия могли вдруг родиться стишки-экспромты во славу нашего единения. Вот один из них:

С. ЛЕСНЕВСКОМУ
В. БАЛАШОВУ

Виват «Прогресс-Плеяда»,
Станіслав и Виктор!
Для вас читать я рада
Корректорский набор.

Отличные парнищи,
Трудитесь много лет,
Чтоб новые книжищи
Увидели сей свет!

Он, Станислав, открыл мне Шахматово, и сейчас я вижу его стоящим на валуне и читающим Блока. С тех давних пор я полюбила это место и часто там бываю.

Не стало Станислава, уходят друзья-ровесники, растет пустота вокруг. Но не уйдут из памяти их родственные чуткие души.

Лежат передо мной его последние, только что вышедшие книжечки о Шахматове, Блоке, Белом с трогательными надписями. Грустно... Осиротели мы, «прогресс-плеядовцы»... Но Станислав всегда с нами. Память о добром, замечательном коллеге-друге вечна.

10 февраля 2014

Дар «творить встречи и судьбы»
(Отрывок из воспоминаний)

У Станислава Стефановича был удивительный дар, во многом близкий отмеченному современниками дару Максимилиана Волошина, – он умел сблизать, сдруживать людей, «творить встречи и судьбы», по емкому и верному определению Марины Цветаевой. И делал он это всегда бескорыстно и просто. Просто не умел иначе жить...

Коктебель, 1992 год. В полдневном жарком мареве августовского солнца тонут и дрожат, словно башни древнего, давно рассыпавшегося в прах, но вечно живого в миражных образах города, уступчатые хребты Карадага. Но вырастает в памяти другая башня – Дом поэта М. Волошина, под чьими гостеприимными стенами проходит международная конференция, посвященная Андрею Белому. В свободной атмосфере, расположившись в уютных летних стульях, докладчики делятся с собравшимися своими мыслями и концепциями. Из них вспоминаются Жорж Нива, Сергей Гиндин. Но в еще большей степени вспоминается незримо присутствующий среди них Макс Волошин (как же без него, хозяина Дома?). А после докладов – прогулки по пляжу, сидение в кафе у берега моря. И Станислав Стефанович, читающий стихи любимых поэтов: Блока, Белого, Волошина...

Как он это любил и умел делать – читать стихи! Как зажигал ими, вдохновлял ими! Не будучи в душе поэтом, так читать – невозможно. И не только читал, но и говорил, спрашивал о жизни, делился своим. Читают только стихи лишь самовлюбленные поэты. А он – именно интересовался по-настоящему, жил другим человеком. Этот дар всепричастности к судьбам близких людей, друзей, в нем был всегда. И еще – дар благодарной и благодатной памяти, которая, откристаллизовавшись и настоявшись в судьбах этих конкретных людей, может привести к нечто большему – к судьбам народа, родины, истории... И он был настоящим хранителем этой памяти.

Коктебельский закат искрился и истаивал в зыбкой игре набегающих волн... А мы все ходили и не могли наговориться...

Вспоминается уже Шахматово, 2012 год. Проходит очередной праздник блоковской поэзии. И Станислав Стефанович, взобравшись (который уже раз!) на камень, читает бессмертные ахматовские строки:

И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...

Читает, как всегда, по-молодому, весело, и далеко окрест разносятся стихи Блока, Ахматовой... С высоты шахматовского холма открывается удивительный «путь, открытый взорам»... На душе светло и радостно. И только перестают звучать последние строфы, вдруг на нас обрушивается августовский ливень. Но в душе и в воздухе еще слышны строки Блока, голос Станислава Стефановича. Камень становится влажным и, под сплошными тяжелыми струями дождя, как будто не таким уж большим и вещественным. Он впитал уже и впитывает влагу неба, прочитанных стихов...

И верится мне: покуда стоит этот камень, до тех пор, пока жива в нас и в наших потомках память, вечно будут разноситься над Шахматовом веселым ливнем слова настоящей поэзии голосом Станислава Лесневского. Этот голос, как и страницы его книг, теперь неотделим от судеб Шахматова, Александра Блока, России...

Человек прямого действия

Смерть Станислава Лесневского, как и всякая смерть, памятуя о его возрасте и здоровье, была ошеломляющей неожиданностью. Это произошло совсем недавно, а потому затруднительно выстроить некую воспоминательную картину, трудно свести воедино многоголосицу припоминаний. Все свежо, горько, сбивчиво. Не говоря уж о метафизической проблематичности мемуарных начертаний. О чем писал столь чтимый, более того, любимый Лесневским, Иннокентий Анненский:

А небо дымное так низко нависало,
Все мельче сеял дождь, но глуше и туманней,
И чья-то бледная рука уже писала
Святую ложь воспоминаний.

Вот и страшно впасть в святость и ложь. А эти две старухи всегда бредут рядом.

Здесь неуместно писать о том, что сделано Станиславом Лесневским в русской художественной словесности второй половины XX века. Все наименования рода занятий (критик, литературовед, эссеист, краевед, педагог, литературно-общественный деятель и прочая) никоим образом не исчерпывают его жизненного удела.

Конечно, все это пребывает в родственных сплетеньях и еще в чем-то трудно определяемом. Хотя существует единственное всеобъемлющее слово применительно к этой личности, к ее жизни и судьбе – Поэт. Когда я сталкивался с различными делами и занятиями Станислава Стефановича, лишенными чиновности и чванливости, или глядел, как он пересекает пространство московских улиц, да и просто, когда встречал его на многочисленных собраниях, встречах или во дворе Литературного института, – с давних пор и до последних его дней мне приходила в голову известная знатокам русского художества первой четверти XX века определение-метафора – «странствующий энтузиаст». Неугомонность и неутомимость Лесневского были поразительны и присущи ему на протяжении всей жизни. Сколько раз, и еще совсем недавно, при какой-то оказии приходилось звонить ему. И чуждые ответы: «Здравствуйте, я вот иду тут по Вологде»; «Здравствуйте! Я тут в Бежецке, в вашем Тверском краю, у могилы матери Николая Гумилева»; «Здравствуйте, я в Петербурге, иду к дому Державина» и т. д. Года три назад позвонил мне в глушь Тверской губернии: «Здравствуйте! Вы где?» Я сказал. И в ответ: «А я вот в Хвалынске, слышали про такой городок на Нижней Волге? Отсюда Петров-Водкин. Это русский Барбизон...»

Он любил, чувствовал, понимал и далекую, и близкую Россию. Особенным его расположением пользовались, конечно же, Шахматово, Питер, Тверь и Бежецкий край, Вологда – места, где его любили и всегда ждали. Известны его близкие отношения с семьей Василия Белова. Нежная особость вологодских чувств Лесневского сказалась в отменно подготовленных им изданиях сочинений Рубцова и Белова. Накануне похорон Станислава Стефановича мне позвонил председатель вологодской писательской организации Михаил Иванович Карачев и просил передать тем, кто будет на прощании, о скорби многих и многих на Вологодчине. Я несколько раз бывал вместе со Станиславом Стефановичем в этих краях, как, впрочем, и в других, и меня не переставали

удивлять его энтузиазм, восторг и какая-то служилая выносливость. Прошедшим летом мы вместе ехали в Вологду, а потом в далекий городок Никольск, в края, связанные с жизнью и искусством Александра Яшина. А из Вологды до Никольска больше четырехсот километров. Но все это Станислав Стефанович переносил мужественно, а его поведение и выступления на этих дальних дорогах были переполнены очень личным воодушевлением. И люди вокруг это чувствовали.

С легкой улыбкой, он был очень интересен, оригинален и глубок как рассказчик, как вдумчивый и талантливый свидетель «былого и дум» на Руси. Припоминается два случая. Они просто врезались в память, хотя Лесневский никак их не толковал. Он встретился с Ахматовой и, беседуя с ней, спросил об ее отношении к Маяковскому. Здесь уместно напомнить, что в свои университетские годы Станислав Стефанович был убежденным «маяковцем». Ответ Ахматовой: «До 17-го года – это Лермонтов, после – сплошной плакат». Или как он, оглядывая литинститутские стены, вдруг сказал: «А я помню, как давно здесь проходила встреча с Михаилом Шолоховым. И я спросил его, как он относится к Маяковскому. Шолохов немножко помолчал и довольно строго ответил: “Я люблю Тютчева”». Я спросил Станислава Стефановича: «И все?» – «Все», – ответил он.

Особенно сблизила с Лесневским меня и моих товарищей его работа на нашей кафедре новейшей русской литературы Литературного института им. Горького, с которым Станислав Лесневский был связан кровно и долго: сначала как аспирант, затем как преподаватель Высших литературных курсов и, наконец, нашей кафедры, куда его пригласил я. Он вел спецкурс «Александр Блок и русская культура» и приходил на занятия – а ему было весьма тяжело – до конца ноября прошедшего года, пока болезнь не свалила его окончательно. Но и в эти, как оказалось, последние дни жизни, он часто звонил мне и делился самыми различными соображениями и предложениями. Даже за два дня до кончины,

уже еле говоря, он просил меня взяться за подготовку тома сочинений Александра Межирова для «Библиотеки поэта».

Мы любили Станислава Стефановича, мы очень радовались тому, что он среди нас. Впрочем, не меньше им восторгались и любили его студенты. Он, слава Богу, не был похож на среднестатистического профессора, прежде всего в силу своей неординарности и веселой артистичности натуры. Студентов он обожал и баловал их, как балуют любимых детей. Несмотря на свою занятость, на возраст, на недуги, он все время их куда-то водил и возил: Шахматово, Таруса, Петербург, Музей литературы Серебряного века, Музей Андрея Белого, Сергиев Посад и тамошние места, связанные с именами Константина Леонтьева, Василия Розанова, Павла Флоренского... Порой печалился, что студентов в поездке было маловато. На каждое занятие в огромном количестве приносились великолепные книги его великолепного издательства и дарились студентам. Такой щедрости Литературный институт еще не видывал.

Он был пристрастным участником кафедральных, научно-литературных и издательских начинаний. И это участие было живым, вдохновенным. И поэтому вспоминается он внимательно слушающим, говорящим, полемизирующим и всегда без рисовки возвышенным на различных собраниях, посвященных Иннокентию Анненскому, Сергею Клычкову, Николаю Гумилеву, Александру Твардовскому и другим. Он всегда приглашал нас на те вечера, что вел в Малом зале ЦДЛ по понедельникам, или просил что-то написать для книг, выходивших в издательстве «Прогресс-Плеяда». А то, что делало его издательство, было пронизано тончайшим вкусом и редкой культурностью. Это хорошо известно просвещенной публике. Да и вообще Станислав Лесневский был личностью прямого действия. Ему было мало учить и просвещать, писать и выступать. С максималистской воодушевленностью и энергией все, в чем он видел культурную и историческую насущность, он воплощал в практическом деянии. Это, как и многое

другое, в потоке времени зачтется ему. Впрочем, в этом скором и кратком очерке не удастся коснуться многого и очень важного. Кафедра без Станислава Стефановича опустела. И вот ныне сидишь и представляешь легкий стук в дверь – и входит милый Станислав Стефанович, с цветами для наших женщин, с какими-то гостинцами, и начинаются долгие и благодаря ему блистательные посиделки. Всякий человек и всякое дело, которых коснулась богатейшая и единственная в своем роде натура и жизнь Станислава Лесневского, с этой животворящей памятью и будут жить.

Лидия БОГДАНОВА

С нами посегоднѧ

...Но что мы создали, то с нами посегоднѧ.

Н. Гумилев

Станислав Стефанович Лесневский совершенно уникальный, единственный в своем роде человек: увлеченный, бескорыстный, благородный и верный рыцарь, добровольный слуга русской культуры. Его широкой души, блестящего интеллекта, физических сил, страстного желания что-то конкретное сделать хватало на очень многие российские музеи и библиотеки. Он практически до своего последнего дня не устал ездить по России, всегда с книгами, которые с радостью дарил.

Мне выпало счастье познакомиться с Лесневским в середине 1980-х, я в то время работала в Тверском (тогда Калининском) государственном объединенном музее и занималась Серебряным веком, в частности Ахматовой. Надо сказать, что в 80-е годы круг людей, изучающих жизнь и творчество все еще не совсем официальной Анны Ахматовой, был довольно тесным. Этому кругу до мельчайших деталей было известно обо всем, что происходило в ахматоведении, все знали друг о друге, даже если не были лично знакомы, а познакомившись, становились друзьями. Это было замечательное время, когда любовь к поэзии, литературе знакомила и объединяла нас, делала близкими родственниками и так много места занимала в нашей жизни... Вот и со

Выступление в Бежецкой библиотеке. Март 1987

Станиславом Стефановичем нас «познакомила и подружила» Анна Ахматова.

В своей автобиографии Ахматова пишет: «Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в шестнадцати верстах от Бежецка <...> Там я написала многие стихи “Четок” и “Белой стаи” <...> Там встретила войну 1914 года, там провела последнее лето 1917...» Это о деревне Слепнево, которая в 30-е годы исчезла с лица земли, как и многие другие населенные пункты нашей необъятной Родины. Но усадебный «многооконный на пригорке дом», который помнит Анну Ахматову, Николая Гумилева, их сына Левушку, чудом сохранился. Волею судьбы он оказался в восьми километрах от исчезнувшего Слепнева, в селе Градницы Бежецкого района. «Тверская скудная земля», воспетая Ахматовой, всегда тянула к себе истинных ценителей поэзии. Станислав Стефанович проехал по этим благословенным местам, побывал на месте бывшей деревни Слепнево; в селе Градницы, куда перевезли слепневский дом; в Бежецке, где жил у бабушки и учился в школе Лев Гумилев; в Твери, пообщался с местными жителями, с партийным

руководством и, оценив ситуацию, пришел в Тверской музей. Мы долго беседовали, и я рассказала, что собираю материалы для будущего музея, что занимаюсь этой темой почти подпольно. Несмотря на то что уже наступало удивительное время начала «перестройки и гласности», когда все искренне поверили в начинающуюся демократию, в долгожданные перемены и творческие свободы, калининские партийные власти, которые строго контролировали всю культурную жизнь области, тормозили время, а об Ахматовой слышать не хотели. Там все еще продолжали руководствоваться документом вышестоящей организации – постановлением ЦК КПСС «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» 1946 года. И поэтому действовали, как завещал товарищ Жданов в пояснительной речи к этому «постановлению», т. е. всячески запрещали Ахматову, как «антинародную, антисоветскую, вредную новым советским читателям поэтессу». Нельзя было в музее провести литературный вечер с чтением ее стихов; студентам-филологам запрещалось исследовать ее творчество в своих курсовых и дипломных работах и т. д. Что уж тут мечтать о выставке или музее в мемориальном доме.

Станислав Стефанович задумал восстановить на Тверской земле должную справедливость по отношению к памяти русского поэта Анны Ахматовой. О расстрелянном большевиками Николае Гумилеве, несмотря на реальные политические перемены, заговаривать все еще было слишком рано. Хотя именно он в 1911 году привез свою молодую жену Анну Ахматову в Тверскую губернию, в имение своей матери Слепнево, которое она называла «родиной второю». Лесневский решил организовать в Калининской области первый всесоюзный Ахматовский праздник поэзии. И это почти детективная история!

Поскольку человек он умный и мудрый, а перемены в стране еще только проклеивались, он стал действовать наверняка, как тонкий и опытный дипломат. Станислав Стефанович организовал деловое письмо из Москвы в Калининский областной комитет комму-

нистической партии, которая с 1917 года была единственной направляющей и руководящей силой в нашей огромной стране под названием СССР. В письме задавались вопросы о состоянии и дальнейшей судьбе чудом сохранившегося мемориального усадебного слепневского дома, о подготовке к приближающемуся 100-летию со дня рождения русского поэта Анны Ахматовой и т. п. В письме также предлагалось провести на Тверской земле Ахматовский праздник поэзии при поддержке Союза писателей СССР. Письмо было подписано очень влиятельным человеком – первым секретарем правления Союза писателей СССР, Героем Советского Союза, участником Великой Отечественной войны Владимиром Васильевичем Карповым. Областной комитет партии города Калинина, как бы это ни было ему поперек горла, должен был немедленно реагировать на такие запросы из высоких столичных инстанций. Чтобы отрапортовать в Москву о проделанной большой работе, Калининский обком спустил свои распоряжения Бежецкому горкому партии – организовать и провести в ближайшее время Ахматовский праздник поэзии, а Калининскому государственному объединенному музею принять участие в подготовке праздника и открыть выставку, посвященную Ахматовой.

В один момент все закрутилось, завертелось и перевернулось в обратную сторону! То, что раньше категорически запрещалось обкомом, теперь тем же обкомом требовалось срочно сделать! Хорошо, что я уже несколько лет занималась сбором материалов, и выставка получилась очень интересная, она открылась в Бежецком музее. (В бывшем слепневском доме еще располагалась Градницкая восьмилетняя школа. А уже к 100-летию юбилею поэта, через два года, была построена новая школа, и в освободившемся мемориальном доме создан музей «Дом Поэтов».)

Анна Ахматова родилась 23 июня 1889 года. Праздник ее поэзии был назначен и проведен в Калининской области (Бежецк–Градницы–Слепнево) в ближайшие выходные, 27–28 июня 1987-го. В первом Ахматовском

празднике поэзии на Тверской земле приняла участие представительная делегация из Москвы от Союза писателей, организованная Станиславом Стефановичем Лесневским. Прибыло огромное для районного городка количество журналистов, поклонников ее поэзии, преданных читателей, специалистов, изучающих ее творчество.

Это событие в Калининской области было какое-то совершенно необыкновенное: радостное и неожиданное. Это было знаменательное событие и в культурной жизни страны. Празднование 100-летия поэта в Москве и в Петербурге еще только обдумывали, позже ЮНЭСКО объявил 1989 год годом Ахматовой. А тут какой-то маленький провинциальный, мало кому известный Бежецк за два года до юбилея удивляет всех таким грандиозным прорывом. Мало кому была известна предыстория... Станислав Стефанович не выпячивал своей значимости, для него важна была судьба мемориального дома и память о великом русском поэте.

Вскоре после проведения Ахматовского праздника в 1987 году в Калининский обком партии из Москвы пришло еще одно письмо от Союза писателей СССР за подписью руководителя – В.В. Карпова. В письме выражалась благодарность Калининскому обкому, Бежецкому горкому КПСС за хорошую организацию и проведение Ахматовского праздника поэзии на Тверской земле, Калининскому государственному объединенному музею за создание интересной высокопрофессиональной выставки. Станислав Стефанович умел быть благодарным... А благодарить нужно было его!

За почти тридцатилетнюю дружбу мы много общались по телефону, и я заметила – о чем бы мы ни говорили, часто очень душевно, – он всегда как-то внезапно заканчивал разговор... Он так и ушел – внезапно...

Мы успели подарить ему Ахматовский календарь на 2014 год, изданный Государственным литературным музеем к 125-летию со дня ее рождения. Последний месяц я регулярно звонила, родные сказали, что он ра-

дугается звонкам, но говорить нужно недолго, чтобы не уставал. Наш последний разговор по телефону, как оказалось, состоялся за несколько дней до его ухода... Станислав Стефанович с большим трудом начал говорить, было больно осознавать как ему плохо, как тяжело дается каждое слово. Но когда я завела речь об Ахматовой, спросила его совета – как нам провести литературный вечер, кого пригласить – он увлекся, разговорился, называл и называл фамилии и стал совершенно прежним Лесневским. Мы говорили долго и, когда я сказала: «Я вас утомила, вам нужно отдыхать», – он ответил: «Вы не можете утомить».

А календарь с портретами и стихами Анны Ахматовой остался висеть над его кроватью...

**С.С. Лесневский и Музей
Александра Блока на Пряжке**

Сейчас это трудно представить, но ко времени нашего знакомства со Станиславом Стефановичем я испытывала какой-то страх перед ним. Собственно, не какой-то, а имеющий вполне определенную причину. В 1977 году Музей истории Ленинграда приобрел у известного московского коллекционера Н.П. Ильина ценнейшее собрание материалов Александра Александровича Блока, на основе которого предполагалось создать музей поэта. И мне, работавшей с этой коллекцией со времени ее перемещения в наш город, было хорошо известно, что москвичи очень болезненно относились к потере ильинского наследия и даже пытались получить назад какие-то временно попавшие к Ильину предметы. Вернуть экспонаты, поставленные на государственный учет, было невозможно, и я вполне осознанно опасалась встречи с одним из ближайших помощников коллекционера – С.С. Лесневским. Вопреки моим ожиданиям, ничего подобного не произошло, несмотря на «некоторое противоречие наших интересов», вызванное перемещением в Ленинград «коллекции, собранной всеми нами в Москве и находившейся в квартире <Н.П. Ильина>, выхлопотанной нами специально для этой коллекции», как писал в письмах Станислав

Стефанович, при встрече он был доброжелателен и любезен, готов к любой помощи – оказался таким, каким он неизменно оставался во все последующие годы нашего знакомства.

Создание музея поэта-символиста в годы советского режима было делом непростым, требовало способности к лавированию между подводными камнями и поддержки авторитетных людей. Думаю, именно он связал нас с К.М. Симоновым, уже хлопотавшим об открытии музея Блока и побывавшим у нас в музейных фондах незадолго до смерти. Он привел к нам замечательного художника Владислава Полякова, посвятившего не только свое творчество, но и жизнь изучению блоковского Подмосковья и Петербурга.

Станислав Стефанович принадлежал к тем, кто всегда спрашивал: чем я могу помочь, что я должен сделать, что сказать вашему начальству. Он часто приезжал в Ленинград, а мы звонили ему по любому неожиданно возникшему поводу и тут же получали поддержку. Он был, безусловно, неким Атлантом, на плечах которого покоилось, в частности, и благополучие нашего музея.

Станислав Стефанович был журналистом с присущим профессии азартом, мобильностью, динамичностью и охватом широкого круга вопросов. Вскоре после того, как начались блоковские конференции в уже открытом музее, он как-то незаметно стал постоянным докладчиком, часто открывавшим заседания и изящно говорившим те самые нужные начальству слова, которые позволяли последующим выступавшим чувствовать себя более свободно.

Его доклады в основном охватывали общие вопросы: «Об издании книг А. Блока», «Некоторые спорные проблемы Полного собрания сочинений А. Блока» и пр. В то же время ему была присуща безусловная поэтичность, высокое представление об искусстве поэзии. Помню, на экскурсиях, читая блоковские стихотворения «Вхожу я в темные храмы...», охотно продолжала его словами из книги Лесневского, так завораживающе

хорошо ложившимися рядом с поэтическим текстом: «Казанский собор, Исаакиевский? Прекрасная Дама? Пречистая? Образы мерцают, перетекают, переливаются... Вера ли, поэзия? Молитва ли, признание в любви? В каком мире, в каком храме?».

Эта увлеченность поэзией, одержимость стихами Блока сделали Станислава Стефановича не только энтузиастом и организатором Блоковских праздников в Шахматове, но и издателем совершенно особенного Собрания сочинений Блока, в котором традиционная перепечатка стихотворений поэта была оживлена и репринтным воспроизведением его прижизненных изданий, и огромным корпусом статей, воспоминаний, свидетельств современников и подборками фотографий – факсимильным воспроизведением рукописей, портретами, рисунками и т. д. Параллельно этому выходили отдельные книжки репринтов – изысканная «Снежная маска», первое издание «Двенадцати» и «Скифов», Аполлон Григорьев, «Последние дни императорской власти»...

Все эти книги Станислав Стефанович привозил к нам в Музей А. Блока на набережной Пряжки, и я сейчас, годы спустя, почти слышу топот каблуков сотрудников музея по лестнице, спешивших на призыв: «Лесневский приехал!» Действительно было ощущение какого-то новогоднего чуда и приехавшего Деда Мороза, щедро раздававшего подарки. И каждый раз Станислав Стефанович очень чутко прислушивался к нашим разговорам, узнавал темы работ и подчас просил написать что-нибудь для его издательства. Так возник замысел «Блоковского сборника», для которого я должна была написать статью о Л.Д. Блок, превратившуюся со временем в книгу о жене поэта, изданную Лесневским в 2009 году. Работа была напряженной, мне повезло, и в период подготовки книги обнаружился большой комплекс неизвестных материалов Любови Дмитриевны, что, безусловно, сделало работу над книгой еще более увлекательной. Станислав Стефанович поддерживал, сопереживал, но никогда не то-

ропил меня, соглашался с моими предложениями по изданию – все это позволяет сейчас вспоминать процесс работы над изданием как один из интереснейших периодов жизни.

Тут сразу же возникает необходимость сказать еще об одной черте моего издателя – его щедрости. Не могу сосчитать (думаю, как многие, издававшие свои книги у Лесневского), сколько упаковок книги, помимо выплаченного гонорара, он мне передавал бесплатно как «авторские экземпляры». Часто, собираясь в Питер, он звонил из Москвы и спрашивал: «Ну, сколько ваших книг вам привезти?» Было неловко просить, я знала, что он каждый раз привозит в Петербург неподъемные сумки с книгами, и все же просила. Так же благодарна я ему и за устроенную им и Моникой Спивак презентацию книги в московском Музее Андрея Белого.

Вообще его щедрость была фантастической. Знаю, как неохотно «книжные» люди расстаются со своими сокровищами, поэтому до сих пор не перестаю удивляться, вспоминая, как, узнав о том, что у меня нет двухтомника писем А. Блока, вышедшего на рубеже 1920–1930-х годов, к которому часто приходилось обращаться за справками, он тут же предложил подарить мне свой. Теперь уж я нашла в себе силы отказать, хотя, может быть, и напрасно.

Станислав Стефанович был всегда одинаковым, казалось, что время не отражается на нем. И возраст был неопределенным, что позволяло подчас вести себя с ним уж слишком «на равных». Когда ему исполнилось 75 лет (почти одновременно с празднованием 125-летия Блока), в музее, как это часто случалось, была какая-то «закрутка», времени не было, сосредоточиться и написать достойное поздравление было некогда. Помог зашедший к нам актер Леонид Павлович Мозговой (исполнитель ролей Чехова, Ленина и Гитлера в фильмах А.Н. Сокурова, великолепный чтец, часто выступавший в музее). Он тут же срифмовал несколько строк на тему «с днем рожденья поздравляем, счастья-радости желаем», заканчивающихся так:

Вам же с Блоком 200 лет!
Наш музей Вам шлет привет!

Сначала всем это очень понравилось – ведь таким образом мы крепко связывали Лесневского с Блоком. Но когда отослали это поздравление, засомневались – не обидится ли Станислав Стефанович. Время прошло, а мы так и не узнали об этом.

Конечно, в воспоминаниях москвичей Станислав Стефанович будет другим, московским. Но вот в чем мы со всеми будем едины и согласны: так естественно расположившийся на склоне шахматовского холма огромный камень-валун, водруженный там по инициативе Лесневского, привезенный из какого-то ближнего или дальнего Подмосковья под его руководством, камень, стоя на котором так удобно было читать стихи во время Блоковских праздников поэзии, сохранится навсегда для всех любящих поэзию как памятник Станиславу Стефановичу Лесневскому.

«Памяти нужно пристанище»

Выставка памяти С.С. Лесневского
в Музее-квартире А.А. Блока
27 февраля – 27 марта 2014 года

«Люди соизмеримы нравственно не по талантам, а по истинности и человечности. Может быть, это единое дуновение высокого Блок и назвал своим любимым словом “музыка”. *Память – это “музыка”, душа летучая и безграничная. Но память требует закрепления.*» Эти слова из статьи «Памяти нужно пристанище» («Комсомольская правда», 1 августа 1975). Ее автор – Станислав Стефанович Лесневский – литературовед, главный редактор издательства «Прогресс-Плеяда», неутомимый труженик, посвятивший свою жизнь русской литературе, исследователь жизни и творчества А.А. Блока, создатель Блоковских праздников поэзии, инициатор восстановления усадьбы поэта в Шахматове, верный друг Музея-квартиры А.А. Блока в Петербурге.

Станислав Стефанович Лесневский ушел из этого мира 18 января 2014 года. Его светлой памяти посвящена выставка из фонда В.Н. Орлова ГМИ СПб, экспонаты которой в некоторой мере дают представление о яркой творческой и общественной деятельности этого человека.

На выставке представлены газетные вырезки со статьями С.С. Лесневского: «Приближается звук...»,

«Все здесь веет поэзией», «Набережная Невы. “Ректорский дом...” Пенаты», «Памяти нужно пристанище» 1970-х годов. Эти скромные экспонаты отражают важный период истории – эпоху борьбы за создание Музея Александра Блока. Еще с конца 1968 года С.С. Лесневский собирал подписи под письмом, которое было опубликовано 23 июля 1969 года в «Литературной газете» под заголовком «Здесь жил Александр Блок»: «Мы полагаем, что следует продумать вопрос о возможности создания музеев Блока в Ленинграде и Подмоскowie – в местах, связанных с жизнью и творчеством поэта...» Письмо подписали М. Аникушин, Р. Гамзатов, С. Коненков, А. Прокофьев, С. Рихтер, Г. Свиридов, А. Твардовский, Г. Товстоногов, Г. Уланова, К. Чуковский, Д. Шостакович. В фонде В.Н. Орлова хранится 26 статей, написанных С.С. Лесневским в период с 1969 по 1977 год, в которых он с необыкновенной настойчивостью пишет о необходимости сделать блоковские места охраняемыми, установить памятники А. Блоку в Ленинграде и Подмоскowie, о праздниках поэзии в Шахматове, о бедственном положении Шахматова и Тараканова, о необходимом такте при устройстве предприятий сферы обслуживания в литературных памятных местах, описывает путешествия по окрестностям Шахматова и даже прикладывает туристическую схему...

В экспозиции также размещены письма С.С. Лесневского к Н.П. Ильину, коллекция которого впоследствии стала основой для создания Музея-квартиры А.А. Блока в Петербурге. В 17 письмах, первое из которых датировано 29 января 1974 года, а последнее, с выражением скорби по поводу ухода из жизни Н.П. Ильина, 29 сентября 1977 года, постоянным рефреном проходит мысль о сохранении блоковского наследия. В первом же письме выражена надежда на то, что «нас ждет хотя бы относительный сдвиг к лучшему в общем деле Памяти». С.С. Лесневский присылал Н.П. Ильину подробнейшие, на 11 листах, отчеты о блоковской конференции в Тарту, поздравления с праздниками. Бла-

годаря его хлопотам Н.П. Ильину была предоставлена квартира, где разместилась обширная коллекция до ее поступления в ГМИ СПб.

На выставке представлены воспоминания поэтессы и близкого семье А.А. Блока человека, Н.А. Павлович, о последней квартире поэта, записанные С.С. Лесневским 25 мая 1976 года. Эти воспоминания помогли в создании экспозиции Музея-квартиры поэта.

В экспозиции также – книга Станислава Стефановича «Завещанное, заветное» (1977) и книги, составленные им: «В мире Блока», «Блок и современность» (1981). В дальнейшем С.С. Лесневский стал главным редактором издательства «Прогресс-Плеяда», которое выпустило в свет более 200 книг, репринтных изданий произведений А.А. Блока и других писателей эпохи Серебряного века. Некоторые из этих книг можно увидеть в лекционном зале на первом этаже музея. Эти книги Станислав Стефанович подарил Музею-квартире А.А. Блока, он сам их привозил из Москвы в больших сумках и приносил в дар.

С.С. Лесневский был участником блоковских ежегодных конференций, вечеров, принимал участие в открытии выставок, проводил презентации новых книг, привозил на экскурсии студентов из Литературного института. Память о его дружеском взгляде, очаровательной учтивости, удивительной манере читать стихи нашла пристанище в Доме Александра Блока, к созданию которого он приложил так много сил.

Письмо С.С. Лесневского
заведующей Музеем-квартирой
А.А. Блока Т.В. Павловой
из собрания Музея-квартиры поэта.

1 мая 1998

Уважаемая Татьяна Васильевна!

В связи с 80-летием выхода поэмы «Двенадцать» мы выпустили репринт первого отдельного издания поэмы с приложением Записки о «Двенадцати» и некоторых других материалов. Я предлагаю собраться на

заседание у Вас 15 июня (понедельник) и пригласить Блоковскую группу Пушкинского Дома, а также всех, кто занимается этой темой (в частности, В.Г. Белоуса и других «разумниковедов»). Начать в 11 часов утра (или в другое всем удобное время этого дня). Я привезу вышедшую книгу («Двенадцать», «Скифы». 1918) в достаточном количестве. Поклон коллегам.

С уважением, *С. Лесневский*

В музее также хранятся открытки-поздравления Станислава Стефановича с Пасхой, 8 марта и – непременно музыкальные – с Новым годом.

Дух-хранитель

Станислав Стефанович Лесневский... Друзья и соратники (причем не только самые близкие) звали его «Стасик». Но мы даже за глаза, даже когда говорили о нем с кем-нибудь из тех, для кого он был Стасиком, всегда произносили на вдохе «Станислав Стефанович», а потом – на выдохе – добавляли «Лесневский», хотя и так было уже всем понятно, о ком шла речь. Очень нравилось, как мягкой теплой волной накатывается (на вдохе) его имя-отчество и как на выдохе плавно откатывается, тихо шурша песком (или коктейбельскими камешками?), его фамилия. Станислав Стефанович – вдох... Лесневский – выдох...

Я пытаюсь и не могу вспомнить, когда мы с ним познакомились. Конечно, это было связано с музеем Андрея Белого. Но я не помню, когда он пришел в музей первый раз. И не помню, как и когда мы были представлены друг другу. Он был в музее всегда. Даже до того, как пришел к нам. Или до того, как мы ему позвонили (наверное, долго набираясь смелости, – не помню).

Он вошел в нашу жизнь и в наш быт сначала книгой, которую только он мог придумать и сделать. Я имею в виду тяжеленную томину под названием «Андрей Белый: проблемы творчества» (М., 1988). Эта

книга появилась у каждого из нас сразу же, как только идея музея Андрея Белого забрезжила вдалеке... Потому что для нас это была самая важная книга в мире. Она стала первой такой книгой о Белом в России-СССР (И статьи! И воспоминания! И публикации!) и уже потому была обречена на успех. Но проходили годы, проходили десятилетия. А книга не устаревала ни на грамм. И сейчас – ни один серьезный труд не обходится без ссылки на «Проблемы творчества». Мы долго размышляли над тем, почему эта книга не теряет актуальности (ее литературоведческие сверстники в большинстве своем уже безнадежно состарились и вызывают лишь историческое любопытство), и пришли к выводу, что секрет ее молодости – в Станиславе Стефановиче, в том, что в этой книге – его душа и его вдохновение. Только он мог собрать столько замечательных исследователей, открыть столько новых имен, раздобыть столько потрясающих фотографий (он заразил своим вдохновением Государственный литературный музей, предоставивший ему для выбора все свое собрание), перемешать и расположить все это с таким умом и вкусом...

За последнее время вышло немало сборников, посвященных Андрею Белому: и сборников статей, и сборников текстов, и сборников мемуаров... Многие из них издавали, собирали, составляли мы. Но каждый раз, когда держали в руках свеженькую, только что выпущенную книгу, понимали, что «Проблемы творчества», подготовленные Станиславом Стефановичем в давние незапамятные времена, все равно лучше, что планка, им поставленная, так высока, что достигнуть, перепрыгнуть ее все равно не удастся...

Чтобы снизить пафос, замечу, что почти у каждого из нас (и у меня, и у других сотрудников музея) минимум по два экземпляра «Проблем творчества». И не потому, что для внимательного чтения одной книги недостаточно. Это не только очень важная книга, но еще и – невероятно тяжелая. Помню, как я проклинала ее, собираясь в научную командировку, – ну невозможно поднять чемодан с «Проблемами творчества»... Я дела-

ла ксероксы нужных статей «в дорогу». А Лена Наседкина, наш научный сотрудник и хранитель, сломала о «Проблемы творчества» палец на ноге: книга на полу лежала, а Лена запнулась... Мы расценили это событие как символическое, подчеркивающее значимость и весомость этого труда.

Неоднократно я, шутя, приставала к Станиславу Стефановичу с вопросом о том, почему он сделал эту великую книгу такой неподъемной. Он отмалчивался и отсмеивался. И было понятно, что Станислав Стефанович специально добился того, чтобы историческая по значению книга вышла на самой плотной, самой глянцевой, самой красивой, качественной, нестираемой и нервущейся бумаге. Сколько ни читай, ни мусоль страницы – они все как новые. На века сделаны. Уже по этой книге можно было понять, каким Станислав Стефанович будет издателем.

С Лесневским-издателем мы столкнулись позже. В этом качестве он был уникален. Не думаю, что он был хорошим менеджером. И не уверена, что его книги окупались (к тому же слишком щедро он их раздаривал). Но его книги двигали вперед культуру и науку. И они приносили радость: и Станиславу Стефановичу, и тем, кто эти книги готовил, и нам, которые эти книги читали. Мне кажется, что именно на радость от книги Станислав Стефанович и ориентировался. Мне кажется, он издавал прежде всего то, что ему самому нравилось, то, что он любил: Блока, Белого, Клюева, Мандельштама и других... И через эту совершенно субъективную выборку создавалась целая эпоха. Мне всегда казалось, что в издательском деле он был похож на Самуила Алянского, владельца последнего частного символистского издательства «Алконост».

Идей у него было больше, чем возможностей. Он всегда предлагал что-то издать. Мы сами ни разу не воспользовались его предложениями. Так ни разу и не стали авторами «Прогресс-Плеяды». Так и не подготовили «Мастерство Гоголя» с иллюстрациями самого Белого, не подготовили книгу об издательстве «Ал-

коност», многое другое не подготовили тоже. Очень об этом сейчас жалею. Но почему-то уверена, что все те проекты, которые мы с ним обсуждали, непременно реализуются. А одна его идея уже реализовалась. Только что мы выпустили огромную книгу (опять с ориентацией на его «Проблемы творчества»), посвященную памяти Б.Н. Бугаева: «Смерть Андрея Белого (1880–1934). Сборник статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты» (Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2013). Книга делалась долго и мучительно. И росла, росла, росла... Доросла почти до 1000 страниц, что уже превышало возможности «Прогресс-Плеяды». Мне кажется, что он и сам уже не помнил, что идея книги принадлежала ему. Но мы-то помнили.

Еще в 2004 году в нашей маленькой музейной гостиной к 70-летию со дня смерти Белого мы организовали маленькую и очень скромненькую выставку: имеющиеся в нашем собрании советские некрологи, документы, рассказывающие о последних (очень тяжелых) годах жизни писателя, материалы, связанные с похоронами и неудачными попытками увековечить его память, поздние фотографии и т. п. Много на той выставке было всего мелкого, трогательного, щемящего и совсем-совсем неброского. Станислав Стефанович профессиональным взором издателя все эти наши бумажки окинул и изрек: «Надо делать каталог выставки, надо делать книжицу, в которой все эти ваши материалы получат вторую жизнь». И сказал он это с такой невероятной убежденностью, что оставалось только кивнуть и пойти работать. И на долгие десять лет мы – с благословения Станислава Стефановича – закопались в этой теме, оказавшейся бездонной и безграничной. Мы взяли и наши материалы, и материалы других архивов и музеев, и материалы из частных собраний и из эмигрантской периодики...

Перед 8 января 2014 года я последний раз звонила ему: пригласить на день памяти Андрея Белого. Вось-

мидесятилетие со дня смерти Белого мы отмечали презентацией той самой книги, на создание которой он нас вдохновил. Он уже не смог прийти. Но в тот день мы о нем говорили как об «отце-основателе» этого проекта. Сообщили всем, что Станислав Стефанович после больницы еще неважно себя чувствует и что придет к нам в другой раз. Конечно, и подумать не могли, что больше не увидим его.

В этой связи вспоминается еще одна история, также связанная с днем памяти Андрея Белого и издательским вдохновением Станислава Стефановича. Ровно год назад я пригласила его к нам в музей на очередной день памяти. 8 января 2013 года мы отмечали не вполне традиционно: литературными чтениями. Владимир Аристов, поэт и литературовед, должен был представить нам свою новую пьесу. В ней рассказывалось о судьбе философа Густава Шпета, высланного из Москвы в Сибирь, а потом расстрелянного, и о его встрече в 1936 году в Томске с драматургом Николаем Эрдманом, тоже сосланным. Два московских интеллектуала, по замыслу автора пьесы, вели печальные диалоги об искусстве и размышляли о жизни.

«Наверняка будет мрачно, заумно и скучно», – отрезал Станислав Стефанович в ответ на мое приглашение. И в тот же момент я поняла, что ему, любителю изящного Серебряного века, это будет действительно неинтересно и тягостно. И еще – что зря я вообще звала его на эти чтения. Я даже попыталась как-то вежливо отступить, дала понять, что совсем не обижусь, если он не придет, намекнула на ужасный прогноз погоды, на то, что вечер обещает быть длинным и не факт что интересным (да простит меня Володя Аристов). Но Станислав Стефанович пришел. И с порога несколько задиристо (он это умел) стал на меня наскакивать: мол, что, скучная ерунда будет? Я запаниковала, предчувствуя беду. И опасения оказались не напрасны. Володя Аристов читал пьесу, а на лице у Станислава Стефановича бродили, сменяя друг друга, эмоции: раздражение, возмущение, неприятие... Я уже мечтала, что-

бы он ушел, не дожидаясь конца чтения. Но он сидел. И потом не отказал себе в удовольствии выступить. И сказал все, что он думал и про эту конкретную пьесу, и про ее автора, и про всех современных авторов вообще, которые грузят интеллектуально, но не могут вовлечь слушателя-зрителя в происходящее... В общем, гневлив был в тот вечер Станислав Стефанович. Я не знала куда деться и что отвечать. Ситуация осложнялась еще и тем, что автор пьесы в то время серьезно болел, вообще лежал в больнице и из больницы вышел на один день, чтобы представить свое новое творение. Он был зеленого цвета, и я боялась, что придется вызывать «скорую». Но и Станислав Стефанович прервать себя не давал. Досказал, довысказал все, что наболело, про современную литературу вообще и про наши чтения в частности. И успокоился. Пока говорили другие, он о чем-то думал, погрузившись в себя. А в перерыве подошел ко мне со словами столь неожиданными, что меня просто оторопь взяла: «Надо учиться понимать современную драматургию. Надо срочно издать эту пьесу. В ней свежий взгляд на литературу, на людей...». В голове у него уже все сложилось: и кто будет автором предисловия, и какие должны быть биографические справки о действующих лицах, и какие нужны иллюстрации. Я не верила собственным ушам. Признаюсь, даже подумала, что это минутная слабость, просто желание как-то благородно выйти из неловкой ситуации. Я даже попыталась его успокоить, говорила, что это слишком большое одолжение, и что мы позвали его как друга, а не как издателя, и что про книгу мы сами даже в самых смелых мечтах не думали. Но он-то уже думал...

С того самого январского вечера Станислав Стефанович названивал мне каждый день, объясняя, сколь значимо это издание, что надо и открыть эту тему, и поддержать благородно взявшегося за эту тему автора. И он не отстал, пока не вдохновил и не организовал всех на работу. В итоге – это невероятно – уже в мае 2013 года в гостиной Музея Андрея Белого состоялось заседание, на котором мы представляли публике выпу-

ценную Станиславом Стефановичем новинку, книгу Владимира Аристова «Театр одного философа (проект I устава): Документальная драма в одном акте с видениями-картинами» (М.: Прогресс-Плеяда, 2013). Мы стали посредниками в очень хорошем деле и – свидетелями волшебства. На такой порыв, на такое благородство был способен только Станислав Стефанович.

Написать о нем можно еще многое. И вспомнить тоже многое. Но слишком мало времени для раздумий и воспоминаний мне дали. Надо закругляться и скорее сдавать текст. Поэтому хочется успеть сказать, что мы его очень любили, ценили и уважали – как друга и наставника. И еще – очень ревновали. Конечно, к Блоку, которого – все знают – Станислав Стефанович любил намного больше, чем Белого. Но мы радовались и той любви, которая Белому перепала (а заодно и нам, сотрудникам музея).

И последнее. Каждый раз, когда видели его на пороге музея, ахали. Он был невероятно, просто неотличимо похож на Андрея Белого, на того Андрея Белого, который запечатлен на последних фотографиях 1930-х годов. Глядя на Станислава Стефановича, хотелось уверовать в реинкарнацию. Что ж тогда удивляться тому, что он приходил в мемориальную квартиру писателя, как к себе домой, и что мы всегда воспринимали его как «genius loci», как духа-хранителя нашего музея.

Встречи на Вытегорской земле

Наш небольшой провинциальный город Вытегра приобрел определенную известность в литературных кругах после 100-летнего юбилея со дня рождения выдающегося русского поэта Николая Алексеевича Клюева, отмеченного на его родине. Значительную роль в проведении юбилея и в популяризации творчества Николая Клюева сыграл Станислав Стефанович Лесневский. В 1984 году он приехал на родину поэта в составе московской писательской делегации во главе с В.В. Деметьевым. После пятидесяти лет забвения имя Клюева было возвращено народу. Юбилейные торжества: открытие мемориальных досок на домах, где жил Николай Клюев в Вытегре и в Макачеве, вечер в городском доме культуры – проходили под контролем и руководством членов обкома и райкома партии. Станислав Стефанович вместе с другими писателями и поэтами, приехавшими на юбилейные торжества, эмоционально и заинтересованно выступал перед клюевскими земляками, которые впервые открывали для себя большого поэта. Посещение мест, где родился неповторимый талант Клюева, оставило у него неизгладимые впечатления, он писал:

С директором Вытегорского краеведческого музея
Тамарой Макаровой. *Вытегра. 19 июля 2009*
Фото М. Скороходова

«Всегда щемящее чувство вызывает встреча с затерянными в лесах деревнями, на берегах северных рек и озер, откуда пришел к нам удивительный русский поэт. И чудесные, приветливые добрые люди... долетит ли когда-нибудь до Клюевской Андомы птица радости и надежды?»

Не все так просто обстояло и в последующие годы. По мнению чиновников, не было необходимости проводить ежегодно Клюевские праздники, достаточно один раз в пять лет. Но Лесневский был убежден в важности ежегодного проведения дней памяти Николая Клюева.

В 1985 году Станислав Стефанович приезжает в Вытегру и вместе с исследователем Субботиным Сергеем Ивановичем проводит вечер и первые Клюевские чтения, на которых выступили московские писатели: Владимир Лазарев, Владимир Личутин, Владимир Бондаренко, Иван Рогощенко (Петрозаводск), Константин Азадовский (Ленинград). С этого года Клюевские чтения в течение тридцати лет были ежегодными.

И С.С. Лесневский на протяжении всех этих лет заинтересованно следил за тем, как они проводятся, помогал словом и делом.

И надо отдать должное, что благодаря авторитету и личным контактам Лесневского и Субботина, бесшестидесятилетнего председателя, чтения проходили на высоком научном уровне, привлекая ученых, литераторов, писателей, поэтов, краеведов не только из России, но и ближнего и дальнего зарубежья.

Невозможно переоценить эти встречи на Вытегорской земле, с каждым годом приобретающие все большую известность. Здесь, на родине Николая Клюева, при каждой встрече участники делились результатами разысканий в архивах, знакомили слушателей со своими исследовательскими работами, тем самым заполняя белые страницы в биографии и творчестве поэта. Они обменивались книгами, выступали на вечерах в школах, в сельских и городских клубах и одновременно расширяли знания о природе и истории земли, где прошли детство, отрочество и юность поэта. В программы Клюевских праздников включались поездки в Макачево, в Коштуги, в Андому, в Девятины, экскурсии на Онежское озеро, в Муромский монастырь. Навсегда запомнились музыкальные концерты композитора В.И. Панченко и певицы В.Е. Панченко. Клюевские «родимые гнезда» притягивали и не отпускали не только Лесневского, недаром он в нашем северном краю побывал девять раз, несмотря на свою занятость.

Особенно тесные и постоянные контакты с С.С. Лесневским у меня установились после празднования 115-й годовщины со дня рождения Н.А. Клюева, мы чаще стали обмениваться звонками, поздравлениями. Для нас много значило и то, что в созданном им издательстве «Прогресс-Плеяда» особое место занимали книги Клюева.

Долгожданным подарком для всех ценителей клюевской поэзии стало в 2002 году репринтное издание «Прогресс-Плеядой» сборника стихов «Сосен перезвон» (1911) из библиотеки А.А. Блока. Затем вышли

книги: Николай Клюев «Письма к Александру Блоку. 1907–1915», сборник стихов «Венок Николаю Клюеву 1911–2003», в который вошло 135 стихотворений, посвященных Николаю Клюеву, в том числе и вытегорских поэтов. Книги вышли большими для нашего времени тиражами по пять тысяч экземпляров. Через двадцать семь лет после первого чествования и признания поэтического творчества Николая Клюева в Вытегре в издательстве «Прогресс-Плеяда» вышла книга «Николай Клюев. Воспоминания современников», которую составили воспоминания, письма, дневники, стихи, проза, и немало текстов было опубликовано впервые. А сколько в ней иллюстраций! Эта книга подвела итог многолетней исследовательской работы многих, в том числе С.И. Субботина, Л.А. Киселевой, Е.И. Марковой, А.И. Михайлова, Т.А. Кравченко, В.П. Гарнина, Мишель Нике и многих других. Благодаря Лесневскому, его деятельной щедрости все эти книги дошли до широкого читателя.

Мне особенно запомнилась встреча со Станиславом Стефановичем осенью 2004 года.

Клюевские чтения, посвященные 120-летию со дня рождения поэта, проводились в сентябре. Программа праздника, как всегда, была насыщена мероприятиями, выступающих с докладами было много, а время ограничено, поэтому Станислав Стефанович решил приехать в Вытегру, чтобы встретиться и пообщаться с вытегорской молодежью в октябре. Меня всегда поражали его целеустремленность и желание деятельного просвещения всех, с кем он общался, будь то взрослые или дети, его неиссякаемый интерес к изменениям, которые происходят на родине Клюева.

Приезд и выступления его мы запланировали на день рождения поэта. На его вопрос: «Сколько привезти книг?» я ответила: «Сколько сможете, буду встречать на машине». К сожалению, автомашина, предоставленная администрацией района, сломалась у поселка Мирный и мне пришлось добираться до Вологды на попутном транспорте.

Октябрьским ранним утром я встречала Станислава Стефановича на железнодорожном вокзале. Мне было неловко, выходило, что я его обманула, но он не показал вида, что расстроен. Он привез для музея 300 экземпляров книги «Венок поэту», для учащихся сборник стихов Николая Клюева «Сосен перезвон», а также большую подборку художественных книг для районной библиотеки. Надеюсь на меня, он приехал без помощника, поэтому нам пришлось вдвоем перетаскивать пачки книг до автовокзала. Автобус до Вытегры отправлялся в 10 утра, поэтому я предложила Станиславу Стефановичу пройти в гостиницу и отдохнуть. Он отказался и четыре часа провел на автовокзале, как он сказал, с большой пользой, так как встретились интересные собеседники.

Время в пути до Вытегры, более пяти часов, мы провели незаметно. Зашел разговор о прошедших и будущих Клюевских чтениях. Он убежденно говорил о необходимости кропотливой работы по сохранению культурного достояния страны, о том, насколько важно издавать книги поэта; настойчиво советовал, чтобы литературные торжества в честь поэта начинались в областном центре, о необходимости проводить конкурсы на лучшее исполнение стихов Николая Клюева, а на родине обязательно должен быть памятник поэту. Станислав Стефанович интересовался вытегорскими поэтами, стихи которых вошли в книгу «Венок поэту». Он убеждал меня в важности создания у нас литературного объединения и издания сборников их стихов. Все его пожелания были учтены, в Вытегре проводятся ежегодные районные конкурсы чтецов «Читаем Клюева», в которых принимают участие более семидесяти учащихся. На одном из них он побывал в качестве председателя жюри и вручил победителям и участникам конкурса книги, которые привозил с собой постоянно. В 2005 году было основано вытегорское общественное литературное объединение «Онего», и сборник избранных стихов «Северная звонница» был вручен всем участникам Клюевских чтений.

Приезда С.С. Лесневского ждали. Его выступления, посвященные Клюеву и поэтам Серебряного века, прошли 23 октября 2004 года в городских школах и лесотехническом техникуме, в районной библиотеке. Такие встречи не прошли бесследно. Слушателям запомнились широта знания русской литературы, стихи, прочитанные гостем, его призыв сохранять память о Клюеве, в творчестве которого сохранилась глубокая связь с древнерусской литературой.

Горько сознавать, что уходят истинные подвижники и энтузиасты, так много сделавшие для возвращения творческого наследия великого русского поэта. И среди них одно из самых значительных имен – имя Станислава Стефановича Лесневского.

10 февраля 2014

Антютик русской литературы

Я узнала, что накануне одного из самых великих православных праздников – Крещения и Богоявления – ушел от нас ко Господу один из крупнейших исследователей русской литературы Серебряного века Станислав Стефанович Лесневский... И не могла не написать слово прощания (опубликованное в сокращении талдомской газетой «Заря» в № 4, 30 января).

Всею своей жизнью и творчеством оправдал он имя, данное предками, – Станислав, что по-польски означает «стать славным». Польские корни Лесневского только сильнее помогали ему чувствовать себя до глубины души русским, радеть «до боли сердечной» за русскую литературу, как и многим его предшественникам и современникам, например, Марине Цветаевой, у которой бабушка была «двадцатилетняя полька». Полькой была и бабушка Сергея Клычкова, Евдокия Михайловна, служившая в Москве у польских господ...

Мне выпало счастье познакомиться с Лесневским и получить автографы на его книгах в ЦДЛ на вечере, посвященном грядущему юбилею С.А. Клычкова, четверть века тому назад (11 мая 1989 года)... Конечно, и до этого доводилось общаться с писателем заочно, читая его книги и очерки о Блоке (и о других поэтах:

В. Жуковском, Ф. Тютчеве, Н. Некрасове, А. Ахматовой, В. Маяковском, А. Твардовском), которые стали настольными: «Завещанное, заветное» (1977), «Путь, открытый взорам: Московская земля в жизни А. Блока» (1980), «Я к вам приду...: Поэты. Поэзия. Время» (1982), «Земля поэта» (1987)... Усадьба Блока в Шахматове была моей поэтической любовью – еще учась на курсах экскурсоводов весной–летом 1982-го, я разработала туда маршрут Талдом – Шахматово... Подвигли меня на это и школьные годы – в старших классах средней школы № 2, где я училась, преподавал литературу поэт-фронтовик Владимир Федорович Морковников (1923–1995). Блок был одним из его любимых поэтов, что и вдохновило меня выучить наизусть стихотворения «Россия», «Незнакомка», «Девушка пела в церковном хоре...», «О доблестях, о подвигах, о славе...», «На железной дороге» и многие другие, которые я помню до сих пор... Как раз в это время, когда мне исполнилось 15 лет, в любимом нами, читаемом и почитаемом журнале «Юность» (№ 8 за 1970 год) вышел очерк Ст. Лесневского «В Шахматово, к Блоку»... Стихи стучались в мое сердце, и рождались первые собственные строчки: «Светлая нежность с зелеными листьями... // Ландыши белые...» («Ландыши»)... А когда я впервые попала в Шахматово в мае 1983 года, меня очаровала блоковская сирень, «Сиреневый Дом и Сиреневый Сад...». Через 13 лет выйдет мой первый поэтический сборник «Берег Памяти» (Талдом, 1996), и это стихотворение, «Сирень. (В Шахматове, у Блока)», я с благодарностью посвящу моему заочному духовному наставнику и вдохновителю Станиславу Стефановичу Лесневскому...

Верный своему обещанию, в июле 1989 года Станислав Стефанович побывал на столетнем юбилее С.А. Клычкова на его родине, в деревне Дубровки, и вел Клычковский праздник, представляя гостей, маститых литературоведов, писателей и поэтов: Александра Ивановича Михайлова, Николая Васильевича Банникова, Станислава Юрьевича Куняева, Наталью

Михайловну Солнцеву, переводчицу прозы Клычкова на чешский язык Иржину Миклушакову, родственников С.А.Клычкова... В следующем году издательство «Правда» выпустило сборник очерков «Голубые врата», где упоминалась Оптина пустынь и Гоголь, Радищев и «сталинский мартиролог»: пострадавшие в годы репрессий А. Ахматова, Н. Клюев, О. Мандельштам, С. Клычков, П. Васильев, Б. Корнилов... Один из очерков (ранее, 25 августа 1989 года, опубликованный в газете «Книжное обозрение») был посвящен нашему земляку и назывался «В гостях у журавлей». Завершался он так: «Читатели ждут встречи с произведениями Сергея Клычкова и в критическом, публицистическом жанрах. Поэт страстно отстаивал от вульгаризаторов красоту, правду, русское искусство. Думается, надо издать и переводы Сергея Клычкова... В Талдомском краеведческом музее открылась интересная экспозиция, посвященная жизни и творчеству С.А. Клычкова (составитель Т.А. Хлебянкина). У дома поэта установлен своеобразный памятный знак – деревянные журавли (автор проекта А.Н. Лебедев). Дом поэта, построенный его отцом в родной деревне Дубровки близ Талдома, ждет любящих, заботливых рук... Ждет защиты родная поэту с детства речка Дубна. Журавлиный дом Сергея Клычкова открыт людям, открыт дыханию родины». (Жаль, что теперь и знак журавлиный утрачен, и уже десятилетие Дом-музей поэта находится в аварийном состоянии и ждет... ремонта...)

В начале 1990-х, во время развала Союза писателей СССР, С.С. Лесневский был одним из немногих, кто пытался этому противостоять и примирить образовавшиеся разные писательские союзы. В то же время он был одним из первых, кто понял и принял христианское мировоззрение не только по зову предков, но и душой, открыл ему свое сердце. И потому не побоялся открыто называть новокрестьянских поэтов и писателей «новохристианскими» – ведь и в словаре Даля слово «крестьянин» происходит от слова «христианин», несущий свой крест...

Многогранная деятельность Ст. Лесневского касалась не только издания книг, но и сохранения и вос-

становления российских памятников культуры. Во многом благодаря ему было возрождено блоковское Шахматово. А сколько книг выпустил он о Блоке и его современниках (А. Белом, М. Горьком, В. Маяковском, Г. Санникове и др.), в том числе редкие и репринтные издания. Многие из них он подарил нашему Талдомскому районному историко-литературному музею, Дому-музею С.А. Клычкова и подписал мне лично, не жалея добрых теплых слов: «Милой Тане... с клычковским и блоковским поклоном...», «Антютяку наших дней... (9.10.1997)». Да и сам он был, пожалуй, воплощением прообраза персонажа С.А.Клычкова – лешего Антютяка – хранителя родной природы, местных лесов и болот, зверей и птиц, и сам был рыцарем русской литературы и природы, из последних сил защищая родную землю, исторические и культурные ландшафты, свою родину и ее святыни, русский язык и поэтическое слово... Очень запомнилось мне его эмоциональное выступление «Взыскующие града: Александр Блок – Сергей Клычков – Петр Журов» в середине октября 2009 года на Международной научной Клычковской конференции, которое затем вошло в сборник ее материалов. А до этого еще выступал С.С. Лесневский 9 октября 1997 года в ИМЛИ РАН на конференции «Сергей Клычков: творческая судьба, окружение, память», посвященной 60-летию со дня гибели поэта, с докладом «О поэтической интонации Сергея Клычкова», где отметил, что «Клычков, к сожалению, пока непрочитанный, недопонятый, недооцененный поэт...». Неоднократно бывал Станислав Стефанович и на презентациях книг С. Клычкова в ЦДЛ, и на Талдомской земле, приезжал на Клычковские праздники, на фестиваль поэтов и бардов «Серебряный журавль» с Евгением Евтушенко... Не одна его запись хранится в музейных книгах отзывов, но особенно дорога эта, написанная в день открытия Дома-музея С.А. Клычкова: «Прекрасная земля, ароматы леса и луга вокруг, дивный дом – родина Сергея Антоновича Клычкова! Любовно собранный музей – итог многолетней верности земляков своему поэту. Низкий поклон Дубровкам, Талдому, Дубне – истоку душев-

ному русского художника. Огромная благодарность энтузиастам, таким, как Татьяна Хлебянкина, за чудо культуры и красоты. Здоровья и счастья Евгении Сергеевне, дочери поэта, и всему роду Клычковых. Спасибо. Станислав Лесневский. 19 июля 1992 года». Мы еще не раз встречались. 1 августа 1999 года это случилось на Блоковском празднике поэзии, вдохновившем меня на новые поэтические строки: «Я не была здесь сотню лет... // Иль только – двадцать? // О, Блок! Не чаяла я к Вам, // Мой свет, добраться...». (Талдом–Дмитров–Катуар. 1 августа – обретение мощей прп. Серафима Саровского и Блоковский праздник. В ночь с 31 июля на 1 августа 1937 года был арестован Сергей Клычков на даче – ст. Катуар, по Киевской железной дороге...)... Я прочла, по благословию Лесневского, у знаменитого блоковского валуна свои стихи, посвященные Блоку, и стихотворение С.А. Клычкова «Милей, милей мне славы // Простор родных полей...», которое как нельзя лучше подходило к блоковским просторам...

Помню нашу встречу на открытии Блоковской выставки в редакции журнала «Наше наследие» и дружеское общение с мечтами об устройении там и Клычковой выставки...

В октябре 2010-го в каминном зале ИМЛИ РАН завершилась Международная научная конференция «Биография как источник и контекст творчества Блока», посвященная 130-летию со дня рождения поэта. И снова всех обаял там Станислав Стефанович, рассказавший об истории создания замечательного стихотворения Блока «На железной дороге», моего любимого...

Предпоследняя наша встреча была символична и не случайно произошла на Крымской земле, во время X Международного литературного фестиваля им. М.А. Волошина в Коктебеле 11–12 сентября 2012 года. Речь шла об издании новых книг издательством «Прогресс-Плеяда» – детищем Станислава Стефановича, в том числе и к 125-летию Сергея Клычкова в июле 2014 года. Я прочла свои новые стихи, посвященные Волошину и Коктебелю. Они понравились Станиславу Сте-

фановичу, и он предложил издать их. Мы расстались «до новых встреч»... И, как настоящий рыцарь, он поцеловал мне – будто блоковской Прекрасной Даме – руку... (Как некогда сын Клычкова Георгий Сергеевич и сын Есенина – Александр Сергеевич Вольпин...)

Мечтала я побывать у Станислава Стефановича в издательстве (куда он меня неоднократно приглашал), на его семинаре в Литинституте по творчеству Блока, на вечере в ЦДЛ 20 января этого года... Но – увы! Не успела. А вот он успел очень многое... Например, поддержать в то время только начинавшего заниматься жизнью и творчеством С.А. Клычкова литератора Вячеслава Валентиновича Морозова, оставив свой автограф на книге «Голубые врата»: «Дорогой Вячеслав, желаю Вам удачи на Клычковской тропе. Ст. Лесневский. 28.7.90». В свою очередь, Слава Морозов передал эту книгу с надписью: «Дому-музею С.А. Клычкова. Там эта книга будет полезнее для потомков, чем в моей личной библиотеке. Тем более, что все мы смертны. 2006 г.» Иначе как провидческим этот жест не назовешь – в октябре 2010 года Слава ушел от нас...

Прощание со Станиславом Стефановичем в морозные январские дни состоялось в Москве, в Центральном доме литераторов, а отпевание в храме Сошествия Святого Духа на Даниловском кладбище, где когда-то были погребены меценат Третьяков, художник Остроухов и святая Матрона Московская...

Как духовное завещание нам – слова С.С. Лесневского, сказанные на вечере памяти С.А. Клычкова четверть века тому назад, в мае 1989 года: «Мы не можем забыть, как рано, как трагично оборвалась жизнь Сергея Клычкова, какую мученическую смерть пришлось ему принять, когда он был репрессирован в 1937 году... Нужны хотя бы символические надгробия жертвам чудовищной машины, перемалывавшей человеческие судьбы».

Во блаженном успении вечная Вам память, дорогой Станислав Стефанович!

Станиславу Лесневскому вслед

Самое привычное сравнение жизни – с полем. Поле разлук? Засеваемое встречами или даже в каком-то смысле невстречами, поле жизни прорастает разлуками...

Дом Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке – несомненное место встреч, перекресток судеб, причем вопреки временным несоответствиям, пропасть, прорехам... и даже самой разлуке вопреки.

Из тех, кому и с кем была уготована, назначена встреча в Маринином Доме, каждая случайность оборачивается неслучайностью, но все-таки не все встречи становятся событиями и не все окликнутые могут называться (быть!) друзьями, а еще меньше тех, кто – родными, во всей простоте и точности этого слова.

Станислав Стефанович Лесневский был больше чем другом Дома-музея Марины Цветаевой... А разве могло быть иначе?

Филолог, литературный критик, эссеист, издатель... друг Ахмадулиной, Окуджавы, Евтушенко, Аксенова... Перечень далеко не полный, но и из него ясно, что у Музея Марины Цветаевой и у Станислава Лесневского, человека, страстно влюбленного в слово, в русскую литературу, есть общность сердечной привязи,

общий круг друзей. Но прежде всего надо сказать о том, кого почитала божеством от поэзии Марина Цветаева и кто был особой любовью Станислава Лесневского. Имя этого Поэта – Александр Блок.

Ежегодно в своем издательстве «Прогресс-Плеяда» Станислав Лесневский издавал бесценные книги-события: «Русские символисты» А.В. Лаврова, Андрей Белый, Василий Розанов, Николай Клюев, тома Александра Блока... Блок, о Блоке, Блоку...

Многие презентации – предьявления книг, к выходу которых был причастен С.С. Лесневский, проходили в Доме-музее Марины Цветаевой. Что это были за вечера! Феерические! Воистину удивительного, странного, страстного, отважного миссионера русской литературы.

Многие годы Станислав Стефанович был не только пристально и пристрастно неравнодушным свидетелем жизни и дел Дома-музея Марины Цветаевой, но и участником, советчиком, во всех смыслах «своим». Как часто он приводил к нам на экскурсии своих студентов из Литературного института...

Горько сознавать и трудно поверить, что двери Дома Марины Цветаевой больше никогда не распахнутся навстречу Станиславу Стефановичу, но книги хранителя великого богатства, той его части, что зовется «русской словесностью» или больше – «русской культурой», в библиотеке культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой» будут храниться вечно.

Местом встреч со Станиславом Лесневским навсегда останутся Шахматово, ЦДЛ, РГБ, издательство на Тверском... Все музеи, связанные с именем Марины Цветаевой, где Станислав Стефанович бывал, участвовал, полыхая сердцем, в праздниках памяти и любви... И конечно же – Маринин Дом в Москве, по адресу Борисоглебский переулок, 6.

Во всеобщей боли разлуки со Станиславом Лесневским есть и наша особая, личностная боль, как и своя любовь и память.

Отразившись в Серебряном веке...

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были...

В. Жуковский

Ушел Станислав Стефанович Лесневский... Чудесный человек, потрясающий знаток литературы, автор замечательных книг и блестящий публицист, для Дома-музея М.А. Волошина – Друг с большой буквы – на все времена.

Мы встречались с ним в Москве и в любимой им усадьбе Шахматово, но более всего, конечно, в Коктебеле.

В приснопамятные девяностые годы прошлого века он привозил для музейной библиотеки так необходимые книги, с особым трепетом – репринты прижизненных изданий А. Блока; поддерживал нас в терпеливом противостоянии с действительностью, а уезжая, оставлял нам не просто надежду – уверенность, что наш музейный островок выстоит и что мы делаем большое дело. Тогда же Станислав Стефанович привез и подарил сотрудникам музея небольшие плакетки с портретом Блока – из обожженной глины. Этот серенький керамический барельефчик и по сей день стоит у меня на книжной полке. Всякий раз при переездах-переменах ловила себя на мысли: почему я упорно ставлю его на видное место? – это же не Волошин. Странно, все менялось, лишь две небольшие реалии оставались

всегда на виду – небольшая икона Владимирской Богоматери и керамический портрет Александра Блока. Теперь понимаю – слишком дорого было мне внимание человека, его подарившего. Он так искренне, от всей своей большой души радовался, что может позволить себе дарить...

Последнее время он приезжал в Коктебель осенью, приходил на террасу Дома Поэта, и, как всегда, с его приходом она непостижимым образом преображалась... Он был словно оттуда, из волошинских гостей – из волошинских времен... Широко эрудированный, безмерно доброжелательный, безусловно честный в суждениях, исключительно скромный, с тонким юмором... Знаток Серебряного века, да и вообще – поэзии XX столетия, он вслушивался в литературные строки «Волошинского сентября» с мягкой улыбкой, и только по блеску его пронизательного взгляда можно было определить отношение к услышанному. Несмотря на явные предпочтения в литературе, он ориентировался в современном творческом процессе и бережно относился к креативной, как принято сейчас говорить, молодежи. Знал всему цену, но вместо критики старался «подтянуть», развить, просветить, найти хорошее.

Его литературоведческое наследие, уверена, будет предметом отдельного изучения и о нем еще много напишут. Его доклады на Волошинских чтениях всегда были праздником. Его презентации книг в музее перерастали в лекции, которыми заслушивались. Он был очень эмоциональным человеком и заражал слушателей своей воодушевленностью. Потрясающе читал стихи!

Издательская деятельность – еще одна сверкающая грань его таланта. Он гордился своими изданиями и безмерно радовался, что может раздавать их всем, кому они нужны. Гордился своей сестрой, благодаря которой он мог это делать. Тщательно подготавливаемые им книги часто бывали почти произведением искусства. Это тоже одна из традиций Серебряного века, которая жила в нем совершенно органично. Нас, музейщиков, всегда восхищали привозимые им изда-

ния «Прогресс-Плеяды»: не только содержание, но и составление, подача материала, оформление – все приводило в восторг! Образуется ли с его уходом лакуна в издательском деле? Наверное... В любом случае, созданное им предприятие, одно из самых влиятельных сегодня, займет достойное место в истории развития книжного дела в России.

Думаю, что несмотря на его увлечение Блоком отношение к людям и книгам у него было больше волошинское. Внутренняя, невыразимая и неискоренимая Любовь: прощающая – к людям и ненасытная – к книгам...

Весь декабрь и январь давило нехорошее чувство тревоги. Обзванивала родных и близких. Списывала на усталость после юбилейного волошинского года и текущие события в Киеве – там дети, друзья. Когда раздался звонок из «Прогресс-Плеяды» – ударило в голову – вот оно! – невосполнимая потеря... Отсюда, из зимнего Коктебеля, в это невозможно поверить... Это все равно, как если бы поверить в то, что не наступит лето. Ведь после лета, в сентябре в Коктебель приезжает Станислав Стефанович, всегда с лучистой улыбкой, безмерно добрый, полный планов, идей, книг...

Светлая память Вам, Станислав Стефанович, и наша всегдашняя любовь...

«Осколки неизвестных пород»

Августовские встречи

с С.С. Лесневским в Хвалынске

Со Станиславом Стефановичем Лесневским я познакомилась в 1998 году через его друга – художника Владислава Викторовича Полякова, уроженца Хвалынска. Поляков был влюблен в поэзию Александра Блока и в 1977 году отправился в Шахматово, где была усадьба, в которой так любил отдыхать поэт. Сама усадьба была сожжена крестьянами еще при жизни Блока, он делал зарисовки, чтобы закрепить образ усадьбы, много рисовал природу тех мест, многоверстную синюю даль, вдохновлявшую Блока на поэтические образы. В 1985 году Поляков переехал в блоковское Подмоскovie, в город Солнечногорск, устроился работать в Государственный историко-литературный и природный музей-заповедник А.А. Блока. Там, на блоковском празднике, который в начале августа проходит рядом со знаменитым камнем, установленным поклонниками творчества Блока в 1969 году близ усадьбы, и состоялась его встреча с Лесневским. Станислав Стефанович был инициатором проведения этих праздников, вдохновителем и ведущим, сделав их с 1970 года традиционными. Именно любовь к «трагическому тенору эпохи» соединила С. Лесневского и В. Полякова. Они много сделали для восстановления блоковского

Шахматова. Таких людей, как они, любимый ими Блок называл «осколками неизвестных пород», а наш земляк Сергей Наровчатов, стихи которого неоднократно мы слышали в исполнении Станислава Стефановича на встречах, писал:

Нет! Не ради славы и награды –
Для великой доли и красоты
Никогда взыскующие града
Не переведутся на Руси.

В 1994 году Поляков вернулся в родной Хвалынский, но часто уезжал в Москву, чтобы помочь Станиславу Стефановичу на книжных ярмарках. Он рекламировал книги издательства, помогал сделать экспозицию на стенде и всегда возвращался с подарками от издательства «Прогресс-Плеяда» для музейной библиотеки. Лесневский умел привлекать, собирать людей, в которых видел возможных соратников, и заражать их своим творческим темпераментом. Станислав Стефанович всячески способствовал продвижению блоковских графических серий В. Полякова. В 1997 году в редакции журнала «Наше наследие» не без его деятельного участия открылась выставка Владислава Викторовича из шахматовского цикла «И веял ландшафт строкою Блока...».

Впервые по приглашению Полякова Станислав Стефанович приехал в Хвалынский в 1998 году, где и состоялась наша первая встреча в музее. Когда-то В. Поляков писал родным в Хвалынский: «Каким бесподобным я помню свой край. Долгое время совершенно не мог остановиться, чтобы не похвалиться вслух кому-нибудь. И на этом пути многие успели разделить мои восторги». Лесневский был одним из тех, кто «разделил восторги» Полякова относительно Хвалынска, называя его «сказочный, загадочный, манящий Хвалынский...», он полюбил окрестные пространства всей душой.

Тогда же Поляков загорается идеей издать о любимом городе сборник, пишет для будущей книги статью о художественном мире Хвалынска. В 2001 году сбор-

ник «Хвалынск. Портрет города» вышел в издательстве «Прогресс-Плеяда». В этой книге много рисунков Владислава Викторовича с видами улиц и окрестностей города. В них нет «красивости», эстетства, но много чистоты, крепости и какой-то нежной поэзии. Эта книга стала на сегодняшний день лучшим изданием о городе. Весь тираж книги, – 3000 экземпляров, быстро разошелся. Весной 2002 года Станислав Стефанович приезжал в Хвалынск на презентацию книги. Надо сказать, что он был всегда в пути, его не смущали расстояния, пересадки, отсутствие удобств, «нелетная» погода. Минимум цивилизационных благ – максимум творчества – так можно было бы определить его кредо. Хвалынск – город без железной дороги, до ближайшей узловой железнодорожной станции в Сызрани – 120 км, и оттуда до Хвалынска можно добраться или на автобусе, или на маршрутном такси. Станислав Стефанович был щедр на подарки, он привозил с собой много интересных и нужных книг, свидетельствующих о безупречном вкусе главного редактора. Не всегда мы могли его встретить в Сызрани, и ему приходилось таскать эти тяжести самому. Таким он и запомнился: с сумкой-тележкой выходящим из вагона. Вот и тогда он приехал весной, в начале апреля, в распутицу, выкроив несколько дней в своем напряженном графике, чтобы поздравить Полякова с 65-летним юбилеем и сделать подарок и ему, и городу. Книжки, как правило, он раздавал городским библиотекам, перепало и музеям.

Сейчас особенно осознаешь, как много замечательных книг было издано издательством «Прогресс-Плеяда»! Конечно, особенно «повезло» любимому Лесневским Александру Блоку, творчеством которого он занимался по меньшей мере полжизни. Здесь и уникальная переписка А. Блока и А. Белого, письма Н. Клюева А. Блоку – все эти книги «прослоены» многочисленными документами, свидетельствами и высказываниями, впрочем, как и книга В. Маяковского «Флейта-позвоночник», Р.В. Дуганова «Велимир Хлебников и русская литература», А.В. Лаврова «Рус-

ские символисты», репринтное воспроизведение «Стихов о Прекрасной Даме» 1904 год, и «Стихов о России» 1915 года, стихотворения Ф. Тютчева, факсимильное воспроизведение поэмы (издание 1923 года) А.С. Пушкина «Медный Всадник» с иллюстрациями А.Н. Бенуа и со статьей П.Е. Щеголева. По сложившейся в издательстве традиции, в книге можно найти и пушкинский цензурный автограф поэмы с пометками императора Николая I, стихи А.С. Пушкина о Петербурге и Петре Первом, стихи русских поэтов о Петербурге и Медном всаднике, статью обо всех существующих памятниках Петру I – одним словом, это настоящая антология о Петербурге, Медном всаднике и поэме Пушкина.

В 2002 году в редакции журнала «Наше наследие» открылась выставка художников – участников хвалынского пленэров, с которыми Поляков был связан, и, конечно, Станислав Стефанович не остался равнодушен к их поискам, он был на открытии выставки, рассказывая о своих впечатлениях от «русского Барбизона» – Хвалынска.

Лесневский – истинный подвижник русской культуры. Подлинная культура без таких рыцарей обойтись не может. Издательство, которое он возглавлял, стоически выдерживало натиск «гламура» и законов рынка. Он стоически в наши противоречивые времена «держал планку» возглавляемого им издательства, не уступая конъюнктуре. Продолжать просветительскую деятельность часто себе в убыток Дон Кихоту от издательского дела помогала сестра Ирена Стефановна Лесневская. Станислава Стефановича в полной мере можно назвать филантропом, он заботился не о прибыли в кармане, а о прибыли в человеческой душе. Он был, безусловно, талантливым организатором, руководителем, администратором. Но эти качества – лишь проявления главного, определяющего в нем – подвижничества. Оно родило двух бессребреников – Полякова и Лесневского.

К сожалению, следующая встреча с Лесневским в Хвалынке произошла уже по печальному поводу, после смерти В.В. Полякова в 2005 году. В августе 2005

года Станислав Стефанович приехал в Хвалынск, посетил могилу Полякова, встречался с художниками, работавшими на пленэре, выступал на вечере памяти Владислава Викторовича в музее. При непосредственном участии Станислава Стефановича в день 70-летия художника, на доме, где жил Владислав Викторович Поляков и который он так любил, открылась мемориальная доска. Станислав Стефанович приехал буквально на несколько часов из Москвы в этот весенний туманный апрельский день 2006 года. Жена Лесневского Валентина Ивановна не зря в шутку называла его «досковешателем», благодаря ему отмечены многие памятные места в разных городах и весях России, в том числе и в Хвалынске.

Вскоре после смерти В.В. Полякова он издал замечательный альбом графических работ друга. Он стал, без преувеличения, одним из памятников Владиславу Викторовичу.

В 2008 году Станислав Стефанович издал факсимильное воспроизведение автобиографической повести К.С. Петрова-Водкина «Хлыновск» 1930 года. Небольшого формата, прекрасной полиграфии, с цветными вклейками с репродукциями лучших работ мастера книга сразу стала популярной не только среди музейщиков, но и гостей города. В августе несколько десятков книг Станислав Стефанович привез в Хвалынск на шестую научную конференцию, посвященную творчеству К.С. Петрова-Водкина, выступал на конференции. Тогда же при его участии была открыта мемориальная доска на доме купцов Михайловых, где прошли детские годы художника. Станислав Стефанович бывал хотя бы коротко в Хвалынске каждое лето после 2005 года. В Хвалынске он снимал один и тот же номер в гостинице «Волга», недалеко от музея. Обязательным ритуалом было посещение дома Полякова, в котором тот поддерживал атмосферу высокой духовности, относился как к живому, беспокоился о нем, уезжая, препоручал заботы о доме хвалынским знакомым. Строки Блока «Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю, старый дом

глянет в сердце мое...» как будто о нем. Хвалынский дом был его «царством возвышенных грез». Станислав Стефанович обязательно ходил на кладбище, на могилу Полякова. Кладбище в Хвалынске находится на Поповой горе над Волгой, откуда открывается вид на четырнадцать братцев-гор, подковой окруживших город. Станислав Стефанович любил смотреть с этой горы на Волгу, предгорья, горы и говорил: «Теперь домом художника стала вся Хвалынская земля». В 2010 году Станислав Стефанович издал еще одну книгу друга «Именем Хвалынска», в которую вошли размышления Владислава Викторовича о К.С. Петрове-Водкине, об истории художественной жизни города. Книга иллюстрирована рисунками Полякова, «где в певучих красках и линиях оживает “малая Родина” художника, а за ней – вся Россия, Музыка бытия...». Последний раз Станислав Стефанович приезжал в Хвалынск уже после смерти жены в августе 2012 года.

В августовские короткие его приезды в музеи организовывались встречи художников, гостей города и самих хвалынцев с известным блоковедом. Такие встречи особенно важны и нужны в наше нелегкое время, когда после многих лет разрушения шкалы ценностей, появляется наконец потребность в восстановлении вертикали, на вершине которой – всецелое. О чем говорил на этих встречах Станислав Стефанович? Он говорил «о драгоценнейшей ноше отечественного искусства», которую надо сохранить и передать следующим поколениям. Ноша эта – дух целого, единство этики и эстетики, отсутствие «суверенной территории» в русской культуре. И действительно, русские художники, писатели, поэты, композиторы и музыканты постоянно выходят за рамки того, что именуется знакомым и всегда загадочным словом «культура», в жизнь, открывая своим читателям, зрителям, слушателям возможность веры через глубины поэтического и литературного слова, филологии, философии, искусства. Собственно, Лесневский и был таким связующим звеном культуры с жизнью. Когда-то Станислав Стефанович говорил о

Полякове, что тот «был одарен талантом сопереживания – в радости и горе», но он и сам обладал таким же качеством. Подобное познается подобным...

Он не боялся показать, что его вера прямо соотносится с церковью. И совсем неслучайно на протяжении многих лет он был связан с Российским Православным институтом св. Иоанна Богослова. Ему были близки слова Сергея Булгакова: «Искусство – наиболее религиозный элемент внерелигиозной культуры. Проявляется это не в религиозной тематике, – в сущности, искусство не имеет тем, а только знает художественные поводы. Реализуется это в ощущении запретельной глубины мира, и в том трепете, который им пробуждается в душе». Отсюда его увлечение поэзией, ведь в ней происходит волшебное соединение слова и музыки, где нет прямого высказывания, где интонация опровергает логику. Настоящий поэт всегда ведом Богом, и пока в человеке жив Бог, в нем живет поэзия. Как писал когда-то Александр Блок, о котором Станислав Стефанович, кажется, знал все и которого он постоянно цитировал:

Не ты ли в дальнюю страну,
Страну, неведомую ныне,
Введешь меня: я вдаль взгляну
И вскрикну: «Бог! Конец пустыни».

И Александр Блок, и Георгий Иванов, чьи стихи звучали на встречах, и многие, многие поэты вели в эту «страну». Сам Станислав Стефанович не писал стихов, хотя знал их великое множество. «Поэзия, – говорил он, – то, что можно унести в памяти и что нельзя отнять». Он мог бы сказать про себя, как Мандельштам: «И не рисую я, и не пою, и не вожу смычком черноголосым, Я только в жизнь впиваюсь...».

Жадность к жизни, ко всем ее дарам, впечатлениям и новым встречам у него была поистине необыкновенная. Способность любить других людей искусства искренно, страстно восхищаться ими, черта свойственная его натуре и редкая в наше время. А уж чем он вла-

дел в совершенстве, так это музыкой художественного слова: можно было бы зафиксировать нотными знаками на нотной бумаге стройность и развитие композиций его выступлений. При этом он владел той простотой, которая и является высшим искусством. Ведь один из признаков интеллигентности – стремление быть понятным собеседнику, быть понятым им.

После встреч его постоянно окружали слушатели, в основном художники, задавали вопросы, иногда просто подходили «постоять рядом», приобщиться к «высоковольтному напряжению», которое чувствовалось в Станиславе Стефановиче.

Лесневский встречался в своей жизни со многими поэтами и писателями.

Удивительно тонко и точно, яркими акцентами вплетались в его рассказ неповторимая характеристика ахматовской речи, когда она ответила на вопрос Станислава Стефановича, заданный ей в конце 1960 года об отношении к поэзии Маяковского: «До революции – это Лермонтов, а потом – плакат», или едва уловимые нюансы стихов Афанасия Фета. Звучали и неизвестные широкому читателю емкие строки Пастернака из его рецензии на ташкентский сборник стихов Ахматовой, с которой Лесневского познакомила поэтесса при той же встрече: «Две кровопролитных войны, их следы чуть ли не на каждой странице, и между ними известный профиль с гордо занесенной головой...» Рассказывал он и о последних месяцах жизни Александра Блока, ощущавшего ответственность за все содеянное большевиками, преодолевшего кошмарную иллюзию. Станислав Стефанович процитировал строки из письма Блока, написанные в январе 1921 года знакомой, ожидавшей ребенка: «...если он будет хороший, какой он будет мученик, он будет расплачиваться за все, что мы наделали, за каждую минуту наших дней». Станислав Стефанович говорил о том, что и мы должны отвечать за дела наших отцов и дедов. Чувство локтя – это горизонтальное чувство единения общества. Оно необходимо, но народом нас делает объединение по вертикали – от поколения

к поколению. Она, вертикаль, связывающая поколения на временной шкале, собственно, совпадает с вертикалью культуры.

Лесневский приводил слова Блока из дневника от 13 июля 1917 года: «Я никогда не возьму в руки власть, я никогда не пойду в партию, никогда не сделаю выбора, мне нечем гордиться, я ничего не понимаю». На такие слова способен лишь честный художник, честный прежде всего перед собой. Вот к такой же острейшей самокритике призывал Лесневский друзей-поэтов в своей в какой-то степени покаянной статье «Затянувшаяся гордыня», появившейся в 1995 году в «Литературной газете». Чувствовалось, что и сам Станислав Стефанович превозмог в себе многие иллюзии «шестидесятничества», вероятно, не без влияния предсмертных лет жизни Блока с их «молчаливым аккордом» – слова самого Станислава Стефановича. «Молчание гения, – писал в своей одноименной статье С.С. Лесневский, – сильнее шума десятков талантов. Молчание поэтическое... Молчание Тютчева, молчание Гоголя, молчание Блока... И глубочайшая, невидимая и неслышимая работа мысли поэта». Станислав Стефанович, пытаясь «услышать», о чем молчал поэт в свои последние годы, начинал понимать глубоко ложную идею, на которой строился мировоззренческий фундамент и его поколения.

Вспоминал он о Рождественских встречах в Кремле, где ему довелось слышать А.И. Солженицына. На одной из встреч Александр Исаевич призвал православную церковь к миссионерской (а значит, и социальной) активности. На что патриарх Алексий ответил: «Наша активность – молитва». И здесь Лесневский выразил солидарность с патриархом: церковь не может занять место, которое занимала КПСС, она обращается только к тем, кто сам пришел к ней. Церковь состоит из прихожан, а не из «привожан».

Еще он рассказывал о зачине знаменитого стихотворения А. Ахматовой «Мне голос был...», которое печатается теперь, к сожалению, без него:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,
Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берет ее...
Мне голос был. Он звал утешно...

«Не потерять бы и теперь “дух суровый византийства”, – говорил он, – не пойти путями многих протестантских кружков, куда человека чуть ли не “конвоируют” уличные миссионеры...» Но у культуры в такие времена не последняя роль, особенный спрос с людей, обладающих ценностями, которые не девальвируются ни при каких обстоятельствах, ни при каких политических переменных и социальных потрясениях. Станислав Стефанович Лесневский был носителем таких ценностей.

После отъезда Станислава Стефановича мы еще долго вспоминали теплые встречи с ним и думали о своих путях и перепутьях в «страну, неведомую ныне»: неважно, доплывем ли до берега, важно не сбиться с курса. Мы будем стараться, Станислав Стефанович, не отпустить руку Бога, все еще держащую нас...

Его библиотека

Очень трудно писать о человеке, которого знала в течение более 20 лет, – был...

Много лет подряд в начале февраля в Библиотеке им. В. В. Розанова проходили розановские чтения, посвященные не только Розанову, но и другим выдающимся философам нашего времени. Они приезжали шумные, красивые с мороза, с пирожками и подарками для библиотеки. Взрослые мальчишки и взрослые умные дамы. И всю эту ватагу монстров-профессионалов, умнейших людей нашего времени: литераторов, философов, биографов Розанова, Леонтьева, издателей – привозил Станислав Стефанович Лесневский – умный, талантливый, превосходно знавший Блока, по-человечески красивый, скромный и очень воспитанный человек. Свою программу они начинали с посещения могил философов, потом шли в Лавру к Преподобному.

Господи! Как мы их ждали, как готовились, впитывали каждое слово. Они научили нас по-настоящему ценить великую русскую литературу, гордиться тем, что владеем одним из красивых языков – русским. Потому что они все говорили на правильном русском языке. Всегда в подарок привозили книги. Библиотека первая получила книги, изданные в издательстве «Про-

гресс-Плеяда», которым руководил Станислав Стефанович...

Среди них Розанов, Леонтьев, поэты Серебряного века Александр Блок, Осип Мандельштам, Андрей Белый, Велимир Хлебников, Федор Сологуб.

Великолепные издания Александра Боханова – о судьбе императрицы Марии Федоровны, диакона Сергия Трубачева, замечательной русской художницы Татьяны Мавриной «Гуси, лебеди да журавли...», Владимира Котельникова «Православные подвижники и русская литература», сборники стихов Заболоцкого и Тютчева.

И конечно же «Миниатюры» Василия Розанова, которые стали подарочным брендом и вручались от имени издательства и библиотеки самым дорогим и почетным гостям.

И много других, прекрасно изданных с выверенными текстами книг, на хорошей бумаге и еще пахнущих типографской краской.

А еще Станислав Стефанович собирал для библиотеки великолепную коллекцию «Великие художники» и «Великие поэты», покупал в книжных киосках и привозил. Эти серии дороги нам еще и тем, что на них стоит его личный экслибрис.

Мы влюбились по-новому в Блока, мы побывали в его имении в Шахматове. Был сильный дождь, но нам было хорошо, потому что это было любимое место нашего большого друга Станислава Стефановича. И вот теперь рядом с ним стоит это слово – был...

Я не могу сейчас с уверенностью сказать, что розановские чтения, созданные им, будут проходить в том же формате и будут ли. Но то, что ежегодно мы будем собираться 5 февраля, это я знаю наверняка...

Много лет назад в нашу библиотеку пришел среднего роста, буднично одетый, с авоськой в руке и кепочкой на голове, очень приятный посетитель. Он надолго задержался около бюста М. Горького, который в то время «украшал» холл первого этажа. Этот бюст был похож сразу на всех известных людей с усами: кто-то

видел в нем Горького, кто-то Сталина. Вот такой бюст из гранита.

Посетитель, вероятно, долго стоял у этого бюста, поскольку одна из библиотекарей забеспокоилась и поднялась ко мне в кабинет на второй этаж и сказала, что кто-то очень интересуется нашим Горьким. Я спустилась. И впервые увидела Станислава Стефановича. Передо мной стоял мужчина, как мне тогда показалось, за 40. Но глаза – светились, и выражение было такое, словно он только что открыл тайну и очень хочет поделиться со мной. Мы разговорились. Он стал спрашивать меня про Розанова, Леонтьева. До сих пор помню тот ужас, который я испытала. Ведь практически ничего не слышала и не знала о них. Стыдно было, очень. В институте на каком-то семинаре эти имена были названы как реакционные, и все. Книги Розанова, Леонтьева в советское время не издавались. Станислав Стефанович рассказал, что эти философы похоронены в Черниговском скиту. Откуда мне было это знать? Затем он спросил, чье имя носит эта библиотека. Я ответила, что ничье. А бюст Горького – это как обязательный атрибут соцреализма. Станислав Стефанович спросил, не буду ли я против, если библиотека будет носить имя философа В. В. Розанова. Я ответила, что я не возражаю. И в 1992 году Центральной районной библиотеке было присвоено имя философа Розанова по ходатайству Института мировой литературы им. М. Горького. В этом же году мы провели первые чтения, посвященные его памяти. И с тех пор чтения проходили каждый год – 5 февраля. И каждый год это был праздник для нас и наших читателей. Мы стали взрослее, мы прочитали всего почти Розанова, у нас самый богатый фонд философской литературы в нашем городе. И мы могли почти на равных беседовать с нашими гостями. А среди гостей – Налепин, Сукач, Лесневский... и многие другие критики, издатели, философы, литературоведы.

С тех пор прошло 20 лет. И нам казалось, что они будут всегда с нами. А со Станиславом Стефановичем мы дружили. Он к нам приезжал просто на наши «вну-

тренние посиделки». Он привозил нам дорогущую, но очень вкусную водочку. Мы бегали, покупали пирожки и ждали, ждали, когда он придет. Приезжал, и мы не могли наговориться. И стали отмечать, что стал сдавать наш Станислав Стефанович. Но о плохом не думали. В последний приезд подарил нам великолепно изданную книгу «В окопах Сталинграда». В этом году первый раз за 22 года 5 февраля к нам не придут наши взрослые мальчишки и взрослые умные дамы.

Сказать сейчас, что Станислав Стефанович останется в нашей памяти столько, сколько мы будем жить, значит не сказать ничего. С его появлением в библиотеке началась работа по возрождению историко-культурного и религиозного наследия нашего благодатного края.

Мы все стали другими, потому что очень хотелось дотянуться хотя бы до его плеча. Вот и тянулись все годы: бесконечно любя и уважая.

У нас остались фотографии, книги, изданные в его издательстве, и икона Божьей Матери, которую он нам подарил в один из своих приездов, и есть Библиотека им. В.В.Розанова, его библиотека. Здесь его ждали, любили, преклонялись перед ним, а теперь еще будут и помнить.

Хранитель культурной памяти России

Вся жизнь Станислава Стефановича была до краев наполнена всевозможными делами и событиями, истинную важность каждого из которых он понимал каким-то внутренним чутьем, и спокойно, без надрыва, но необычайно целеустремленно и преодолевая всевозможные препятствия, шел к осуществлению задуманного. Обладая поистине энциклопедическими знаниями, лично зная множество самых разных людей, он к каждому явлению и к каждому человеку находил свой подход, свой путь.

Прежде всего надо назвать два важнейших качества Станислава Стефановича, благодаря которым он умел объединять вокруг себя людей и многого добиваться, – спокойствие, основанное на глубинном ощущении своей правоты, и деловитость, благодаря которой он мог реализовать задуманное. У Станислава Стефановича эти два качества сочетались в таких пропорциях, что в итоге получалось то, что можно назвать мудростью человека, многое повидавшего, многое сделавшего и вместе с тем готового к реализации новых грандиозных проектов.

Возможно, такой взгляд – это взгляд человека на много моложе Станислава Стефановича... Я познако-

мился с ним еще юношей, почти четверть века назад, в период его творческого расцвета. Это случилось на одном из Блоковских праздников поэзии в Шахматове, которые Станислав Стефанович на протяжении многих десятилетий неизменно устраивал в первое воскресенье августа. Он прочувствованно, восторженно, самозабвенно любил эти замечательные блоковские места, где, кажется, каждое дерево, каждый изгиб дороги, каждый холм, пруд или ручеек можно соотнести с той или иной строкой Блока и со всей образной системой его поэзии. Станислав Стефанович ощущал эту землю как русское национальное достояние, которое надо сохранять, оберегать, о котором никогда нельзя забывать – что бы ни случилось, что бы ни произошло.

На наших глазах происходили события, в том числе судьбоносные, стремящиеся уничтожить генетический код русской исторической памяти, но ничто не могло повлиять на эти выезды к Блоку. Именно к самому Блоку, Александру Александровичу, в Шахматово. И эти ежегодные праздники в конце концов преобразили пространство, где они проводились. Сначала это была просто территория бывшей усадьбы Бекетовых и место летней жизни Блока, там не было ничего, только неосязаемая память, будто бы растворенная над окрестными холмами. Потом появился ставший знаменитым валун, который, справедливости ради, надо назвать скалой Станислава Лесневского. Приходится удивляться тому, сколько усилий – и организационных, и чисто физических – понадобилось Станиславу Стефановичу и его сподвижникам, чтобы обнаружить этот валун, извлечь его на поверхность и привезти к тому месту, где находилась усадьба. И знаменательно, что этот валун каждый август становится центром праздника! Как символ крепости духа и несгибаемой воли к достижению цели. Валун как центр единения – это удивительно и неповторимо, это явление, уникальное в своем роде.

Но валуном и праздником вблизи него дело не ограничилось. Шла многолетняя борьба за сохранение и музеефикацию связанных с Блоком объектов в Тара-

канове, а потом и возрождение самой усадьбы. Дело в отечественном музейном деле очень редкое – чтобы из ничего, буквально из небытия, возникла историческая усадьба! И это не царицынский дворец в Москве с многомиллионными вложениями, а усадьба русского поэта в дальнем Подмосковье, вдали от проезжих трасс и личного кураторства высшего чиновничества. И теперь усадьба живет привычной жизнью музея-заповедника, собирая бесчисленных посетителей со всех уголков России и мира. Усадьба стала новым центром русского притяжения.

Недавно исполнилась и еще одна мечта Станислава Стефановича: блоковское пространство расширилось – в музей-заповедник на правах филиала наконец-то вошла усадьба Дмитрия Ивановича Менделеева в Боблове, которой уготованы были испытания, которые чуть было не привели к ее окончательной гибели. Теперь Блоки – Менделеевы – Бекетовы опять соединились. И эта победа – одно из важнейших блестяще осуществленных дел Лесневского. Это его великое достижение!

Только выезжаешь из Солнечногорска, как попадаешь в блоковские места, где еще есть ландшафты, которые воспринимаешь как историко-культурные, сохранившие свою культурную самоценность. Станислав Стефанович мечтал, чтобы можно было не делать объездной крюк, а направляться к возрожденной усадьбе той дорогой, по которой ходил и ездил Александр Александрович. Но всегда подспудно звучала тревога: ведь подмосковные земли очень дороги – проложишь хорошую дорогу, узнают многие про заповедные места, и начнут расти всевозможные коттеджи, рестораны да автозаправки. И для защиты блоковских мест от новых варваров опять же требовалась мудрость Станислава Стефановича и его умение добиваться поставленных целей. Надо было досконально знать буквально каждый метр заповедного ландшафта – чем он примечателен, как связан с жизнью Блока и с его поэзией. Так создавались, корректировались и защищались на разных уров-

нях, в разных кабинетах генеральный план музея-заповедника и программы его перспективного развития. И на ученых советах музея-заповедника, проходивших в редакции журнала «Наше наследие», голос Станислава Стефановича неизменно звучал весомо и убедительно.

Он радел о восстановлении порушенной церкви Михаила Архангела в Тараканове, ведь именно в ней венчались Александр Александрович Блок и Любовь Дмитриевна Менделеева. Попытки восстановить ее предпринимаются многие десятилетия, но пока к успеху не привели, хотя и леса вокруг уцелевшего остова давно возвели, и планы возрождения составили. Церковь эта должна замкнуть воедино Шахматово – Тараканово – Боблово. И этот замысел Станислава Стефановича, будем надеяться, осуществится в ближайшее время, поскольку проект по восстановлению церкви наконец-то включен в официальную целевую программу «Развитие сферы культуры на территории Московской области на 2013–2015 годы». Ее возрождение должно стать для него уже там, в ином мире, нечаянной радостью. Той радостью, которой мы, живущие, должны одарить его в благодарность за его труды и как дань его памяти.

Блоковская тема – это не только любимые места, вдохновлявшие поэта на его творчество, это и само его творчество, его лирика, поэмы, письма, воспоминания о нем. Это, наконец, его окружение. Весь бескрайний космос русского Серебряного века, однажды увлекшись которым уже невозможно ни остановиться, ни повернуть в сторону...

Так блоковская тема (и, конечно, не только она!) привела Станислава Стефановича на издательскую стезю. Среди множества больших и мелких, богатых и едва выживающих книжных издательств России «Прогресс-Плеяда» Лесневского стоит особняком. Это чисто просветительский проект, любовно осуществлявшийся и достойно реализованный Станиславом Стефановичем. Книги были его страстью, его увлечением, значимой частью его жизни. У каждой книги, принятой им к

изданию, был свой путь к жизни. Путь порой непростой и извилистый, путь долгий и многотрудный. Но всегда книга становилась из проекта событием, мастерски и с любовью реализованным. Старательно и профессионально исполненный дизайн, качество бумаги, качество иллюстраций, обложки, переплета, суперобложки – все это вызывает восхищение. Нигде, ни на одном из этапов подготовки книги не возникало желания сэкономить в ущерб качеству, которое всегда было наивысшим!

Во время многочисленных наших встреч на книжных выставках, в которых участвовало издательство «Прогресс-Плеяда», Станислав Стефанович всегда был со своими книгами. Он сам перетаскивал их целыми пачками, хотя ему порой было трудно поднять даже одну из них, он был рядом с ними – детищем своего труда и своей мысли. Полученная от Станислава Стефановича книга становилась лучшим и самым желанным его подарком. Желание одаривать книгами было для него естественным и искренним. Эти подарки становились одним из зримых проявлений его симпатии, его расположения к человеку. Он передавал книги в библиотеки и участникам конференций, авторам и составителям, исследователям и коллекционерам. И на каждую конференцию – а перечислить все из них: и те, в организации которых он принимал деятельное участие, и те, на которые он приезжал участником и слушателем, сейчас просто не получится из-за их обилия, – Станислав Стефанович неизменно приезжал с книгами. Это были подарки из его личной библиотеки, новинки его издательства, те издания, которые он считал важными и актуальными.

Книга – это память не только об авторе, но и о тех людях, которые ее создавали, это результат коллективной работы. И в каждом, даже репринтном издании, выпущенном издательством «Прогресс-Плеяда», ощущается мудрость Лесневского.

Новым местожительством издательства стал верхний этаж здания на Тверском бульваре. Помещения небольшие, верхний этаж без лифта. Но зато комнаты с

памятным видом на старую Москву и храм Христа Спасителя. Там хорошо и свободно дышалось. Там было просто и книжно. Там жила память веков и чувствовалось – даже в его отсутствие – зримое присутствие рачительного хозяина.

Книги – и авторские, Станислава Стефановича, и изданные «Прогресс-Плеядой» – еще долго будут жить и радовать новые и новые поколения читателей.

* * *

От последней встречи – на одном из юбилейных вечеров Василия Ивановича Белова – прошло уже больше года. Тогда думалось, что это рядовая встреча, что их будет еще множество. И разговор зашел о юбилее Сергея Ивановича Субботина, который Станислав Стефанович непременно хотел устроить в Малом зале ЦДЛ, и мне предлагалось воздействовать на юбиляра, склонив его к согласию на организацию Станиславом Стефановичем этого дружеского торжества.

Так он и останется в памяти деятельным, активным, эмоциональным.

Царствие Небесное, Станислав Стефанович. Ваш жизненный путь еще долго будет примером верного служения русской культуре. И не только герои Ваших статей, книг и авторы тех многочисленных изданий, которые вышли при Вашей деятельной поддержке, являются участниками процесса культурного развития России, но и Вы – хранитель, созидатель и один из активных творцов русской цивилизации, ее соратников.

Об авторах

Аведова Ирина Вартановна, филолог, обозреватель радио «Подмосковье»

Аннинский Лев Александрович (р. 1934), критик, литературовед

Астафьева Наталья Георгиевна, поэт, переводчик

Балашова Тамара Владимировна, литературовед, доктор филологических наук (ИМЛИ РАН); жена В.П. Балашова (1930–2011)

Балашова Татьяна Викторовна, переводчик с испанского и португальского, специалист по литературам Латинской Америки; дочь В.П. Балашова

Белова Ольга Сергеевна, жена В.И. Белова (1932–2012)

Богданова Лидия Александровна, научный сотрудник Государственного литературного музея

Бородина Валентина Ивановна, заведующая Художественно-мемориальным музеем К.С. Петрова-Водкина (Хвалынский)

Британишский Владимир Львович (р. 1933), поэт, прозаик, переводчик, эссеист

Вавилова Лариса Васильевна, жена ко-
стромского историка и краеведа В.Н. Бочкова
(1937–1991)

Васильева Лариса Николаевна, поэт, проза-
ик

Виноградов Игорь Иванович (р. 1930), кри-
тик, литературовед, журналист; главный редактор
журнала «Континент»

Галанина Юлия Евгеньевна, научный сотруд-
ник Музея-квартиры А.А. Блока (Санкт-Петер-
бург)

Гоморев Анатолий Константинович (1938),
поэт, автор публикаций об А.А. Блоке

Данильева Галина Алексеевна, научный со-
трудник Дома-музея Марины Цветаевой

Дедкова Тамара Федоровна, журналист, пе-
дагог; жена И.А. Дедкова (1934–1994)

Евтушенко Евгений Александрович
(р. 1932), поэт, прозаик, публицист, переводчик,
режиссер, актер, фотохудожник

Енишерлов Владимир Петрович (р. 1940),
литературовед, критик, главный редактор журнала
«Наше наследие»

Ермилова Елена Владимировна, литерату-
ровед; жена В.В. Кожина (1930–2001)

Золотусский Игорь Петрович (р. 1930),
критик, литературовед

Иванов Вячеслав Всеволодович (р. 1929),
лингвист, семиотик, антрополог, литературовед;
академик РАН

Котрелев Николай Всеволодович
(р. 1941), поэт, филолог, переводчик, историк рус-
ской литературы и философии

Кузнецова Ольга Александровна, литера-
туровед

- Лавров Александр Васильевич (р. 1949),
литературовед; академик РАН (Пушкинский Дом)
(Санкт-Петербург)
- Леонович Владимир Николаевич (р. 1933),
поэт, переводчик (Кострома)
- Лесневский Александр Станиславович
(р. 1955), сын С.С. Лесневского
- Лесневская Анна Станиславовна, дочь
С.С. Лесневского
- Лесневский Дмитрий Анатольевич
(р. 1970), племянник С.С. Лесневского
- Ляндо Марк Александрович (р. 1931), поэт
- Макарова Тамара Павловна, директор Вытег-
орского районного краеведческого музея в 1976–
2011 годах (Вытегра)
- Медведев Феликс Николаевич (р. 1941),
журналист, писатель
- Мирошниченко Наталья Михайловна, за-
ведующая Домом-музеем М.А. Волошина (Кокте-
бель)
- Мишонова Татьяна Николаевна, директор
Центральной районной библиотеки им. В.В. Роза-
нова (Сергиев Посад)
- Молчанова Наталья Викторовна, дочь фо-
тохудожника В.С. Молчанова (1910– 2003)
- Морозова Людмила Николаевна, корректор
- Мраморнов Олег Борисович (р. 1952), поэт,
эссеист, журналист
- Межирова Зоя Александровна, поэт
- Нефедьев Георгий Владимирович
(р. 1968), филолог, зам. директора Мемориального
дома-музея С.Н. Дурылина
- Огнев Владимир Федорович (р. 1923), кри-
тик, прозаик
- Оклянский Юрий Михайлович (р. 1929),
прозаик, литературовед, публицист

- Панкин Борис Дмитриевич (р. 1931), дипломат, литературный критик, журналист; министр иностранных дел СССР (1991)
- Парнис Александр Ефимович (р. 1938), литературовед, исследователь русского авангарда и Серебряного века
- Поберезкина Полина Ефимовна, литературовед (Киев)
- Потупов Евгений Васильевич (р. 1952), критик, журналист; главный редактор «Брянской учительской газеты» (Брянск)
- Радзишевский Владимир Владимирович (р. 1942), литературовед, критик, журналист
- Роговская-Соколова Марианна Евгеньевна, жена В.Н. Соколова (1928–1997)
- Рейн Евгений Борисович (р. 1935), поэт
- Романов Борис Николаевич (р. 1947), поэт, эссеист, переводчик
- Ряшенцев Юрий Евгеньевич (р. 1931), поэт, драматург, переводчик
- Санников Даниил Григорьевич (р. 1931), доктор физико-математических наук
- Синельников Михаил Исаакович (р. 1946), поэт, переводчик
- Сидоров Евгений Юрьевич (р. 1938), критик, литературовед, эссеист; министр культуры РФ (1992–1999)
- Скороходов Максим Владимирович (р. 1968), кандидат филологических наук (ИМЛИ РАН)
- Смирнов Владимир Павлович (р. 1941), литературовед, заведующий кафедрой новейшей русской литературы Литературного института им. А.М. Горького
- Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997), поэт, прозаик, переводчик
- Спивак Моника Львовна, литературовед, заведующая Мемориальной квартирой Андрея Белого

Венок Станиславу ЛЕСНЕВСКОМУ

Степанов Евгений Евгеньевич (р. 1945),
исследователь жизни и творчества Н.С. Гумилева
Субботин Сергей Иванович (р. 1942), ли-
тературовед, кандидат филологических наук
(ИМЛИ РАН)

Турков Андрей Михайлович (р. 1924), лите-
ратуровед, критик

Фаликов Илья Зиновьевич (р. 1942), поэт,
прозаик, критик, переводчик

Хлебянкина Татьяна Александровна, за-
ведующая Домом-музеем С.А. Клычкова (Талдом)

Шаменкова Людмила Семеновна, поэт, про-
заик, журналист

Шенталинский Виталий Александрович
(р. 1939), поэт, прозаик, публицист

Содержание

Александр ЛЕСНЕВСКИЙ	
Отец рассказывает	3
Анна ЛЕСНЕВСКАЯ	
Таким я его и запомнила	7
Дмитрий ЛЕСНЕВСКИЙ	
Два воспоминания	10
Людмила ШАМЕНКОВА	
Начало пути	12
Тамара БАЛАШОВА	
Шестьдесят лет в полете. Рядом, крылом к крылу	16
Лев АННИНСКИЙ	
Призывный свист	20
Феликс МЕДВЕДЕВ	
Поступок	22
Владимир СОЛОУХИН	
Из очерка «Большое Шахматово»	24
Борис ПАНКИН	
И мальчик, и муж	46
Владимир ОГНЕВ	
Характер критика	49

- Евгений СИДОРОВ**
Вдогонку Стасику 55
- Игорь ВИНОГРАДОВ**
Памяти Станислава Лесневского 57
- Евгений ЕВТУШЕНКО**
Идеалист-созидатель 61
Блоковский валун 64
Станиславу Лесневскому 66
- Игорь ЗОЛОТУССКИЙ**
Рыцарь нашего дела 69
- Андрей ТУРКОВ**
Памяти Станислава Лесневского 71
- Владимир ЛЕОНОВИЧ**
Станислав Лесневский 73
- Юрий ОКЛЯНСКИЙ**
Путепроходец 76
- Юрий РЯШЕНЦЕВ**
В старой «Юности»... 92
- Вяч. Вс. ИВАНОВ**
Вспоминая Стасика 95
- Владимир РАДЗИШЕВСКИЙ**
Возвышенный корабль 97
- Владимир ЕНИШЕРЛОВ**
Рыцарь Серебряного века 105
- Марианна РОГОВСКАЯ-СОКОЛОВА**
Других таких на свете нет 112
- Ольга БЕЛОВА**
О Станиславе Стефановиче Лесневском 115
- Елена ЕРМИЛОВА**
Самый старый друг 118
- Татьяна БАЛАШОВА**
Сказочные отсветы детства 121
- Тамара ДЕДКОВА**
Старый друг лучше новых двух 124
- Олег МРАМОРНОВ**
В поисках гармонической точности 130

Лариса ВАВИЛОВА	
Два письма	134
Анатолий ГОМОРЕВ	
43 года дружбы	138
Марк ЛЯНДО	
Блоколюбы	142
Лариса ВАСИЛЬЕВА	
Последний из могикан	147
Владимир БРИТАНИШСКИЙ	
Станислав Лесневский и наш двуглас	154
Наталья АСТАФЬЕВА	
Три эпитафии	161
Евгений РЕЙН	
Несбывшееся – воплотить!	163
Шахматово	165
Зоя МЕЖИРОВА	
Блоковским жестом пропавших времен...	166
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ	
Родная тень	171
Ирина АВЕДОВА	
Дорога в Оптину пустынь	176
Евгений СТЕПАНОВ	
Ты только присмотри, чтоб цел был Дом поэта...	179
Евгений ПОТУПОВ	
Автографы памяти	188
Даниил САННИКОВ	
Удивительный человек	195
Илья ФАЛИКОВ	
Пугачевский тулупчик	198
Сергей СУББОТИН	
Тридцать лет и три года	211
Полина ПОБЕРЕЗКИНА	
С юга на север	229
Борис РОМАНОВ	
Человек-артист	232

- Александр ЛАВРОВ**
Творивший добро 240
- Николай КОТРЕЛЕВ**
О Станиславе Стефановиче Лесневском 246
- Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ**
Вместо прощания 248
- Александр ПАРНИС**
Последняя поездка Лесневского 256
- Ольга КУЗНЕЦОВА**
Последняя встреча 260
- Наталья МОЛЧАНОВА**
Шахматово. Лесневский. Молчанов 263
- Людмила МОРОЗОВА**
Не забудем... 266
- Георгий НЕФЕДЬЕВ**
Дар «творить встречи и судьбы» 268
- Владимир СМЕРНОВ**
Человек прямого действия 270
- Лидия БОГДАНОВА**
С нами посегодня 275
- Юлия ГАЛАНИНА**
С.С. Лесневский
и Музей Александра Блока на Пряжке 281
- Музей-квартира А.А. БЛОКА**
«Памяти нужно пристанище»
Выставка памяти С.С. Лесневского
в Музее-квартире А.А. Блока 286
- Моника СПИВАК**
Дух-хранитель 290
- Тамара МАКАРОВА**
Встречи на Вытегорской земле 297
- Татьяна ХЛЕБЯНКИНА**
Антютик русской литературы 303
- Галина ДАНИЛЬЕВА**
Станиславу Лесневскому вслед 309
- Наталья МИРОШНИЧЕНКО**
Отразившись в Серебряном веке 311

Валентина БОРОДИНА	
«Осколки неизвестных пород»	314
Татьяна МИШОНОВА	
Его библиотека	324
Максим СКОРОХОДОВ	
Хранитель культурной памяти России	328
Об авторах	334

ВЕНОК СТАНИСЛАВУ ЛЕСНЕВСКОМУ

Вместо прощания

Не для продажи

Редактор-составитель – *Б.Н. Романов*
Художественное оформление – *Д.В. Логинов*
Корректоры – *Л.Н. Морозова, Л.М. Боровикова*
Верстка – *Л.А. Шелкова*
Оператор – *Татьяна Барышникова*

Издательство «Прогресс-Плеяда»
125009, Москва, Тверской бульвар, 14, стр. 1, офис 501
Тел./факс: (495) 648-07-86, 648-07-87
E-mail: progresspl@yandex.ru

Подписано в печать 17.02.2014. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Гарнитура «Peterburg». Печ. л. 19,75. Формат 60x90¹/₁₆. Заказ №

ISBN 978-5-7396-0313-5

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
ООО «Ваш полиграфический партнер»
Москва, Ильменский проезд, 1, корп. 6

На руках у няни, Стасику 7 месяцев. 1931

Январь 1933

Станислав Лесневский и Виктор Балашов. 1947

С сестрой Реной. 1 мая 1948

С сестрой Реной. 1 мая 1952

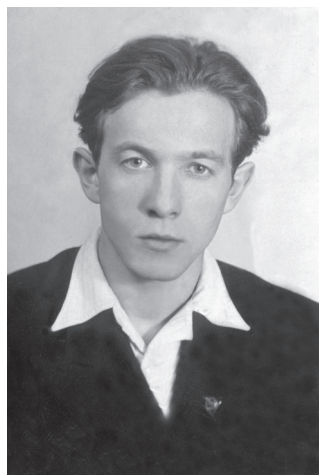
С мамой и Реной. 12 августа 1953

Лето 1949

Станислав Лесневский, Виктор Балашов, Виктор Хинкис
на военных сборах. 1950

13 мая 1952

Станислав Лесневский с сыном
Красноярск. 1955

В. Балашов, С. Лесневский, В. Хализев
1959

Под городом Калязиным с Виктором Балашовым. 1959

С поэтом Анатолием Поперечным. *Зеленоград*

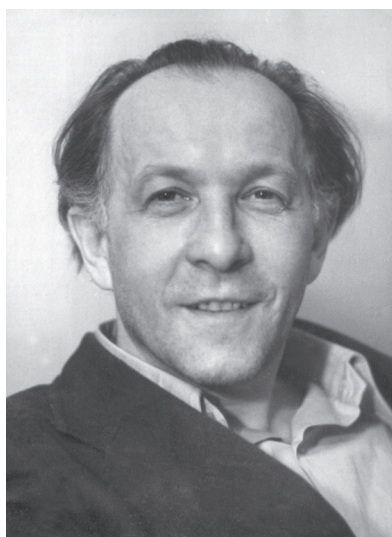
В «Литературной газете». 1970

Станислав Лесневский с группой экскурсоводов в Шахматово
1974

Шахматово. У Блоковского камня

Справа: А.М. Турков. 27 ноября 1974

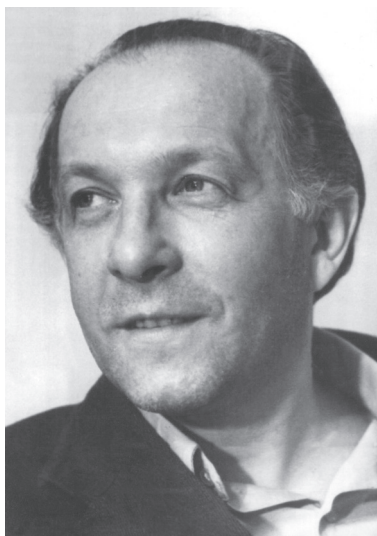
Шахматово. Август 1974

Тараканово
Август 1974

Шахматово. Август 1974

Шахматово. 11 Августа 1980

Шахматово. Август 1983
Слева: В.М. Сидоров

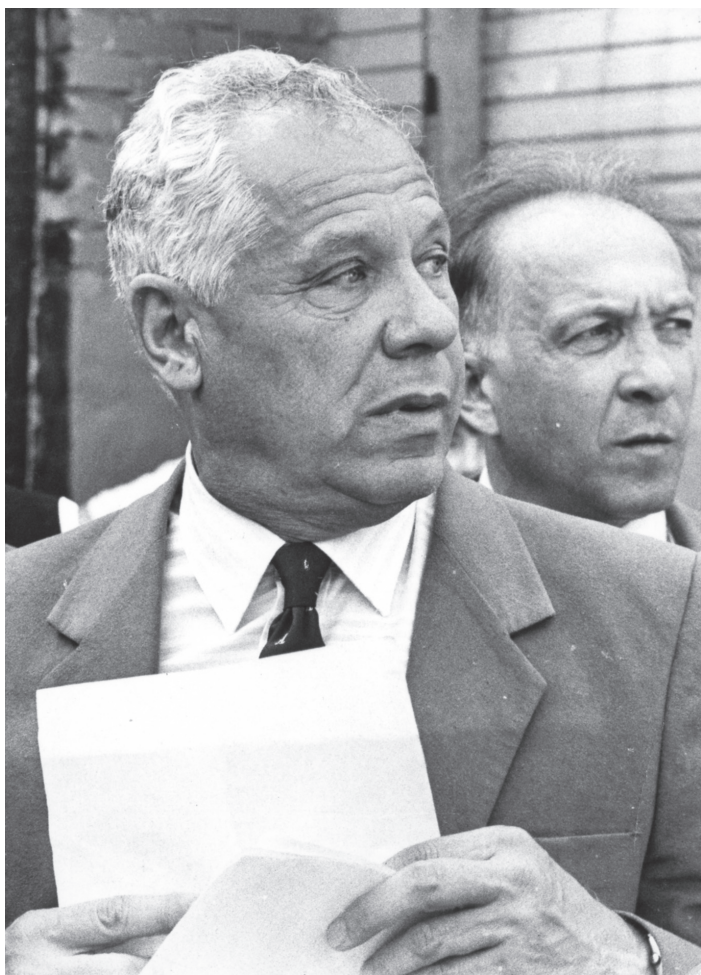

Блоковский праздник поэзии. Август 1984

С однокурсниками у Блоковского камня

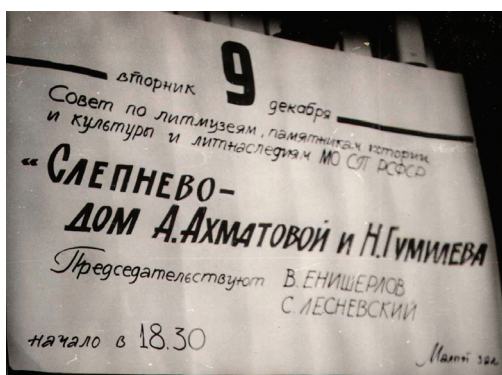
С А.П. Кулешовым. 1984

*С В. Личутиным. Вытегра. 26 октября 1985
День первых Клюевских чтений. Фото В. Евреинова*

Вечер в ЦДЛ, посвященный «Дому Поэтов»
С.С. Лесневский, Л.Н. Гумилев
Выступает В.А. Солоухин. Декабрь 1986

Афиша вечера,
посвященного
«Дому Поэтов»
9 декабря 1986

Вечер в ЦДЛ, посвященный «Дому Поэтов»
В.П. Енишерлов, С.С. Лесневский, Л.Н. Гумилев,
В.А. Солоухин. Выступает В.К. Лукницкая. *Декабрь 1986*

С.С. Лесневский и
Л.Н. Гумилев
Декабрь 1986

Выступление С.С. Лесневского в музее в Твери
Слева направо: Д.В. Куприянов, Т.М. Лисичкина, Е.Е. Степанов
Март 1987

Посещение школы в селе Сулежский Борок
Рядом с С.С. Лесневским В.В. Поляков
Март 1987

Открытие экспозиции, посвященной Ахматовой
в музее В.Я. Шишкова
Слева направо: М.А. Дудин, С.С. Лесневский, Н.В. Банников
Июнь 1987

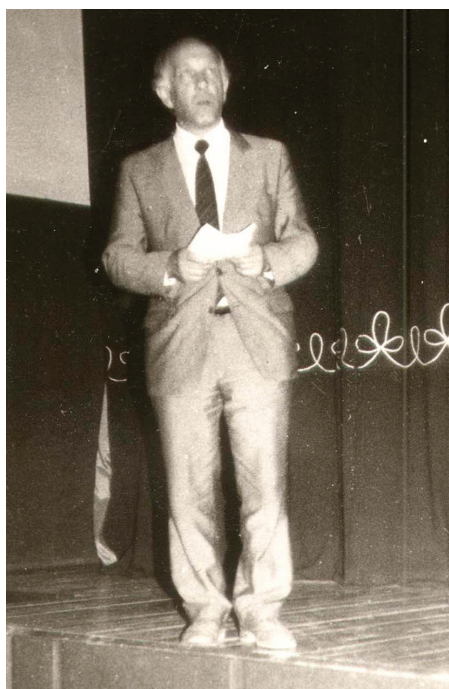
Ахматовский праздник поэзии перед «Домом Поэтов»
в Гридницах. Выступает С. Лесневский. *Июнь 1987*

Ахматовский
праздник поэзии
в Гридницах
Июнь 1987

Ахматовский праздник поэзии
Осмотр комнаты Ахматовой в «Доме Поэтов». *Июль 1987*

Ахматовский
праздник поэзии
в Бежецком Доме
культуры
Июль 1987

На вечере, посвященном 100-летию С.А. Клычкова. 11 мая 1989
Малый зал ЦДЛ. Фото Т. Хлебянкиной

Шахматово
Август 1989

Участники конференции, посвященной В.В. Розанову. 28 мая 1992

У могилы В.В. Розанова

С дочерью Анной. Коктебель. 1994

*Слева направо: В.И. Бородина, С.С. Лесневский, В.В. Поляков,
Г.Ю. Перекальская и В.И. Лесневская
Картинная галерея им. К.С. Петрова-Водкина. Хвалы́нск. 1998*

С Л. Богдановой у «Дома Поэтов»
Гридницы. Июнь 1999

С Б. Романовым
Бежецк. Июнь 1999

Андреевские чтения. Севск. 2001
Слева: А.А. Андреева. Фото Герасима Егоркина

*Слева: В.Д. Гамолин
Овстуг. 9 ноября 2001. Фото Герасима Егоркина*

*В Овстуге
9 ноября 2001
Фото Герасима
Егоркина*

На Андоме-горе у Онежского озера. 6 июля 2003
Фото В. Евреинова

На 19-х Клюевских чтениях
Вытегра. 5 июля 2003
Фото В. Евреинова

Представление книги Льва Копелева «Поэт с берегов Рейна»
в Библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино
Фото Е. Потупова

Блоковский праздник поэзии в Шахматове
Выступает Евгений Евтушенко

С сыном и внуками у Блоковского камня

С внуками в Шахматове

Участники Хомяковских чтений в Хмелите. 15 мая 2004

«Прогресс-Плеяда». 4 октября 2004

«Прогресс-Плеяда». 30 апреля 2004

Выступает Евгений Борисович Пастернак
*Сидят слева направо: М.А. Ляндю,
Л.Б. Либединская, С.С. Лесневский. 7 августа 2005*

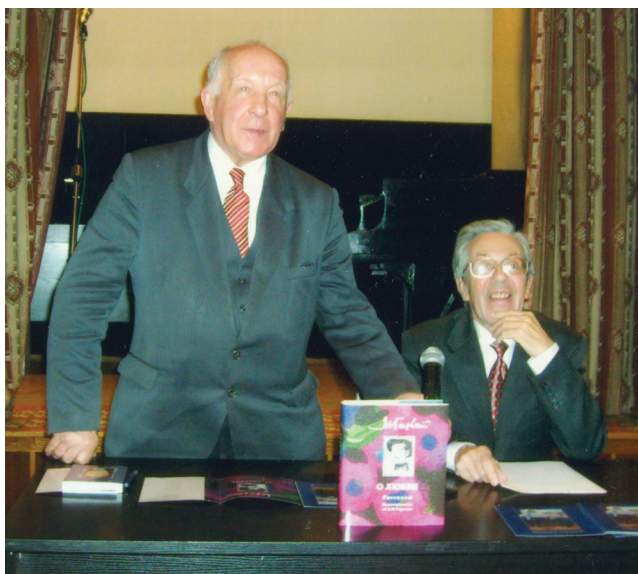
Вечер 100-летия со дня рождения Даниила Андреева
Клуб книголюбов им. Е.И. Осетрова. ЦДЛ. 20 ноября 2006

С Д.Г. Санниковым, А.Е. Парнисом, Б.Н. Романовым
ЦДЛ. 20 ноября 2006

С. С. Лесневский и Е.А. Евтущенко на фестивале авторской песни и поэзии «Серебряный журавль». Талдом. 14 июля 2007

Представление книги М. Горького «О любви»
Клуб книголюбов им. Е.И. Осетрова. ЦДЛ. 8 декабря 2008
Справа: В.И. Баранов

На «Дне города» в год 125-летия Н.А. Клюева
Вытегра. 18 июля 2009. Фото М. Скороходова

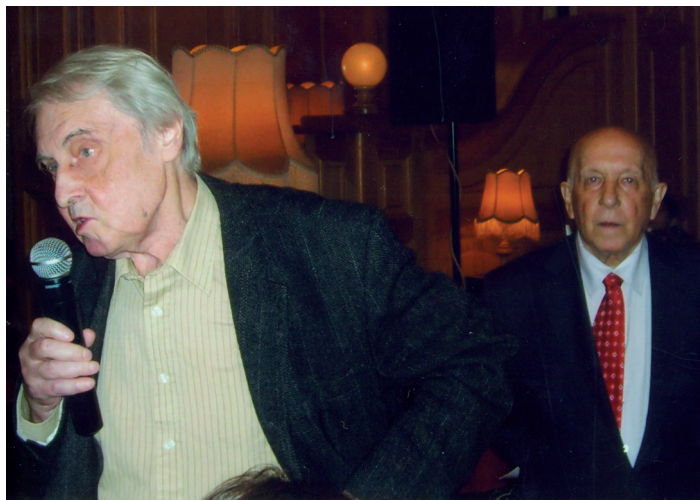
Участники Клычковской конференции у памятника С.А. Клычкову
Талдом. 16 октября 2009

2009

С.С. Лесневский и отец Виталий (Колпаченко)
у Крестовоздвиженской церкви. Хвалыиск. 2010

Выступает Сергей Бочаров
4 октября 2010. Фото Е. Потупова

Выступает
Петр Палиевский
4 октября 2010
Фото Е. Потупова

Выступает Александр Ревич
4 октября 2010. Фото Е. Потупова

С Е.Ю. Сидоровым и сестрой
4 октября 2010

Выступает Евгений Рейн. 4 октября 2010. Фото Е. Потупова

С Марианной Максимовской и сестрой
4 октября 2010

Выступление в Литературном музее
Слева: Евгений Рейн

В Литературном музее

*Солнечногорск. 4 августа 2013
Фото Е. Васильевой*

Открытие Блоковского праздника поэзии
Шахматово. 4 августа 2013

Участники международной научной конференции
«Велимир Хлебников и русский авангард»
Великий Новгород. Октябрь 2013. Фото А. Кочевника

С О. Кузнецовой
Великий Новгород
Октябрь 2013
Фото А. Николаева

*Великий Новгород. Октябрь 2013
Фото А. Николаева*

В «Прогресс-Плеяде». 4 октября 2013